

Сергей

ВИТТЕ

ВОСПОМИНАНИЯ

вся история
в одном томе

Вся история в одном томе

Сергей Витте
Воспоминания

«Издательство АСТ»

1922

УДК 929(47)
ББК 63.3(2)5-8

Витте С. Ю.

Воспоминания / С. Ю. Витте — «Издательство АСТ»,
1922 — (Вся история в одном томе)

ISBN 978-5-17-149446-9

Граф Сергей Юльевич Витте (1849–1915) – один из самых выдающихся государственных деятелей Российской империи конца XIX – начала XX в. Он сделал блистательную бюрократическую карьеру и занимал посты министра путей сообщения (1892 г.) и министра финансов (1892–1893 гг.), председателя Комитета министров (1903–1906 гг.) и Совета министров (1905–1906 гг.). С. Ю. Витте стал первым в истории России главой объединенного правительства – премьер-министром. Под руководством С. Ю. Витте были осуществлены такие значительные экономические реформы, как введение винной монополии, установление золотого обращения рубля, благодаря чему рубль стал одной из самых устойчивых и авторитетных валют в цивилизованном мире. С. Ю. Витте, как министр финансов, всячески содействовал строительству Великой Сибирской железной дороги (Транссиба), связавшей Центральную Россию с Сибирью и Дальним Востоком. Эти и другие экономические реформы способствовали небывалому росту промышленности России. В 1904–1906 гг. С. Ю. Витте руководил проведением политических реформ, имевших целью преобразование государственного строя Российской империи в конституционную монархию, причем главной из этих реформ стало создание двухпалатного парламента в виде Государственного совета и Государственной думы. Издание предлагает мемуары С. Ю. Витте, которые сделали его едва ли не более знаменитым, чем его государственная деятельность. Мемуары графа – не просто некое беспристрастное повествование, а настоящее интеллектуальное оружие. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 929(47)

ББК 63.3(2)5-8

ISBN 978-5-17-149446-9

© Витте С. Ю., 1922

© Издательство АСТ, 1922

Содержание

Вступление. Граф С.Ю. Витте: необычная карьера необычного мемуариста	7
Воспоминания. Том 1	10
Глава первая. О предках	10
Глава вторая. Ростислав Андреевич Фадеев	19
Глава третья. Кавказские наместники	28
Глава четвертая. Воспоминания из детства и юности	33
Глава пятая. Первоначальное воспитание. Гимназия. Университет	39
Глава шестая. Моя служба на Одесской железной дороге	52
Глава седьмая. О железнодорожных королях	68
Глава восьмая. О сообществе «Святая дружина» и моем участии в нем	75
Глава девятая. Моя служба в Киеве	79
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Сергей Витте

Воспоминания

© С.В. Куликов, вступление, 2022

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Вступление. Граф С.Ю. Витте: необычная карьера необычного мемуариста

Граф Сергей Юльевич Витте (1849–1915) – один из самых выдающихся государственных деятелей Российской империи конца XIX – начала XX в., причем таковым он прослыл еще при жизни. Это объяснялось его неординарными способностями и необычной карьерой, которую он сделал за довольно короткий срок, не в последнюю очередь и по причине своих родственных связей. Сын простого разночинца, русского немца, действительного статского советника Юлия Федоровича Витте, выслужившего потомственное дворянство только в 1856 г., когда его сыну было семь лет, С.Ю. Витте, однако, через мать, урожденную Фадееву, являлся внуком бабушки, принадлежавшей к знаменитому роду князей Долгоруковых.

Получив домашнее образование, в 1866 г. С.Ю. Витте выдержал экзамен при Кишиневской гимназии и поступил на Физико-математический факультет Новороссийского (Одесского) университета, который окончил в 1870 г. с первой ученой степенью кандидата, данной за работу «О бесконечно малых величинах» (опубликованную впоследствии во Франции). В том же году он поступил на службу в дирекцию Одесской железной дороги, в 1871 г. – в Канцелярию новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, в 1874 г. – перешел в Департамент общих дел МПС. Одновременно С.Ю. Витте находился не только на государственной, но и на частной службе – в управлении Одесской железной дороги, где последовательно занимал должности конторщика грузовой службы, помощника машиниста, начальника станции, контролера движения, заведующего конторой движения, помощника начальника эксплуатации и с 1877 г. – помощника управляющего по движению и начальника эксплуатации. В 1878 г. молодой и многообещающий 29-летний железнодорожный делец был назначен заведующим Отделением эксплуатации Правления Юго-Западных железных дорог, находившегося в Петербурге, а в 1880 г. – начальником эксплуатации Юго-Западных железных дорог (в Киеве).

После покушения на императора Александра II, состоявшегося 1 марта 1881 г. в Петербурге и закончившегося его кончиной, С.Ю. Витте написал письмо своему дяде, публицисту генералу Р.А. Фадееву, который пользовался близостью к новому императору Александру III. В письме С.Ю. Витте предложил образовать тайное общество для защиты царя и борьбы с революционерами, что нашло свое воплощение в «Святой дружине» (неверное наименование – «Священная дружина»). Эта конспиративная антиреволюционная консервативно-либеральная организация, созданная по образцу масонских лож, официально действовала в 1881–1882 гг. В «Святой дружине» С.Ю. Витте занял один из руководящих постов, заведя Киевским округом этой организации, а также – был одним из ее публицистов-идеологов, исповедуя славянофильство. Позднее, в 1890-е гг., С.Ю. Витте порвет со славянофильством и станет убежденным западником, отдавая дань прагматизму, а не доктринерству.

Железнодорожная карьера С.Ю. Витте, между тем, достигала своего пика, поскольку в 1886 г. он стал управляющим Юго-Западными железными дорогами. Более того, после состоявшегося 17 октября 1888 г. крушения царского поезда в Борках, С.Ю. Витте привлекли к расследованию этой катастрофы как эксперта, чем в очередной раз он обратил на себя внимание Александра III. Восхищенный компетентностью специалиста по железнодорожным тарифам, которым С.Ю. Витте посвятил особую книгу, царь уже в 1889 г. назначил С.Ю. Витте директором созданного по его предложению Департамента железнодорожных дел Министерства финансов, ведавшего железнодорожными тарифами. Одновременно император произвел своего протеже из титулярных советников (чин 9-го кл.) сразу в действительные статские советники (чин 4-го кл.), дав ему «перелететь» через четыре чина – случай, небывалый в истории царской бюрократии! С этого времени С.Ю. Витте постоянно пользовался благоволением

Александра III, назначившего его в феврале 1892 г. управляющим МПС, а в августе того же года – управляющим Министерством финансов, с утверждением в должности министра финансов в январе 1893 г.

Занимая в 1892–1903 гг. пост министра финансов, С.Ю. Витте приобрел репутацию едва ли не лучшего руководителя Финансового ведомства Российской империи за всю его историю. Вместе с тем, при Александре III и при его преемнике Николае II, вступившем на престол в 1894 г., С.Ю. Витте позиционировал себя как бескомпромиссного противника конституционализма, исходя как из принципиальных, так и из прагматических соображений. Под руководством С.Ю. Витте были осуществлены такие значительные экономические реформы, как введение винной монополии, позволившей улучшить качество спиртных напитков, централизовать и увеличить доходы от их продажи, установление золотого обращения рубля, благодаря чему он стал одной из самых устойчивых и авторитетных валют в цивилизованном мире. С.Ю. Витте, как министр финансов, всячески содействовал строительству Великой Сибирской железной дороги (Транссиба) – самой длинной в истории человечества железнодорожной магистрали, связавшей Центральную Россию с Сибирью и Дальним Востоком. Эти и другие экономические реформы С.Ю. Витте способствовали небывалому росту промышленности России и превращению ее из аграрно-промышленной страны в промышленно-аграрную.

Вторая половина 1890-х гг. – отмечена распространением влияния С.Ю. Витте как министра финансов за пределы собственно Финансового ведомства в область внешней, а конкретно – дальневосточной политики. В результате при поддержке С.Ю. Витте строятся пролежавшие по территории Маньчжурии и создавшие предпосылки для колонизации Россией этой провинции Китая Китайско-Восточная и Южно-Маньчжурская железные дороги, а также город Дальний и крепость Порт-Артур на Квантунском полуострове. Параллельно влияние С.Ю. Витте активно выходило за границы Министерства финансов и в сферу МВД при решении крестьянского вопроса, что выразилось в его назначении, в январе 1902 г., председателем Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которое он возглавлял до 1905 г. Вследствие разногласий с Николаем II относительно целей и методов политики России на Дальнем Востоке в августе 1903 г. С.Ю. Витте получил почетную отставку в виде назначения председателем Комитета министров и оставался безучастным свидетелем начала в январе 1904 г. русско-японской войны 1904–1905 гг.

Возвращение С.Ю. Витте к активной деятельности произошло в связи с тем, что ему, как председателю Комитета министров, Николай II поручил осуществление Указа 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», содержавшего программу либеральных реформ. Активизации государственной деятельности С.Ю. Витте способствовала и начавшаяся 9 января 1905 г. Первая русская революция. С 17 января до 16 апреля 1905 г. С.Ю. Витте, по повелению Николая II, председательствовал не только в Комитете министров, но и в Совещании министров и председателей департаментов Государственного совета для обсуждения настоящего положения и представления на благовоззрение царя предположений о мерах государственной важности, вызываемых последними событиями, в связи с дальнейшими мероприятиями по успокоению страны и необходимыми реформами, сверх возведенных в Указе 12 декабря 1904 г. Под «реформами» в данном случае подразумевалось обсуждение вопроса и создание народного представительства. Летом 1905 г. в центре внимания С.Ю. Витте оказалась подготовка мирных переговоров с Японией, поскольку царь назначил его первым уполномоченным России на этих переговорах, проходивших в июле-августе в Портсмуте (США). Благодаря проявленным С.Ю. Витте дипломатическим дарованиям переговоры завершились подписанием 23 августа (5 сентября) 1905 г. Портсмутского мирного договора, который, несмотря на поражение, понесенное Россией в войне, оказался для нее чрезвычайно почетным.

За выдающиеся заслуги 18 сентября Николай II возвел С.Ю. Витте в графы, однако почивать на лаврах ему не пришлось, поскольку в России разгоралось революционное движение. Царь назначил его первым в истории России председателем объединенного правительства, Совета министров, и поручил кабинету С.Ю. Витте в составленном при его участии Манифесте 17 октября 1905 г. наряду с подавлением революции подготовить: 1) дарование населению незыблемых основ гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов; 2) привлечение к участию в учрежденной Николаем II 6 августа 1905 г. Государственной думе тех классов населения, которые еще не имели избирательных прав (речь шла о рабочих) и 3) преобразование законосовещательной Государственной думы в законодательную, установив как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа была обеспечена возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий властей. Так С.Ю. Витте, принципиальный сторонник «просвещенного абсолютизма», вошел в историю как отец русской конституции.

Совет министров под председательством С.Ю. Витте за рекордно короткие полгода, с октября 1905 по апрель 1906 г., не только успешно подавил основные очаги революции в Центральной и Азиатской России, но и издал временные законы о свободе слова, собраний и союзов и новый демократический избирательный закон. Также был создан двухпалатный российский парламент в виде Государственного совета и Государственной думы, и подготовлены новые Основные государственные законы 1906 г., которые подвели итоги всем предшествовавшим преобразованиям. Тем не менее, С.Ю. Витте не снискал доверия ни у русского общества, ни у Николая II. Революционеры ненавидели графа как подавителя революции, либералы считали его недостаточно либеральным, консерваторы – недостаточно консервативным, а царь – упрекал С.Ю. Витте за политическое «хамелеонство», за недостаточно искреннее верноподданство. В итоге в апреле 1906 г., перед самым открытием I Государственной думы, С.Ю. Витте подал прошение об отставке. С этих пор карьера графа, остававшегося рядовым членом Государственного совета, закатилась окончательно, и он был вынужден довольствоваться подготовкой своих мемуаров, которые сделали С.Ю. Витте едва ли не более знаменитым, чем его государственная деятельность. Объясняется это тем, что мемуары графа – не просто некое бесстрастное повествование, а настоящее интеллектуальное оружие, наостренное им и даже напоенное ядом против всех, вплоть до Николая II, кого он считал (справедливо или несправедливо – другой вопрос) своими врагами и кого собирался победить если не при жизни, то после смерти, во время «битвы документов». Мемуары покойного С.Ю. Витте были опубликованы впервые его вдовой графиней М.И. Витте и И.В. Гессеном в трех томах в Берлине в 1922 г. Читая воспоминания С.Ю. Витте, лишней раз убеждаешься, что великий человек – велик не только в своих достоинствах, но и в своих недостатках, в своих ошибках – вольных или невольных, и что, в конечном итоге – Бог ему судья...

Сергей Куликов

Воспоминания. Том 1

Глава первая. О предках

Мне 62 года, я родился в Тифлисе в 1849 году.

Отец мой, Юлий Федорович Витте, был директором департамента государственных имуществ на Кавказе. Мать моя – Екатерина Андреевна Фадеева, дочь члена Главного Управления наместника кавказского Фадеева. Фадеев был женат на княжне Елене Павловне Долгорукой, которая была последней из старшей отрасли князей Долгоруких, происходящей от Григория Федоровича Долгорукова, сенатора при Петре I, брата знаменитого Якова Федоровича Долгорукова. Мой дед приехал на Кавказ при наместнике светлейшем князе Воронцове, который положил прочное гражданское основание управлению Кавказом. Ранее дед управлял иностранными колониями в Новороссийском крае, когда светлейший князь Воронцов был Новороссийским генерал-губернатором, а еще ранее этого мой дед Фадеев был губернатором в Саратове. У моего деда было три дочери и один сын. Старшая дочь, довольно известная писательница времен Белинского, которая писала под псевдонимом «Зинаида Р.», была замужем за полковником Ганом.

Вторая дочь была моя мать. Третья дочь осталась девицей, она до настоящего времени жива, ей, вероятно, около 83 лет, – она ныне живет в Одессе. Сын же деда – генерал Фадеев – был ближайшим сотрудником фельдмаршала князя Барятинского, наместника кавказского. Фадеев известен, как выдающийся военный писатель. Когда дед был губернатором в Саратове, министром внутренних дел того времени Перовским был командирован в Саратовскую губернию мой отец – дворянин Витте, как специалист по сельскому хозяйству. Там он влюбился в мою мать и женился на ней. Отец мой окончил курс в Дерптском университете; затем он изучал сельское хозяйство и горное дело в Пруссии. Он приехал на Кавказ вместе с семьей Фадеевых и кончил свою карьеру тем, что был директором Департамента Земледелия на Кавказе. Он умер сравнительно в молодых годах, т. е. ему было немного более 50 лет.

Старшая дочь, Ган (Зинаиды Р.), имела двух дочерей и одного сына. Она умерла в молодости. Ее старшая дочь была известная теофизитка, или спиритка, Блавацкая; младшая же дочь – известная писательница, писавшая преимущественно различные рассказы для юношества, Желиховская. Сын г-жи Ган был ничтожною личностью и кончил свою жизнь в Ставрополе мировым судьей.

Теперь я остановлюсь несколько на личности Блавацкой, как весьма прогремевшей одно время теофизитке и писательнице. Я помню, что когда я познакомился в Москве с Катковым, он заговорил со мной о моей двоюродной сестре Блавацкой, которую он лично не знал, но перед талантом которой преклонялся, почитая ее совершенно выдающимся человеком. В то время в его журнале «Русский Вестник» печатались известные рассказы Блавацкой «В дебрях Индостана», и он был очень удивлен, когда я высказал мое мнение, что Блавацкую нельзя принимать всерьез, хотя, несомненно, в ней был какой-то сверхъестественный талант. Когда Ган умерла, дед мой Фадеев взял обеих дочерей к себе на Кавказ. Вскоре Желиховская вышла замуж за первого своего мужа Яхонтова, псковского помещика; Блавацкая – вышла замуж за Блавацкого, Эриванского вице-губернатора. Тогда меня или не было на свете, или же я был еще совершенно мальчиком, а потому Блавацкую в то время не помню, но по рассказам домашних я знаю следующее: вскоре она бросила мужа и переехала из Эривани в Тифлис к деду.

В то время одним из самых больших и гостеприимных домов в Тифлисе был дом Фадеевых. Фадеев жил вместе с семьей Витте и занимал в Тифлисе громадный дом, недалеко от Головинского проспекта, в переулке, идущем с Головинского проспекта на Давидовскую гору,

название которого я не запомнил. Жил он так, как жилали в прежнее время, во времена крепостных, большие бары. Так, я помню, хотя я был совсем мальчиком, что одной дворни (т. е. прислуги) у нас было около 84 человек – я помню отлично даже эту цифру – громадное большинство этой дворни были крепостные Долгорукой...

Когда Блавацкая появилась в дом Фадеевых, то мой дед счел, прежде всего, необходимым отправить ее скорее в Россию к ее отцу, который в то время командовал батареей где-то около Петербурга. Так как тогда никаких железных дорог на Кавказ еще, конечно, не было, то отправка Блавацкой совершилась следующим образом: дед назначил доверенного человека – дворецкого, двух женщин из дворни и одного малого из молодой мужской прислуги; был нанят большой фургон, запряженный 4-мя лошадьми. Вот каким образом совершались эти дальние поездки. Блавацкая была отправлена с этой свитой до Поти, а из Поти предполагали далее отправить ее морем в один из Черноморских портов и далее уже по России. Когда они приехали в Поти, там стояло несколько пароходов и в их числе один английский пароход. Блавацкая снюхалась с англичанином, капитаном этого парохода, и в одно прекрасное утро, когда люди в гостинице встали, – они своей барыни не нашли: Блавацкая в трюме английского парохода удрала в Константинополь. В Константинополе она поступила в цирк наездницей, и там в нее влюбился один из известнейших в то время певцов – бас Митрович; она бросила цирк и уехала с этим басом, который получил ангажемент петь в одном из наибольших театров Европы, и вдруг мой дед после этого начал получать письма от своего «внука» оперного певца Митровича; Митрович уверял его, что он женился на внучке деда – Блавацкой, хотя последняя никакого развода от своего мужа Блавацкого, Эриванского губернатора, не получала. Прошло несколько времени и мой дед и бабушка – Фадеевы, вдруг получили письмо от нового «внука», от какого-то англичанина из Лондона, который уверял, что он женился на их внучке Блавацкой, отправившейся вместе с этим англичанином по каким-то коммерческим делам в Америку. Затем Блавацкая появляется снова в Европе и делается ближайшим адептом известнейшего спирита того времени, т. е. 60-х годов прошлого столетия, – Юма. Затем из газет семейство Фадеевых узнало, что Блавацкая дает в Лондоне и Париже концерты на фортепиано; потом она сделалась капельмейстершею хора, который содержал при себе Сербский король Милан. Во всех этих перипетиях прошло, вероятно, около 10 лет ее жизни, и наконец она выпросила разрешение у деда Фадеева приехать снова в Тифлис, обещая вести себя скромно и даже снова сойтись со своим настоящим мужем – Блавацким. И вот, хотя я был тогда еще мальчиком, помню ее в то время, когда она приехала в Тифлис; она была уже пожилой женщиной и не так лицом, как бурной жизнью. Лицо ее было чрезвычайно выразительно; видно было, что она была прежде очень красива, но со временем крайне располнела и ходила постоянно в капотах, мало занимаясь своей особой, а потому никакой привлекательности не имела. Вот в это то время она почти свела с ума часть тифлисского общества различными спиритическими сеансами, которые она проделывала у нас в доме. Я помню, как к нам каждый вечер собиралось на эти сеансы высшее тифлисское общество, которое занималось верчением столов, спиритическим писанием духов, стучанием столов и прочими фокусами. Как мне казалось, моя мать, тетка моя Фадеева и даже мой дядя Фадеев – все этим увлекались и до известной степени верили. Но эти занятия проделывались более или менее в тайне от главы семейства – моего деда, а также и от моей бабушки, Фадеевых; также ко всему этому довольно отрицательно относился и мой отец. В это время адъютантами фельдмаршала Барятинского были: граф Воронцов-Дашков, теперешний наместник Кавказский, оба графа Орловы-Давыдовы и Перфильев, – это все были молодые люди из Петербургской гвардейской – *jeunesse dorée*; я помню, что все они постоянно просиживали у нас целые вечера и ночи, занимаясь спиритизмом. Хотя я был тогда совсем еще мальчик, но уже относился ко всем фокусам Блавацкой довольно критически, сознавая, что в них есть какое-то шарлатанство, хотя оно и было делаемо весьма искусно: так, например, раз при мне, по желанию одного из присутствующих, в другой комнате начал играть фортепи-

ано, совсем закрытый, и никто в это время у фортепиано не стоял. Теперь, как кажется, ко всем этим спиритическим действиям общественное мнение Европы, а также и у нас в России, относится как к шарлатанству; тогда же этим очень увлекались, и Юм, который был, конечно, точно также ничто иное, как ловкий и талантливый фокусник, считался весьма знаменитым человеком, а Блавацкая, будучи сотрудницей Юма, конечно, заимствовала от него все приемы и спиритические тайны. Впрочем, к сожалению, в последние годы у нас в Петербурге, по-видимому, начал опять процветать своего рода особый спиритизм, т. е. неврастеническое верование в проявления, в различных формах и в различных признаках, умерших лиц, и этот спиритизм, к сожалению, даже имел некоторые печальные последствия в государственной жизни.

В этот период своей жизни Блавацкая начала сходить с этим мужем и даже поселилась вместе с ним в Тифлисе. Но вдруг в один прекрасный день ее на улице встречает оперный бас Митрович, который после своей блестящей карьеры в Европе, уже постарев и потеряв отчасти свой голос, получил ангажемент в тифлисскую итальянскую оперу. Так как Митрович всерьез считал Блавацкую своей женой, от него убежавшей, то, встретившись с нею на улице, он, конечно, сделал ей скандал. Результатом этого скандала было то, что Блавацкая вдруг из Тифлиса испарилась. Оказалось, что она вместе со своим мнимым мужем, басом Митровичем, который также бросил оперу, удрали с Кавказа. Затем Митрович получил ангажемент в киевскую оперу, где он начал петь по-русски, чему учила его мнимая супруга Блавацкая, и несмотря на то, что Митровичу в это время уже было, вероятно, под 60 лет, он, тем не менее, отлично пел в Киеве в русских операх, напр., в «Жизни за Царя», «Русалке» и проч., так как при своем таланте он легко мог изучать свои роли под руководством, несомненно, талантливой Блавацкой. В это время в Киеве генерал-губернатор был князь Дундуков-Корсаков.

Этот Дундуков-Корсаков, во время молодости Блавацкой, раньше чем она вышла замуж за Блавацкого, знал ее, потому что в это время он командовал на Кавказе (где жила и Блавацкая) одним из драгунских полков (Нижегородским). Какие недоразумения произошли между Блавацкой и Дундуковым-Корсаковым – генерал-губернатором Киева, я не знаю, но знаю только то, что в Киеве вдруг на всех перекрестках появились наклеенные на стенах стихотворения, очень неприятные для Дундукова-Корсакова. Стихотворения эти принадлежали Блавацкой. Вследствие этого Митрович со своей мнимой супругой Блавацкой должны были оставить Киев и появились в Одессе.

В это время в Одессе уже проживала моя мать со своею сестрой и своими детьми, в том числе и мною (мой дед, моя бабушка и отец уже умерли в Тифлисе), так как я и мой брат были там студентами университета. Тогда я уже был настолько развит, что мог вполне критически отнестись к Блавацкой и, действительно, я составил себе совершенно ясное представление об этой выдающейся и до известной степени демонической личности. Уехав из Киева и поселившись в Одессе, Блавацкая с Митровичем должны были найти себе средства для жизни. И вот вдруг Блавацкая сначала открывает магазин и фабрику чернил, а потом цветочный магазин (т. е. магазин искусственных цветов). В это время она довольно часто приходила к моей матери, и я несколько раз заходил к ним в этот магазин. Когда я познакомился ближе с ней, то был поражен ее громаднейшим талантом все схватывать самым быстрым образом: никогда не учившись музыке – она сама выучилась играть на фортепиано и давала концерты в Париже и Лондоне; никогда не изучая теории музыки – она сделалась капельмейстером оркестра и хора у Сербского короля Милана; давала спиритические представления; никогда серьезно не изучая языков – она говорила по-французски, по-английски и на других европейских языках, как на своем родном языке; никогда не изучая серьезно русской грамматики и литературы, – многократно, на моих глазах, она писала длиннейшие письма стихами своим знакомым и родным, с такой легкостью, с которой я не мог бы написать письма прозой; она могла писать целые листы стихами, которые лились, как музыка, и которые не содержали в себе ничего серьезного; она писала с легкостью всевозможные газетные статьи на самые серьезные темы, совсем не зная

основательно того предмета, о котором писала; могла, смотря в глаза, говорить и рассказывать самые небывалые вещи, выражаясь иначе – неправду, и с таким убеждением, с каким говорят только те лица, которые никогда кроме правды ничего не говорят.

Рассказывая небывалые вещи и неправду, она, по-видимому, сама была уверена в том, что то, что она говорила, действительно было, что это правда, – поэтому я не могу не сказать, что в ней было что-то демоническое, что было в ней, сказав попросту, что-то чертовское, хотя, в сущности, она была очень незлобивый, добрый человек. Она обладала такими громадными голубыми глазами, каких я после никогда в моей жизни ни у кого не видел, и когда она начинала что-нибудь рассказывать, а в особенности небылицу, неправду, то эти глаза все время страшно искрились, и меня поэтому не удивляет, что она имела громадное влияние на многих людей, склонных к грубому мистицизму, ко всему необыкновенному, т. е. на людей, которым приелась жизнь на нашей планете и которые не могут возвыситься до истинного понимания и чувствования предстоящей всем нам загробной жизни, т. е. на людей, которые ищут начал загробной жизни и, так как они их душе недоступны, то они стараются увлечься хотя бы фальсификацией этой будущей жизни. Я думаю, что знаменитый Катков, столь умный человек, человек, который умел относиться к явлениям жизни реально, вероятно, раскусил бы Блавацкую, если бы он с нею сталкивался. Но, насколько у Блавацкой был своеобразный и великий талант, служит доказательством то, что такой человек, как Катков, мог увлекаться феерическими рассказами «В дебрях Туркестана», которые печатались в его журнале – рассказами, которые он считал безусловно выдающимися и необыкновенными. Впрочем, мне и до настоящего времени приходится иногда слышать самые восторженные отзывы об этих рассказах, которые печатались в «Русском Вестнике» несколько десятков лет тому назад. Конечно, цветочный магазин, открытый в Одессе г-жою Блавацкой, после того, как прогорел ее магазин по продаже чернил, также был закрыт по той же причине, и тогда Митрович, которому было уже 60 лет, получил ангажемент в итальянскую оперу в Каире, куда он и отправился вместе с Блавацкой.

Отношение его к Блавацкой было удивительно; он представлял собою беззубого льва, вечно стоявшего на страже у ног своей повелительницы, уже довольно старой и тучной дамы, как я уже указывал выше, ходившей большею частью в грязных капотах. Не доезжая до Каира, пароход совсем у берега потерпел крушение. Митрович, очутившись в море, при помощи других пассажиров, спас Блавацкую, но сам он потонул. Таким образом, Блавацкая явилась в Каир в мокром капоте и мокрой юбке, не имея ни гроша денег. Как она выбралась оттуда, – я не знаю. Но, затем она очутилась в Англии и стала основывать там новое теософическое общество и, для вящего подкрепления начал этого общества, она отправилась в Индию, где изучала все индийские тайны. Это пребывание в Индии, между прочим, и послужило темой для указанных ранее статей «В дебрях Туркестана», которые она писала, конечно, для того, чтобы заработать некоторое количество денег. По возвращении из Индии она приобрела уже много adepts и поклонников в своем новом теософическом учении, поселилась в Париже и там была главой всех теофизитов. Вскоре она заболела и умерла. Но теософическое учение осталось в различных частях света; еще в настоящее время во многих местах имеются теософические общества, и еще недавно в Петербурге издавался теософический журнал. В конце концов, если нужно доказательство, что человек не есть животное, что в нем есть душа, которая не может быть объяснена каким-нибудь материальным происхождением, то Блавацкая может служить этому отличным доказательством; в ней несомненно был дух, совершенно независимый от ее физического или физиологического существования. Вопрос только в том, каков был этот дух, а если встать на точку зрения представления о загробной жизни, что она делится на ад, чистилище и рай, то весь вопрос только в том, – из какой именно части вышел тот дух, который поселился в Блавацкой на время ее земной жизни.

Вторая дочь «Зинаида Р.», Вера Петровна Желиховская, хорошо известна благодаря своим книгам в Петербурге и вообще в больших Российских городах; по крайней мере мне постоянно матери говорят о книгах, ею написанных, и сожалеют, что ее уже больше нет в живых и что теперь больше нет книг, которые были бы удобны для чтения юношества. Признаться, я ни одной книги ее не читал.

Как я говорил, она была сначала замужем за Яхонтовым, а затем, когда Яхонтов умер, она со своими детьми переехала в Тифлис, в дом Фадеевых, влюбилась в учителя тифлисской гимназии, впоследствии директора гимназии, – Желиховского. Фадеевы, которые были очень не чужды особого рода дворянского, или вернее, боярского чванства 60–70 годов, – конечно, о такой свадьбе и слышать не хотели. Вследствие этого, Вера Петровна бежала из дому, вышла замуж за Желиховского, и в доме Фадеевых он никогда не бывал. После, когда бабушка Фадеева, урожденная княжна Долгорукая, и Фадеев умерли, мои отец и мать начали принимать Желиховских.

У Желиховской осталось двое сыновей от мужа Яхонтова, из которых – первый полковник одного из драгунских кавалерийских полков, и три дочери от Желиховского; старшая дочь вышла замуж за американца публициста Джонсона. Он представлялся мне со своей женой в Нью-Йорке, когда я был в Америке, по случаю заключения мирного трактата с Японией. Две других дочери Желиховской находятся в Одессе, из которых одна несколько недель тому назад вышла замуж за семидесятилетнего корпусного командира.

Относительно семейства Витте, я знаю, что мой отец, приехавший в Саратовскую губернию, был лютеранином; он был дворянин Псковской губернии, хотя и Балтийского происхождения. Предки его были голландцы, приехавшие в Балтийскую губернию, когда таковые еще принадлежали шведам. Но семья Фадеевых была столь архиправославная, не в смысле черносотенного православия, а в лучшем смысле этого слова – истинно православная, что, конечно, не смотря ни на какую влюбленность моей матери в молодого Витте, эта свадьба не могла состояться до тех пор, пока мой отец не сделался православным. Поэтому еще до женитьбы, или во всяком случае, в первые годы женитьбы, до моего рождения, отец мой уже был православным и, так как он вошел совершенно в семью Фадеевых, а с семьею Витте не имел никаких близких отношений, то, конечно, прожив многие десятки лет в счастливом супружестве с моей матерью, он и по духу сделался вполне православным. У них было три сына: Александр, Борис и третий – я, Сергей, а затем две дочери, которые были моложе меня, одна – Ольга, другая – Софья.

Мой старший брат – Александр умер после последней Турецкой войны. Он кончил курс в Московском кадетском корпусе и служил все время в Нижегородском драгунском полку. Память о нем в этом полку сохранилась до настоящего времени. До сих пор наиболее любимые песни, которые поются в этом полку упоминают о храбром майоре Витте. Александр был средних умственных способностей, среднего образования, но был прекраснейшей души человек. Его любили все товарищи, а также и те офицеры, с которыми он когда-нибудь сталкивался. Перед войной с Турцией он дрался на дуэли с сыном бывшего товарища министра иностранных дел при Горчакове – Вестеманом, которого и убил. Дуэль эта, как мне, помню, рассказывал мой брат, произошла по следующим причинам: полк в это время стоял в Пятигорске, куда, как известно, постоянно на лето приезжают различные семейства из России и Кавказа для лечения и вообще для времяпрепровождения. Приехало туда и одно семейство, в котором была одна барышня. Вестеман, служивший в Северском полку, который стоял в Пятигорске, влюбился в эту барышню. Мой брат Александр был очень близок этому семейству и часто его посещал, вследствие чего Вестеман весьма ревновал моего брата, хотя Александр был среднего роста, очень тучный, некрасивый, – совершенно вахлак, но весьма симпатичный, добродушный человек, у которого в глазах постоянно сквозила доброта. В противоположность ему Вестеман был очень красивый, галантный офицер. В Пятигорске был офицерский клуб, старшиною которого

был мой брат. И вот, однажды, на балу в этом клубе во время танцев, сидел Александр вместе с этой барышней; затем его позвали по каким-то клубным делам, он ушел, возвращается, а на его месте сидит Вестеман; рядом же с барышней – свободный стул (вероятно, этот стул барышня и поставила для моего брата). Когда Александр сел на этот стул, Вестеман, обратившись к нему, сказал: «Что же вы сели сюда для того, чтобы подслушивать наш разговор?» На это мой брат ответил, что он не имел в виду ничего подобного и решительно не может понять, какие такие разговоры может вести с ним барышня, которые бы составляли тайну. Во всяком случае, он ничего слушать не хочет и готов сию же минуту удалиться. На это Вестеман сказал: «Да, я знаю, что вы подлец».

На следующий день мой брат отправил к Вестеману двух своих товарищей, чтобы они передали ему, что несомненно вчера Вестеман был пьян, почему он его выходку и оставил вчера без последствий; но, что он надеется, что теперь Вестеман явится к нему извиниться в присутствии офицеров. На это Вестеман сказал, что он совершенно не желает извиняться, что он назвал Александра именно подлецом, чтобы последовали все последствия, происходящие от такого слова. На это брат послал ему вызов. Вестеманом были назначены секунданты и произошла дуэль на следующих условиях: драться должны были до тех пор, пока один из участников не будет или убит, или так ранен, что не в состоянии будет владеть пистолетом; начать стрельбу на расстоянии 40 шагов; подходить постепенно по 10 шагов и, всякий раз, пройдя расстояние в 10 шагов, обмениваться выстрелами. Мне Александр рассказывал (что впоследствии и на суде подтверждено было, когда брата судили), что по первому сигналу он выстрелил на воздух, а Вестеман выстрелил так, что пуля проскочила мимо самого уха брата, и он почувствовал контузию. Тогда брат послал секундантов спросить: не согласится ли Вестеман теперь извиниться? Вестеман отказался, сказав что дерется для того, чтобы кто-нибудь из двух был убит. Последовал второй сигнал; брат выстрелил опять на воздух, а Вестеман опять так, что пуля его пролетела мимо другого уха Александра. Брат мне впоследствии рассказывал, что он тогда очень разозлился, но все-таки опять послал секундантов потребовать от Вестемана извинения, последний отказался и только в третий раз брат уже стрелял, целясь; пуля Вестемана прошла и на этот раз мимо, а брат убил его наповал. В то время кавказским наместником уже был Великий Князь Михаил Николаевич, который очень любил моего брата и во время военного суда, происходившего в Тифлисе, все время находился в суде. В конце концов брата моего присудили к шестимесячному аресту в крепости, но Александр не просидел, кажется, и двух месяцев, так как была объявлена Восточная война, и он по распоряжению Великого Князя был освобожден и пошел на войну вместе со своим полком в качестве эскадронного, а потом и дивизионного командира.

На войне он многократно отличался, но ни разу не был ранен.

Самый известный его подвиг это тот, когда его корпусный командир, впоследствии граф Лорис-Меликов, на основании планов Генерального Штаба, послал брата с его адъютантом и двумя сотнями казаков сделать рекогносцировку около Карса, причем Александру была дана карта, по которой он должен был проехать по одному направлению около Карса, а вернуться по-другому. Из рассказов моего брата я знаю, что произошло следующее: когда он поехал на рекогносцировку, причем адъютант или состоящий при нем офицер держал перед собой эту карту, вдруг он встречается с несколькими турецкими батальонами, и так как Александр имел приказание проехать кругом и вернуться с другой стороны, то и скомандовал «в атаку». Его эскадрон прорвался через цепь турецкой пехоты, оставив сравнительно незначительное число людей. Начали скакать далее; вдруг он видит перед собой громадную пропасть, которую невозможно было проехать, и если бы прыгнуть в эту пропасть, то все, без исключения, погибли бы в ней. Тогда Александр приказал свернуть и атаковать в обратном направлении. В это время к турецкому батальону, из которого много людей было уже ими уничтожено, подоспела помощь,

и Александр должен был снова атаковать и снова прорваться, причем в этих двух атаках он оставил на поле половину людей.

Все это произошло потому, что офицеры Генерального Штаба составили неправильный план. В атаках все время с братом был флаг этого отряда, и он вернулся, не потеряв этого флага, за что по статуту ему полагался «Георгий». Но этим Лорис-Меликов был поставлен в самое затруднительное положение, потому что, если бы он донес обо всем происшедшем, офицеры Генерального Штаба должны были бы пойти под суд. Тогда моего брата позвал Великий Князь Михаил Николаевич, объяснил ему положение дела и сказал: «Друг мой, извини, но это дело нужно забыть, как будто бы его никогда и не бывало, потому что иначе я должен буду выдать всех офицеров Генерального Штаба». Так и было решено. Но когда кончилась война, то в первый же Георгиевский праздник, в числе депутации кавказских офицеров приехал и мой брат, потому что за другие подвиги он получил золотую (Георгиевскую) шашку, а затем он имел все ордена, которые полагаются при его чине полковника (все ордена он имел с мечами). Это было в начале 80-х годов и, так как война уже кончилась, то Великий Князь Михаил Николаевич рассказал всю эту историю Императору Александру II.

Император Александр II, во время Георгиевского праздника, подошел к моему брату, снял свой маленький Георгий и повесил ему, сказав, что Александр давно его заслужил, но что он теперь только узнал об этом происшествии. Таким образом, в течение всей войны, не смотря на постоянные опасности, которым подвергался мой брат, он не был ранен; только перед самым окончанием войны, когда почти уже было известно, что война кончилась, Александр с маленьким отрядом ехал проверять посты, и тут шальная турецкая бомба пролетела мимо его головы и контузила. Считали, что он убит. Даже моя мать получила телеграмму от Великого Князя Михаила Николаевича с соболезнованием о том, что ее старший сын, один из самых любимейших его офицеров, к сожалению, убит. Но, когда Александра положили в госпиталь, он через несколько дней пришел в себя и вскоре поправился. Мой брат должен был получить полк, но это не могло состояться, так как он, вследствие контузии, не мог при свете поднимать глаза и всегда днем сидел с закрытыми глазами и только в темноте он мог открывать глаза. В это время я был Управляющим Юго-Западных дорог в Киеве, он приезжал ко мне. Из моего семейства сильнее всех я любил его. Я советовался с самыми лучшими докторами, но они мне сказали, что у него есть какие-то повреждения и предупредили меня, что я могу получить внезапно известие о том, что он умер от удара.

Вследствие этого Александру дали командовать запасным кадром кавказской кавалерии, находящимся около Ростова; командир этого запасного кадра равен командиру полка. При нем был там доктор Писаренко, тот самый доктор, который ныне состоит при Эмире Бухарском. И, действительно, я в один несчастный для меня день получил телеграмму от этого д-ра Писаренко о том, что мой брат лег спать и больше не проснулся, т. е. с ним случился удар.

С покойным братом я очень часто разговаривал о войне; он всегда был очень скромен и благодушен. Я помню, он постоянно мне говорил об ощущениях, которые приходится претерпевать на войне. Александр говорил: если кто-нибудь когда-нибудь будет тебе говорить, что он не боится, идя на войну (и во время войны), – не верь ему. До боя – все бояться, но когда уже начнется бой, то тогда люди, действительно, забываются и, забываясь, они перестают чего-либо бояться. Он говорил, что отлично помнит, как часто, пускаясь в атаку с кавалерией, он рубил неприятелей с меньшим сожалением, чем, если бы ему пришлось рубить баранов. Кровь, которая брызгала и лилась вокруг брата, не производила на него никакого впечатления и, тем не менее, когда ему приходилось идти на бой, то до боя – он всегда находился в волнении.

Мне лично пришлось испытать точно такое же чувство, когда я после 17 Октября, в течение полугода был Председателем Совета. В самый разгар революции, когда я ежедневно и ежедневно подвергал свою жизнь опасности, – меня на каждом шагу предупреждали, чтобы я не ехал туда-то, скрывался бы оттуда-то, говорили о необходимости иметь какую-то охрану, я

несмотря на это в течение полугода жил без всякой охраны, ездил всюду, не имея не только официальной охраны, но и тайной. Мне часто давали знать по телефону, чтобы я не ехал туда-то и берегся; сидел бы столько-то дней дома, – я никогда не исполнял этого, но должен сказать, что когда я находился у себя, ложился спать, зная, что утром на следующий день мне придется ехать туда и туда, я все время страшно боялся и, когда мне приходилось спускаться с лестницы, садиться в экипаж и затем ехать туда, где есть публика, народ, то выходя из дому я всякий раз страшно трусил, боялся; но как только я усаживался в экипаж и ехал, у меня эта боязнь проходила, и я ехал, чувствуя себя так же спокойно, как в настоящее время, когда я диктую эти строки. Вот именно тогда-то я и понял то чувство, о котором мне рассказывал мой покойный брат. Мне говорили лица, знавшие Скобелева (я также его знал), что и он им говорил то же самое, т. е., что до тех пор, пока он не выходил под пулю, в самый бой – он всегда трусил, но как только он выходил перед солдатами и начиналась стрельба, он забывал о своем страхе, и стрельба не производила на него никакого впечатления.

Второй мой брат – Борис ничего особенного собою не представлял; он был любимцем матери и отца и более других избалован. Борис кончил курс вместе со мною, но он был на юридическом факультете. Затем все время он служил в судебном ведомстве и кончил свою карьеру тем, что умер Председателем судебной Одесской палаты.

Затем у меня, – как я уже говорил, – были две сестры: одна – Ольга и другая – Софья. Ольга умерла два года тому назад, не достигнув 50-летнего возраста, а младшая – Софья жива до сих пор и до сих пор находится в Одессе. Младшая сестра Софья получила от кого-то, т. е. посредством заражения, туберкулез легких. Обе сестры были крайне дружны и жили вместе. Старшая сестра Ольга, конечно, ухаживала за младшей, заразилась от нее тем же самым (туберкулезом) и умерла; младшая же сестра жива до сего времени, хотя весьма больна. В настоящее время из семейства Фадеевых остались в живых: я, моя сестра Софья и тетка Надежда Андреевна Фадеева, которая живет в Одессе вместе с сестрой; тетке уже около 83 лет.

Я был любимцем моего дедушки, и в семействе вообще относились ко мне любовно, но, в общем, довольно равнодушно. Старший брат Александр – был любимцем бабушки, а сестра Ольга была любимицей отца и матери, как первая дочь, родившаяся после трех сыновей. Софья же была никем особенно не балована, но все к ней относились любовно. Первоначальное воспитание и образование в детстве мы все три мальчика получили от нашей бабушки Елены Павловны Фадеевой, урожденной Долгорукой.

Елена Павловна была совершенно из ряда вон выходящая женщина по тому времени, в смысле своего образования; она весьма любила природу и занималась весьма усердно ботаникой. Будучи на Кавказе она составила громадную коллекцию кавказской флоры с описанием всех растений и научным их определением. Вся эта коллекция и весь труд Елены Павловны были подарены наследниками ее в Новороссийский Университет. Бабушка научила нас читать, писать и внедрила в нас основы религиозности и догматы нашей православной церкви. Я ее иначе не помню, как сидящую в кресле, вследствие полученного ею паралича. Бабушка умерла, когда мне было лет 10–12. Мой дедушка Фадеев находился под ее нравственным обаянием, так что главою семейства была всегда Фадеева-Долгорукая. Дедушка женился на ней, будучи молодым чиновником; где он с нею познакомился, – я не знаю, но знаю, что родители моей бабушки жили в Пензенской губернии; они были дворяне Пензенской губ.

Когда они поженились, то отец бабушки – Павел Васильевич Долгорукий – благословил их древним крестом, который, по семейным преданиям, принадлежал Михаилу Черниговскому. Из истории известно, что Михаил Черниговский погиб, когда приехал к татарскому хану, которые подходил с своею ордой к центру России – Москве. В орде было предложено Михаилу Черниговскому поклониться их идолам, от чего этот последний отказался, был там же казнен, вследствие чего и был провозглашен святым.

По преданиям, идя на смерть, он отдал находившийся у него крест боярам, приказав им передать этот крест его детям. Таким образом крест этот постепенно переходил от отца к сыну, в поколениях, идущих от Михаила Черниговского, т. е. по старшей линии Долгоруких и с окончанием этой линии Еленой Павловной – перешел к ее сыну, генералу Фадееву; так как генерал Фадеев не был женат, то крест от него перешел к моей матери, а от матери к моей тетке Фадеевой. В последнюю бытность мою в Одессе два года тому назад, тетка вручила этот крест мне, так как она уже стала стара. Крест этот находится у меня в доме; я его показывал здесь двум знатокам, – с одной стороны – академику Кондакову, а с другой – директору Публичной библиотеки Кобеко. Оба они, признавая, что этот крест самого древнейшего происхождения и содержит в себе св. мощи, сомневаются в правильности сохранившегося в семействе кн. Долгоруких предания относительно того, что этот крест был на Михаиле Черниговском ранее его казни, но с другой стороны они не решаются безусловно утверждать противное.

Глава вторая. Ростислав Андреевич Фадеев

Так как у моего деда Фадеева были три дочери и только один сын, то понятно, что всю свою любовь они сосредоточили на этом сыне. Когда этот сын Ростислав вырос, то Фадеевы из Саратова, где мой дед был губернатором, перевезли его в Петербург и поместили в один из кадетских корпусов, где с ним случился такой казус: как-то утром по коридору, где находился кадет Фадеев, проходил офицер-воспитатель; офицер заметил, что у Фадеева дурно причесаны волосы, а поэтому сказал ему: «Подите, перечешитесь» и при этом сунул свою руку в его волосы, за что Фадеев ударил этого офицера по физиономии. Это происшествие было, конечно, сейчас же доложено Императору Николаю I и, в результате, Фадеев был сослан солдатом в одну из батарей, находившуюся в Бендерах. По тем временам он должен был подвергнуться гораздо большему наказанию, но благодаря тому, что начальником всех военных учебных заведений был князь Долгорукий, который вступился за своего родича, Император Николай I, любивший князя, ограничился этим наказанием.

Приехав в Бендеры, Фадеев исправно вынес службу в солдатах в течение назначенного ему времени; отбыв это наказание, он вернулся к своему отцу в Саратов дворянином без всяких занятий. Тут, в Саратове, увлекся чтением и изучением наук. Только таким образом, во время своего пребывания в Саратове, под руководством матери, Фадеев сделался вполне образованным человеком, благодаря любви к чтению и вообще к наукам, его интересующим, преимущественно историческим, географическим и военным. Из дальнейшего рассказа будет видно, что Фадеев имел громадное влияние на мое образование и на мою умственную психологию. Я к нему был очень близок, в особенности после того, когда уже окончил курс в университете, и потому жил уже вполне сознательною жизнью. Должен сказать, что я не встречал в своей жизни человека более образованного и талантливого, чем Ростислав Андреевич Фадеев, что, впрочем, должно быть известно всем образованным людям в России, ибо Фадеев написал замечательные вещи, не только по военной части, как например, «Вооруженные силы России», но и по внутренней и внешней политике, как например: «Чем нам быть?», «Восточный вопрос» и проч. Фадеев владел французским языком так же, как русским и потому иногда писал в «Revue de deux mondes» и других французских журналах. Он был полон знаний и таланта и вообще духовных сил; был несколько склонен к мистицизму и даже к спиритизму. Он был настолько образован и талантлив, что должен был сделать громаднейшую карьеру, но у него был один недостаток, недостаток этот заключался в том, что он легко поддавался увлечениям по фантастичности своей натуры. В этом смысле он напоминал свою двоюродную сестру Блавацкую, но, конечно, представлял собой гораздо более чистый, в нравственном смысле, экземпляр; он был также гораздо более образован, чем она. Во всяком случае Фадеев и Блавацкая могут служить доказательством того, что известные качества натуры передаются посредством рождаемости (по наследству) из поколения в поколение. Фадеев, живя при своем отце и матери ничего не делающим дворянином, конечно, не мог удовлетвориться такою жизнью, не смотря на свое пристрастие к книгам; с другой стороны, пребывание Фадеева в Саратове несколько стесняло его родителей, так как он позволял себе иногда невозможные выходки. Так, например, Фадеев гулял иногда по городу – хотя и в очень раннее время – совершенно без всякого одеяния; также стрелял на улице пулями; к счастью, эта стрельба ничем дурным никогда не кончалась. В конце концов, Фадеев уехал вольноопределяющимся на Кавказ. Уехал он туда потому, что в то время Кавказ манил к себе всех, кто предпочитал жить на войне, а не в мирном обществе. Это же, вероятно, было причиною того, что мой дед и бабушка, когда получили приглашение от наместника на Кавказе светлейшего князя Воронцова приехать туда, легко на это предложение согласились.

Я говорю, легко согласились на это, так как, конечно, в те времена, когда не было железных дорог, когда Кавказский перевал был занят неприятельскими нам племенами, когда вообще весь Кавказ пылал восстаниями и военными действиями с турками – много охотников из гражданских чинов ехать на Кавказ, хотя бы и на самые высшие должности, не находилось. На Кавказе молодой Фадеев скоро был произведен в офицеры; затем он участвовал почти во всех походах и войнах Кавказа во время наместничества светлейшего князя Воронцова, потом Муравьева, в особенности – при генерал-фельдмаршале князе Барятинском, который, в сущности, и покорил Кавказ и, наконец, в первые годы наместничества Великого Князя Михаила Николаевича.

Наместничества светлейшего князя Воронцова, – я не помню, так как я только родился на свет в последние годы его наместничества; знаю, что к нему относились на Кавказе с большим уважением и что он являлся на Кавказе, преимущественно гражданским устроителем. После Воронцова наместником был назначен Муравьев. Муравьева на Кавказе не очень любили; его я уже помню; помню, как он делал смотр; ездил он верхом очень гадко, был очень полон и вообще своей особой не производил никакого впечатления. Помню также и то, что он жил во дворце, в котором и ныне живет наместник граф Воронцов-Дашков. В те времена при дворце не было устроено надлежащих ванн или бань; была только русская баня в том самом переулке, на который выходит и дворец, против арсенала. Баня эта была выстроена из бревен. Помню, что Муравьев, который ужасно любил париться в русских банях, ходил туда и обратно в костюмах, до известной степени напоминающих те костюмы, в которых ходил молодой Фадеев в Саратове.

Во времена Муравьева, который наместником на Кавказе был недолго, как известно, происходила война с Турцией; была осада и взятие Карса, причем при этой осаде и взятии мы понесли большие урон. Мой дядя мне рассказывал, что при взятии Карса он сделался религиозным человеком, до того же времени он был заражен атеизмом. В числе военных, которые находились при взятии Карса, был Скобелев, отец знаменитого Скобелева и отец княгини Белосельской-Белозерской, ныне живущей еще на Крестовском острове. Этот Скобелев, который, как известно, был сын простого солдата Скобелева, командовал в это время одним из полков; он очень любил моего дядю, который был уже в то время в капитанском чине и который был гораздо моложе его. Дядя мне рассказывал, что когда он получил приказ атаковать Карс и во что бы то ни стало взять его, то многие офицеры в этот вечер, по привычке того времени, кутили перед боем, – Скобелев же целый вечер употребил на молитву и на приготовление себя к смерти; своим примером он заставил делать то же самое и Фадеева; Фадеев исполнил все то, что полагается православному христианину, который собирается уходить на тот свет. Все было сделано так благоговейно и так торжественно, что, как мне после говорил Фадеев, – с тех пор он перестал быть атеистом, поверил в Бога, в загробную жизнь и сделался большим поклонником православной церкви (в которой, конечно, он и родился). Всю свою жизнь он был истинным сторонником нашей святой православной церкви, сторонником весьма образованным и начитанным, знающим священную историю и вообще всю историю нашей церкви.

Конечно, он был адептом православной церкви не в том черносотенном смысле, в котором ныне во многих высших сферах, преимущественно в сферах церковных, синодальных, понимается русская православная церковь. Он был возмущен тем черносотенным направлением русской церкви, в каком она находится в России, по крайней мере, на верхах, причем иерархи Церкви занимаются гораздо менее Богом, нежели черносотенною политикой.

Он постоянно восхищался тем тоном сочинений Хомякова, – отца прекрасного человека, но большого балагура, бывшего председателя Государственной Думы, – в котором содержатся его статьи на богословские темы. Этот том сочинений Хомякова не был в продаже в России, и я даже не знаю, разрешен ли он к продаже ныне или нет? Я его прочел, будучи еще молодым человеком, и должен сказать, что из всех богословских книг наибольшее впечатление произвели на меня богословские статьи Хомякова.

При взятии Карса, – как я уже говорил, – мы потеряли большое количество войск; как известно, при первых осадах и атаках мы были даже отбиты, потерпев значительный урон. Фадеев рассказывал мне, что в то время он был очень дружен с офицером князем Орбелиани, близким родственником той Орбелиани, которая впоследствии сделалась женой фельдмаршала князя Барятинского. И вот Фадеев мне говорил, что во время атаки, одну колонну, солдат повел Орбелиани и, несмотря на град пуль, он дошел до самых турецких войск, и вдруг, ужас Фадеева – моего дяди – он видит Орбелиани, сидящим на лошади и размахивающим пашкой, дабы солдаты продолжали идти вперед, а лошадь его на штыках у турецких солдат. Таким образом Орбелиани, как будто бы находился на пьедестале, т. е. он изображал из себя род памятника, стоящего не на пьедестале, а находящегося на штыках у турецких солдат. В этом, конечно, для военного времени ничего удивительного нет; но что было особенно удивительно, это то, что в конце концов, Орбелиани остался жив, получив только несколько ран холодным оружием. Впоследствии этого Орбелиани я очень часто видел; знал его, когда я был еще юношей; был в товарищеских отношениях с его сыном Николаем, с которым, между прочим, мы были вместе в Новороссийском университете.

Как я говорил, Фадеев играл особую роль при фельдмаршале князе Барятинском; фельдмаршал князь Барятинский, как известно, сделался наместником на Кавказе после Муравьева и после смерти Императора Николая. Почти одновременно со смертью Императора Николая, во время коронации Императора Александра II в Москве, он покинул Кавказ, будучи командиром Кабардинского полка.

На Кавказе князь Барятинский был в сравнительно низких чинах, так как он кончил эту первую стадию своей службы только полковым командиром; уже тогда он отличался своею замечательною храбростью и во время стычек с горцами был многократно простреливаем насквозь пулями; о нем говорили, что живот князя Барятинского, как решето. С одной стороны, вследствие такой его доблести, а с другой, потому, что он был друг Императора (Александр II был с ним на «ты»), еще будучи молодым офицером князь Барятинский был назначен наместником Кавказа. Я очень хорошо помню это время и должен сказать, что все были в восторге от этого назначения, потому что никто не любил Муравьева; были в восторге именно потому, что Барятинский был, так сказать, кавказский человек, а Муравьев пришлый. Вообще «пришлые» наместники никогда не пользовались особою любовью на Кавказе.

Исключение составлял только Великий Князь Михаил Николаевич, но тут нет ничего удивительного, во-первых, потому, что он был брат Государя, и Кавказ был очень польщен тем, что был назначен наместником в первый раз брат Государя; во вторых, потому, что свойства характера Великого Князя были таковы, что он всегда опирался на кого-нибудь и был настолько благоразумен, что опирался всегда на кавказских деятелей т. е. на таких, которые сроднились с Кавказом.

Возвращаясь к князю Барятинскому, я, между прочим, упомяну, что он, будучи молодым, был в Петербурге, в лейб-гусарском полку; он был другом Александра II; был чрезвычайно красив и считался первым Дон-Жуаном во всех великосветских петербургских гостиных. Как молва, не без основания, говорит, Барятинский, был очень протезируем одной из дочерей Императора Николая, – насколько я помню – Ольгой Николаевной. Так как отношения между ними зашли несколько далее, чем это было допустимо, то Император Николай, убедившись в этом воочию, выслал князя Барятинского на Кавказ, где, он и сделал свою карьеру.

Во время походов против горцев, когда князь Барятинский был еще в низших чинах, он познакомился с молодым офицером Фадеевым, которого впоследствии чрезвычайно ценил и потому, приехав Наместником на Кавказ, он сейчас же сделал Фадеева своим адъютантом. Таким образом Фадеев, уже на моей памяти, из свиты фельдмаршала наместника кн. Барятинского, главнокомандующего кавказской армией, был ближайшим к нему человеком; кн. Барятинский вместе с Фадеевым участвовали во всех походах и при взятии Шамиля, и при осаде

Гуниба. Вечером, накануне осады, когда были большие сомнения: делать ли атаку или взять Шамиля измором, – Фадеев очень настаивал на том, чтобы атаковать Шамиля, вопреки мнению других, которые считали, что не следует при этой атаке жертвовать жизнью многих сотен, если не тысяч людей. Барятинский согласился с мнением Фадеева, и во время атаки Фадеев принимал в ней самое живейшее участие, находясь все время в распоряжении фельдмаршала Барятинского. В то время Барятинский, конечно, не был еще фельдмаршалом; он получил фельдмаршала после окончательного покорения Кавказа, т. е. после занятия Гуниба и взятия в плен Шамиля. При сражениях Шамиль всегда выезжал со своим знаменем, никогда не расставаясь с ним, и вот после, взятия Гуниба, когда Шамиль сдался, он это знамя в знак покорности передал князю Барятинскому. Во всех литографированных картинах того времени, изображающих этот сюжет (из которых многие сохранились до ныне), изображается сцена, как Шамиль, сдаваясь, передает Барятинскому свое знамя. Вечером, позвав к себе Фадеева, Барятинский сказал ему, что он дарит Фадееву это знамя, так как взятие Гуниба во многом обязано его советам. Знамя это, после смерти Фадеева, находилось у его сестры Надежды Андреевны Фадеевой, а в последнее мое свидание с нею, она мне его вручила. Теперь это знамя находится у меня и висит в моей библиотеке.

Ближайшими советчиками Барятинского в то время были: Фадеев и начальник штаба (Барятинского) Милютин, ныне генерал-фельдмаршал Милютин, который во все время царствования Императора Александра II был военным министром; теперь он живет в Крыму и ему уже более 92 лет. Милютин, несомненно, представлял собой также весьма даровитого человека, но он был полной противоположностью Фадееву. Фадеев не получил систематического академического образования; он имел, если можно так выразиться, вольное образование; был скорее художник науки, блистал громадными талантами, был человеком увлекающимся, с большой долей фантазии. Напротив того, Милютин представлял собой сухого, военного академика, ученого, последовательного человека, с большими видами, с большой программой, систематической, может быть, недостаточно талантливой, но весьма последовательной и крайне разработанной. Одним словом, он был элементом военного порядка, военной дисциплины, военной системы Кавказской армии, чего, конечно, недоставало Барятинскому. Фадеев был скорее человек боевой, любивший гораздо более боевой огонь, нежели кабинетную военную работу, человек с долей военной фантазии и военных порывов, был большим писателем, писателем живым; писал, как живой человек, а не как академическая машина. Вот эти два человека Милютин и Фадеев играли громадную роль на Кавказе при Барятинском и затем до самой смерти Фадеева эти два человека сталкиваются в различном понимании военных нужд, военного будущего и вообще потребности Российской Империи.

Я помню князя Барятинского сознательно, когда он уже был фельдмаршалом, после того как в сущности Кавказ был покорен, и мой дядя написал довольно известную книгу: «Шестьдесят лет кавказской войны». Барятинский был холостой, жил во дворце наместников, и я помню, как, будучи еще мальчиком, на его больших балах я бывал на хорах. Барятинский держал себя весьма величественно, имел адъютантов, из которых многие были из Петербургской *jeunesse dorée*; они чрезвычайно украшали его балы. Впрочем, в то время в Тифлисе было много молодых людей, приезжающих сюда из России для спорта: одни поступали служить на военную службу, желая испытать ощущения войны, другие поступали на гражданскую службу, имея в виду, что жизнь на Кавказе вообще была очень веселая. Среди его адъютантов был полковник Давыдов; он был женат на княжне Орбелиани. Княжна Орбелиани была не высокого роста, с довольно обыденной фигурой, но с очень выразительным лицом кавказского типа. Я думаю, что она представляла собой тип кошки. Ее сестра, – впрочем, не родная, а усыновленная отцом Орбелиани Давыдовой, – впоследствии вышла замуж за Василия Львовича Нарышкина, отца моего зятя. Так вот Барятинский начал ухаживать за женою своего адъютанта Давыдова; так как вообще князь Барятинский очень любил ухаживать за дамами, то никто и

не думал, чтобы это ухаживание кончилось чем-нибудь серьезным. Окончилось же это ухаживание (в действительности) тем, что в один прекрасный день Барятинский уехал с Кавказа, до известной степени похитив жену своего адъютанта. Он уехал за границу якобы лечиться, но более уж оттуда не возвращался. За границей он дрался на дуэли со своим адъютантом Давыдовым. Хотя я и слышал рассказы об этой дуэли от моего дяди Фадеева, который в то время был вместе с Барятинским за границей, но подробности ускользнули из моей памяти. Во всяком случае, я помню только то, что результат дуэли был довольно постыдный не для Барятинского, а для Давыдова. После этой дуэли, Барятинский не мог, конечно, вернуться на Кавказ, а также не мог скоро возвратиться и в Россию. Отношения его с Императором Александром II также попортились (по причинам, которые я изложу далее), хотя Император и предоставил ему жить в Скерневицах, где он жила иногда вместе со своей женой, бывшей Давыдовой, – урожденной Орбелиани. Там же, вместе с его женой жила и молодая «сестра» княгини Барятинской, т. е. приемная дочь отца бывшей Давыдовой, князя Орбелиани, которой была дана фамилия и титул Орбелиани.

В Скерневицах встретился с нею Василий Львович Нарышкин, который был в то время страшным богачом. Нарышкин влюбился и женился на ней. Император Александр III (будучи в то время еще наследником цесаревичем) оказывал Барятинскому целый ряд знаков внимания. Последний период своей жизни Барятинский почти безвыездно провел в России или в Скерневицах, или в имении Ивановском (Курск, губ.). Когда Барятинский умер, и тело его было привезено в это имение для похорон, то наследник цесаревич (будущий Император Александр III) ездил туда к нему на похороны. Александр II обратился к князю Барятинскому только после последней Турецкой, так называемой, Восточной войны конца 70-х годов прошлого столетия. Когда война эта кончилась Сан-Стефанским договором, то европейские державы, и в особенности Австрия, были этим крайне недовольны. Ожидалась война с Австрией. В это время Император Александр II и обратился к Барятинскому, прося его быть главнокомандующим армией в случае войны с Австрией.

В те времена Барятинский уже очень болел; – вообще последнее время он болел подагрой, которая началась у него еще на Кавказе, – но, несмотря на свою болезнь, он согласился принять это назначение. Начальником штаба Барятинского был предположен генерал Обручев, бывший начальник штаба военного министерства; начальником тыла армии был предположен генерал Анненков; тогда же предложили мне, на случай войны занять место начальника железнодорожных сообщений, на что я согласился. В то время я был еще чрезвычайно молодым человеком. Ранее, чем выехать с Кавказа, Барятинский, как я уже говорил, был в самых лучших отношениях с Императором Александром II; в это время у Барятинского зародился план, который он словесно передал Императору Александру II и получил одобрение (это были последние годы царствования Императора Александра II).

Предполагалось сделать полное преобразование всего военного устройства в России и при том в основу принять военную прусскую систему. Как известно, прусская система заключается в том, что там все части войск – территориальные – комплектуются почти что на месте. Затем военные (т. е. чисто боевые) приготовления к боевой деятельности находятся в руках корпусных командиров. Эти корпусные командиры непосредственно подчинены Императору, в те времена – королю прусскому. В распоряжении Императора находится генеральный штаб с начальником генерального штаба (Мольтке); при Императоре состоит (походная) канцелярия, которая служит промежуточной инстанцией между Императором и корпусными командирами, которым Император и отдает непосредственно приказы, иногда совещаясь для сего с начальником генерального штаба; все военные планы составляются в Генеральном Штабе. Административно военная часть выделена от чисто военной, т. е. боевой, и находится в ведении и распоряжении военного министерства, которое управляется министром, на общеминистерском основании. Князь Барятинский предполагал устроить в России организацию на подо-

бие этой прусской организации, т. е. чтобы у Государя был начальник генерального штаба и чтобы этому начальнику, – и Государю через его посредство, – были подчинены все корпусные командиры, которые должны быть вполне независимые и считать своим начальником только Государя Императора; вся же административная часть должна была находиться: в распоряжении военного министра. По мысли Барятинского, место начальника генерального штаба должен был занять он, на что он имел согласие и Государя Императора. Военно-административная часть должна была быть выделена и отдана в ведение военного министерства, и на пост военного министра Барятинским был рекомендован его начальник штаба – Милютин, который в то время еще не был графом Милютиным. Начальником канцелярии генерального штаба предполагался Фадеев, т. е. иначе говоря, он должен был стать правой рукой Барятинского. После войны Барятинский предполагал оставить Кавказ, так как после взятия Шамиля и покорения горцев Кавказ ничего привлекательного из себя для него не представлял. Раньше, чем приехать в Петербург и заняться переустройством армии по той программе, которую я только что очертил, Барятинский испросил разрешение поехать за границу, чтобы там несколько, отдохнуть. Вероятно, Государь, Александр II не предполагал, что Барятинский уедет с Кавказа, увезя с собой жену своего адъютанта Давыдову, и вообще не предполагал всей той истории, которая вследствие этого произошла; поэтому, по рекомендации Барятинского, военным министром был назначен Милютин.

Милютин начал проводить не ту программу, которую предполагал Барятинский и в основе которой лежала германская военная система, а ту, которая существовала в то время и которая и ныне принята во Франции, т. е. систему военных округов без отделения административной части от военной; напротив того, все касающееся войск, как административная часть, так и чисто военная переплетаются и обе они находятся в распоряжении одних и тех же начальников дивизии, а затем начальники дивизии уже подчинены начальникам военных округов, а начальники военных округов подчинены министру; номинально они, конечно, подчинены Монарху, но, в сущности говоря, военный министр, держа все военные части в своих руках, естественно является начальником и главою всего, что касается военного дела.

Такая система в общих чертах существует во Франции, таковую же систему начал проводить и Милютин. Я думаю, что Милютин держался этой системы по убеждению, а не из вида какой-либо карьеры, но, тем не менее, это имело вид, как будто бы, интриги против Барятинского. Естественно, что при системе, которую проводил Милютин Барятинскому для военной деятельности не было места в Российской Империи. Начался спор, который потом проникал несколько раз и в прессу; спор этот вели с одной стороны Фадеев, а с другой – сотрудники Милютина.

Единомышленниками, в этом отношении, Фадеева были такие выдающиеся генералы, как напр., генерал Коцебу, граф Лидерс и Черняев. Но все статьи и записки принадлежали исключительно Фадееву и Комарову, который по идеям своим был очень близок к Фадееву.

Комаров специально для борьбы с противоположной партией основал газету; как она называлась сначала – я не помню, впоследствии она была переименована в газету «Свет», которая существует и до настоящего времени. Со смертью генерала Комарова, который умер только два года тому назад, эта газета сделалась уже чисто гражданской; военными же вопросами она совсем не интересуется; но в 70–80 годах в ней по преимуществу печатались военные статьи, принадлежавшие по большей части Фадееву и частью самому редактору газеты Комарову (изредка писал и Черняев). В официальных же журналах военного министерства возражали против того, что писала партия Фадеева: Обручев, Онучин, Анненков и другие – все по большей части вышедшие в генералы из офицеров генерального штаба. Таким образом можно сказать, что еще и в те времена были разногласия, с одной стороны, между генералами, не принадлежавшими к генеральному штабу – генералами, по преимуществу боевыми, а с другой

стороны – между офицерами генерального штаба и их представителями – генералами генерального штаба.

Как известно, эти несогласия во взглядах по самым капитальным и существенным вопросам существуют до настоящего времени, и эти разногласия весьма обострились после последней японской войны. Таким образом, Фадеев вступил на путь ожесточенной полемики с военным министерством и с самим главою оною – военным министром Милютиным. Естественно, что вследствие этого генералу Фадееву не было места для военной карьеры в России. На него жаловались Императору Александру II, и мне самому как-то раз дядя, возвратясь из Царского Села, рассказывал следующее: гуляя в Царскосельском парке, он вдруг встретился там с Императором Александром II, который подошел к дяде и, не узнав его, спросил: кто он такой? Когда дядя ответил ему, что он Фадеев, то Император сказал: «Ну, а что ты все пишешь? Скоро ли перестанешь писать?» – это было сказано недовольным тоном.

Кроме военных статей и книг Фадеевым было написано и несколько политических статей и книг. Он написал «Восточный вопрос»; это возбудило обострение в дипломатических отношениях между Россией и Австрией; канцлер князь Горчаков пожаловался на Фадеева Императору Александру II, и это обстоятельство вынудило моего дядю выйти в отставку. Затем Фадеев принял предложение поехать в Египет, в сущности для того, чтобы занять там пост военного министра, хотя этот пост и не назывался прямо постом военного министра; одним словом, ему было поручено хедивом устройство и организация хедивской армии. Насколько мне известно, это ему устроил посол в Константинополе граф Игнатъев, который с дядей был в хороших отношениях, – тот граф Игнатъев, который заключал Сан-Стефанский договор и затем был при Императоре Александре III министром внутренних дел. Таким образом Фадеев некоторое время прожил в Египте, но поездка эта была неудачна в том отношении, что вскоре египетский хедив был вынужден объявить войну Абиссинии, вследствие чего, Фадеев отказался от руководства египетской армией, так как война против христиан, – а абиссинцы, в сущности, последователи учения Христа, хотя и в несколько изуродованном виде, – не согласовалась с его убеждениями. Тем не менее, дядя расстался с хедивом, продолжая быть с ним в самых хороших отношениях. Я помню, что когда дядя вернулся в Одессу, я жил там вместе с матерью, сестрами, теткой и братом; в это время он остался без места и написал книгу: «Чем нам быть?»

Когда затем вспыхнула война с Турцией, то дядя написал Милютину, что он не может оставаться в бездействии, не может не принимать участия в войне, так как военное чувство его возмущается против этого. Вследствие письма произошло примирение моего дяди с Милютиным; и последний посоветовал ему уехать в нашу действующую армию за Дунай. В виду того, что тогда мой дядя был только генерал-майор, по летам же и по имени он был гораздо старше большинства наших военных начальников, гр. Милютин и командировал моего дядю к князю Черногорскому, как представителя русской армии при Черногорской армии. Таким образом Фадеев участвовал в войне, но только в Черногорской армии; после войны князь Черногорский подарил ему маленькое имение около Антивари, которое дядя впоследствии продал. Фадеев вообще никаких средств не имел; то состояние, которое осталось после его отца и матери перешло к его сестрам, так как он от своей части в наследстве отказался, вследствие чего был в материальном отношении довольно стеснен.

Вот к этому то времени и относится назначение князя Барятинского главнокомандующим, на случай войны с Австрией, – о чем я уже говорил выше. Как известно, Сан-Стефанский договор не был признан некоторыми европейскими державами, и, следовательно, России предстояло или заставить признать этот договор посредством оружия, т. е. войны с Австрией, – или пойти на уступки. В дело вмешался (как честный маклер) князь Бисмарк, который и устроил Берлинский конгресс. На этом Берлинском конгрессе был уничтожен Сан-Стефанский договор, и вместо него явился Берлинский трактат, отголоски которого мы переживали еще два года тому назад, когда снова чуть-чуть не произошла война с Австрией по поводу Боснии и Гер-

цеговины и наверно она бы возгорелась, если бы мы были в силах «ее начать» и не растеряли все в войне с Японией. Австрия, пользуясь нашей слабостью, присоединила к себе Боснию и Герцеговину, которые принципиально находились во временном ее управлении, реально же, конечно, эти провинции находились уже почти в полном обладании Австрии, так как временное управление, продолжавшееся в течение более 30 лет, конечно, уже создало некоторое право давности. Поэтому после Берлинского трактата все предположения о возможной войне с Австрией были откинuty, и назначение Барятинского главнокомандующим – явилось чисто номинальным, не имевшим никаких последствий. Когда Барятинский жил в Скерневицах и в имении Ивановском, то у него очень часто бывал Фадеев, который подолгу там жил; в течение года он проводил обыкновенно вместе с князем Барятинским несколько месяцев. Князя Барятинского не было уже в живых, когда Император Александр III вступил на престол.

После смерти Императора Александра II, когда на престол вступил Император Александр III, он опять вернулся к мысли о преобразовании всего военного устройства, на тех основаниях, на которых в начале своего царствования, его отец, Император Александр II предполагал, по плану Барятинского, преобразовать военное устройство в России.

Но в то время Барятинского уже не было в живых и поэтому можно было заранее предвидеть, что эта мысль потерпит фиаско. Император Александр III сменил графа Милютина и назначил военным министром Ванновского, а вместо графа Гейдена начальником генерального штаба назначил Обручева. Назначение Обручева, ближайшего сотрудника Милютина, начальником ген. штаба к Ванновскому уже ясно показывало, что Ванновский будет на дело смотреть глазами Обручева, так как несомненно Обручев был гораздо более образован и подкован для всяких трений, нежели его начальник Ванновский. Но, тем не менее, вопрос о преобразовании всего военного устройства по тому образцу, по которому предполагал Барятинский был поднят и рассматривался в особом совещании, председателем которого был назначен генерал граф Коцебу, который, как я уже говорил ранее, был из числа партизан идеи этого переустройства еще в те времена, когда Фадеев только начал вести борьбу по этому вопросу с Милютиным. Но, совещание это не могло ничем кончиться, потому что военный министр Ванновский, а также Обручев, настаивали на том, что делать такое крупное, преобразование сразу неудобно, что это расстроит все наше военное дело. Ванновский обещал все это сделать понемногу и, в конце концов, ничего не было сделано.

Я графа Милютина знал еще с детства, когда я был еще мальчиком, будучи на Кавказе я был в хороших отношениях с его сыном, который был старше меня. Впоследствии этот сын Милютина был Курским губернатором; он был вообще очень хорошим, но совершенно обыкновенным, ничем не выдающимся человеком. Когда я и мои братья бывали у Милютина, то играя с его сыном, которого граф сильно любил, мы постоянно бегали в кабинет графа и тогда он оставил во мне, как мальчишке, самое лучшее впечатление; но потом, вследствие тех разногласий, которые произошли между ним и моим дядей, я и все мои родные отделились от семейства Милютиных, и в течение многих десятков лет я совсем с ним не встречался. Когда же я сделался министром финансов, то, проводя вместе с Государем несколько осенних месяцев в Ялте, я бывал у Милютина и там часто имел случай говорить с ним о многих вопросах совершенно откровенно. Граф Милютин вообще человек очень большого ума; человек крайне систематических мнений и очень большого образования, но в деловом смысле человек сухой и большой систематик. Мне совершенно понятно, что гр. Милютин не мог сойтись с такою натурой, какую представлял собою мой дядя Фадеев, хотя этот последний и был человек незаурядного образования и незаурядного таланта. В последние годы своей жизни Фадеев был очень близок с семейством гр. Воронцова-Дашкова, т. е. собственно говоря с самим Воронцовым-Дашковым. Гр. Воронцов-Дашков был на Кавказе адъютантом у Барятинского, а так как Фадеев был также его старшим адъютантом, то Воронцов-Дашков и находился под известным обаянием и руководством моего дяди. Часто Воронцов-Дашков бывал у нас в доме и у Ростис-

слава Андреевича Фадеева, который жил вместе с нами. И вот эта близость, которая установилась между ними в то время, соединила их на всю жизнь. В начале 80-х годов Фадеев начал болеть желудком, мне кажется, у него был рак. Моя мать и сестра повезли его в Карлсбад; я тогда был по своей болезни в Мариенбаде и часто навещал дядю. Ему, в Карлсбаде, как будто бы сделалось немного лучше, и он переехал в Одессу.

Поселился он у моей матери на Херсонской улице (чей дом – не помню), где умер в 80-х годах.

Вообще на Кавказе все молодые люди, окружавшие Барятинского, вели довольно оригинальную, полную самых удивительных приключений жизнь... На Кавказе все мы очень часто ездили верхом и я, будучи мальчиком, также часто катался верхом и помню, напр., что я часто встречал конвой наместника (которым, кстати, командовал тот же самый Воронцов-Дашков, так как он был адъютантом Барятинского), и они, нисколько не стесняясь, занимались на улице следующим: бросали на землю яйцо и затем скакали по улице, стреляя в него; кто попадал в это яйцо, тот получал известный приз.

В числе адъютантов Барятинского был Позен, который впоследствии, во времена наместничества Великого Князя Михаила Николаевича, был, между прочим, кавказским интендантом; назначили его интендантом потому, что никогда, никто в его честности не сомневался. Позен этот был еврейского происхождения; кажется, его отец в царствование Императора Николая I был где-то интендантом. Я помню этого Позена адъютантом Барятинского. В то время все адъютанты собирались обыкновенно поочередно друг у друга. Когда же собирались у нынешнего Кавказского наместника гр. Воронцова-Дашкова, то происходило следующее: присутствующие, порядочно выпивши, сажали бедного Позена на стул около стены и занимались его обстреливанием, т. е. упражнялись в том, чтобы весь контур Позена обрисовать пулями на стене. Понятно, что Позен должен был таким образом сидеть неподвижно в большом страхе в течение целого получаса, пока его не обстреляют и на стене не вырисуетя его полный контур. К счастью, такие экстравагантности проходили довольно благополучно.

Глава третья. Кавказские наместники

Когда Барятинский уехал за границу, то наместником кавказским был назначен Великий Князь Михаил Николаевич. Великий Князь Михаил Николаевич еще ранее этого, после Крымской войны, приезжал со своим старшим братом Николаем Николаевичем на Кавказ; хотя я был тогда мальчиком, но отлично помню их въезд в Тифлис, они тогда были совсем молодые и не были еще женаты. При наместнике Великом Князе Михаиле Николаевиче приезжал на Кавказ Наследник Цесаревич Николай Александрович; я также отлично помню его приезд; он приезжал с графом Адлербергом, будущим Министром Двора при Александре II. Я хорошо помню, что адъютанты Барятинского, молодежь, о которой я говорил ранее, подтрунивали над Адлербергом, говоря, что по всей вероятности, он не преминет занять у всех денег. Известно, что Адлерберг был замечательно умный и во всех отношениях порядочный человек, но любил мотать деньги, а поэтому был всегда в долгах. Цесаревич Николай Александрович был очень молод; я помню, что в честь его давали бал в доме Арунсе, – не помню, по какой причине в доме Арунсе, а не во дворце, но помню, что он меня тогда поражал своею наружностью; он был замечательно красив. Когда прошла весть о назначении Великого Князя Михаила Николаевича наместником, то все были очень довольны, потому что это был первый Великий Князь, назначенный кавказским наместником. Конечно, все адъютанты Барятинского, которые не ушли с Кавказа, как напр., Воронцов-Дашков, который покинул Кавказ почти одновременно с отъездом Барятинского за границу, – остались при Великом Князе Михаиле Николаевиче, который привез с собой еще 2-х адъютантов: графа Левашова (гр. Левашов впоследствии был градоначальником Одессы и был женат на Паниной, дочери бывшего министра юстиции) князя Трубецкого.

Мой дядя Фадеев был крайне острый на язык, довольно откровенный, т. е. любил болтать. И вот по поводу приезда Великого Князя он сказал, что завтра Великий Князь въедет в Тифлис и что жена его Ольга Федоровна, весьма довольна тем, что въезд наместника Тифлиса (который делается в экипаже через р. Вру) встречается всем населением с флагами, и экипаж наместника обыкновенно забрасывается цветами, так как она, будучи очень скупой, заранее уже распорядилась, чтобы все эти цветы были собраны и отправлены на конюшню, и таким образом можно будет в течение нескольких дней даром кормить лошадей. Я тогда не понял этой остроты, но знаю, что она дошла до Великой Княгини, и Ольга Федоровна из-за этого все время крайне не благоволила к моему дяде Фадееву: это и была одна из причин, почему мой дядя Фадеев после того, как Черноморская часть Кавказа была покорена, во время наместничества Вел. Кн. Михаила Николаевича совсем покинул Кавказ. Потом я уразумел значение этой остроты.

Великий Князь был хорошим кавказским наместником; он был человеком довольно ограниченным, государственно-ограниченным, мало государственно-образованным, но человеком с традициями и традициями великокняжескими. По убеждениям – он был сын своего отца Николая Павловича, причем он обожал его память. Будучи наместником, он окружил себя старослужащими на Кавказе и вследствие этого управлял Кавказом весьма недурно. Он держался тех же традиций, каких держались и его предшественники; традиции же его предшественников были таковы: так как большая часть населения Кавказа приняла подданство России по их собственному желанию и так как православное население Кавказа, вообще все христианское население его, в продолжение всей кавказской истории было верно России, то наместники держались того принципа, что Кавказ должен быть частью Империи и что к христианскому населению Кавказа, в особенности, надо относиться так же, как к русским.

В этом смысле они не делали никакой разницы между русскими и туземцами. Вообще при тех наместниках был недопустим принцип узкого национализма, который ныне так ярко

проповедуется и проводится; тот принцип узкого национализма, при котором все не русские должны почитаться не настоящими сынами России и верноподданными Государя. По моему убеждению, принцип этот весьма ложен, и, конечно, он России ничего кроме вреда принести не может, если только от этого принципа постепенно не отстанут.

В это время по гражданской части при наместнике Кавказском особенную роль играл мой отец, который, как я говорил ранее, был директором департамента государственных имуществ, а по месту этому был вместе с тем и членом совета главного управления Наместника Кавказского. Таким образом, при Великом Князе Михаиле Николаевиче Кавказ жил той же жизнью, как и при его предместниках, пользуясь, пожалуй, еще большим к себе вниманием нежели при предыдущих наместниках по той простой причине, что наместник Кавказа, Великий Князь был сначала братом Государя, после смерти Александра II, он был дядей Государя Александра III. Оба Государя относились к Великому Князю весьма родственно, ласково, что, впрочем, Великий Князь сам по себе вполне заслуживал, потому что это был прекраснейший, благороднейший человек. Он несколько любил материальную сторону жизни, а именно, деньги, имущество и даже некоторые казенные земли, как напр., Боржоми, которые потом ему были подарены Государем, – что едва ли может украсить его наместничество. Но на Кавказе было всем хорошо известно, что в этом отношении он действовал всегда под влиянием своей супруги Великой Княгини Ольги Федоровны, которая была довольно корыстолюбива, по причине, которую я уже объяснил ранее, а именно по причине ее семитского происхождения.

Когда Великий Князь приехал на Кавказ, то первое лето жил в Белом Ключе; это место находится в нескольких десятках верст от Тифлиса и там стоит знаменитый Грузинский полк. В это время мой дед, все семейство Фадеевых и Витте жило также в Белом Ключе; в это время мне было не более 12–13 лет. У Великого Князя Михаила Николаевича в то время был всего один сын Великий Князь Николай Михайлович, ему было один или самое большое два года, остальных детей у Великого Князя еще не было. Я и мои братья с детства ездили верхом, но мы ездили верхом по-кавказски, т. е. на казачьем седле, словом, ездили так, как ездят вообще туземцы Кавказа. Я помню, что Великий Князь, когда видел нас ездившими верхом по плацу, призывал нас иногда к себе и учил ездить по кавалерийским правилам, но правила эти к нам не прививались, да и вообще все кавказские ездки относились с презрением к кавалерийской езде, хотя после, когда я был уже в России я до самого последнего времени ездил постоянно верхом, я изменил свое мнение относительно езды и держусь того взгляда, что действительно кавалерийская езда гораздо правильнее казачьей.

При Великом Князе, как я уже говорил, были окончательно покорены те части Кавказа, (а именно Зап. Кавказ), покорение которых не докончил фельдмаршал Барятинский, и вот за окончание покорения Кавказа Великий Князь получил Св. Георгия на шею. Когда в конце семидесятых годов вспыхнула война с Турцией, то Великий Князь, будучи в то время кавказским наместником, номинально командовал армией, которая сражалась с турками, в действительности же этой армией, – которая составляла отдельный корпус, командовал – Лорис-Меликов, который за эту войну получил графство. Так что командование Великого Князя было только номинальным, вообще Великий Князь Михаил Николаевич, как во время войны, так и в мирное время играл более представительную роль нежели распорядительную. Но тем не менее, это нисколько не умаляет заслуг его по управлению Кавказом; он оставил о себе на Кавказе самые лучшие воспоминания. Впоследствии при Императоре Александре III, когда Великий Князь оставил Кавказ и был назначен Председателем Государственного Совета, то сначала вместо него на Кавказ был назначен князь Дундуков-Корсаков, но уже не в звании наместника, а в звании главноначальствующего на Кавказе.

Дундуков-Корсаков был назначен главноначальствующим на Кавказе, так как он был из кавказских офицеров и, когда был молод, командовал Нижегородским полком. Главноначальствующим на Кавказе он был сравнительно недолго и ничем себя не проявил, но Кавказ его

очень любил, потому что он был кавказским и во время своего пребывания на Кавказ устраивал всевозможные кутежи.

После него главноначальствующим на Кавказ был Шереметьев, которого Кавказ также любил, потому что и он был кавказским, но и он, также, как и Дундуков-Корсаков ничем себя не проявил.

После смерти Шереметьева на Кавказ был назначен князь Голицын, и он первый начал проводить узкую националистическую политику, а поэтому на Кавказе он был всеми нелюбим и даже более – ненавидим.

Князь Голицын стал ненавистен Кавказу потому, что он был не кавказский, не понимал духа кавказского и проводил такую политику, которая и послужила одним из главных оснований тех беспорядков, которые были на Кавказе за последние десятилетия. Голицын был первый, пожелавший русифицировать Кавказ не нравственным авторитетом, не духом, а насилием и полицейскими приемами. За это он и поплатился, так как получил рану (от убийцы) и затем должен был покинуть Кавказ, не достигнув никаких результатов в том направлении, в каком ему это было желательно, подняв ненависть на Кавказе против властей. Голицына я тоже хорошо знал; в сущности говоря, он был хорошим человеком, человеком внешне довольно образованным, очень честным, но мать его была полькой и он по характеру был более поляком, нежели русским.

И вот эти приемы «русского поляка» или, иначе говоря «истиннорусского человека с польской кровью» не могли дать иных результатов, как отрицательных. Он вздумал весь Кавказ обращать в истиннорусских людей, – эта его деятельность и была зародышем того истиннорусского направления, которое ныне, – смею думать, временно, – царить над Россией, причиняя ей гораздо более вреда и бедствий, нежели пользы.

После князя Голицына на Кавказ был назначен граф Воронцов-Дашков, тот самый Воронцов-Дашков, о котором я упоминал, когда говорил о фельдмаршале князе Барятинском, у которого он состоял одним из младших адъютантов. Графа Воронцова-Дашкова я также знаю очень хорошо; знаю его с детства, или вернее сказать, он меня знает с детства; это очень хороший человек, среднего образования, высшего общества. Служа на Кавказе с молодых лет, будучи там офицером, зная Кавказ того времени и то значение, которое имели в покорении Кавказа туземцы, он, конечно, не мог проводить ту узконациональную политику, которая теперь в моде. Теперь на Кавказе происходит такое удивительное явление: Воронцов-Дашков состоит кавказским наместником с 1903 (или 1904) года, во время его наместничества прошла вся, так называемая, наша революция. Смуты, которым подвержена ныне Россия, все происходили и происходят в то время, когда он был наместником, и я не могу не сказать, что, быть может, он единственный из сановников на всю Россию, который и в настоящее время находится в том крае, в котором управлял, и который пользуется всеобщим уважением и всеобщей симпатией. Смею думать, что тот начальник, который пользуется общим уважением всего населения, населения столь разнородного и многообразного, какое существует на Кавказе, несомненно имеет такие достоинства, которые отличают его от других. Достоинства эти заключаются в том, что он представляет собой, в полном смысле слова, русского благородного барина, со всеми недостатками, присущими этому барству, но и со всеми его благородными и рыцарскими сторонами. Это, может быть, единственный из начальников края, который в течение всей революции, в то время, когда в Тифлисе ежедневно кого-нибудь убивали или в кого-нибудь кидали бомбу, спокойно ездил по городу, как в коляске, так и верхом, и в течение всего этого времени на него не только не было сделано покушения, но даже никто никогда его не оскорбил ни словом, ни жестом.

Граф Воронцов-Дашков, – как и вообще все жители Кавказа, а в том числе и я, зная Кавказ с юности, или вернее сказать, с детства, – понимает дух этого края и никогда не сможет забыть, что хотя Кавказ и покорен русскими солдатами, но громадное количество офицеров

и начальников этих солдат были туземцы. Я отлично помню то время, когда в каждом полку большая половина офицеров или начальников были местные туземцы, и эти туземцы – грузины, армяне, татары, в русских офицерских формах вели русского солдата на те бои, которые так прославили кавказскую армию.

Достаточно вспомнить имена таких генералов, как князь Бебутов – армянин, Лазарев – армянин, Тер Гукасов – армянин, Чевчевадзе – грузин, Орбелиани – грузин и проч. и проч., т. е. такие генералы, которые оставили после себя блестящие страницы в военной русской истории, – чтобы понять, какое значение имели туземцы при покорении Кавказа. А потому, спустя несколько десятков лет, после завоевания Кавказа, когда эти туземцы в известной степени уже прославили нашу армию, нашу доблесть – сказать, что в военной и государственной службе туземцы нам более не нужны – по меньшей мере, крайне близоруко, если не употребить более жесткое слово.

Еще во времена Барятинского, кавказский наместник был заинтересован тем, чтобы начать разработку различных богатств, которые содержит Кавказ. Я помню, что эти попытки производились еще в то время, когда я был мальчиком. Хотя в настоящее время Кавказ в этом отношении и сделал некоторые успехи, но эти успехи сравнительно с теми богатствами, которые он содержит совершенно ничтожны.

Я помню время, когда производство нефти в Баку ограничивалось несколькими миллионами пудов; оно сдавалось с торгов и эти промыслы находились всецело в руках Мирзоевых. В то время это было самое ничтожное производство, а теперь нынешние промыслы представляют из себя одно из самых громадных богатств Кавказа или, в сущности говоря, Российской Империи. Когда же кавказский наместник очень заинтересовался тем, чтобы на Кавказе было производство чугуна, то он обратился к некоему Липпе, Баденскому консулу в Одессе, который приехал на Кавказ; наместник предложил ему разработать Четахские руды (Место Четах находится недалеко от Тифлиса, верст около 40.).

Липпе пригласил туда русских горных инженеров (главный инженер Бернули), которые, приехав в Тифлис, начали разрабатывать эту руду. Так как все, что касалось государственных имуществ находилось в ведении Департамента государственных имуществ, т. е. в ведении моего отца, то я помню, что мой отец ездил, между прочим, осматривать эти заводы и при этом брал меня и моего старшего брата Бориса с собой. Приехав на Четахские заводы, мы там до известной степени бедствовали, потому что у нас, мальчиков, был прекрасный аппетит, а нам у немцев за обедом подавали самые удивительные вещи, например, суп из черносливов, дичь с варением и проч. За обедом мы ничего не могли есть, а потому отправлялись в харчевню, где и наедались; в особенности много мы пили кофе и ели хлеб с маслом. Эти Четахские заводы сыграли печальную роль в дальнейшей участи нашего семейства. Липпе, едучи раз из Четахских заводов в Одессу верхом, свалился с лошади, упал и разбил себе голову. Вследствие этого заводы эти, которые в то время только еще начали действовать и, конечно, ничего еще кроме убытков не давали, должны были закрыться; тогда Барятинский упросил моего отца взять на себя управление этим заводом и мой отец, – который кончил курс в Дерптском университете и затем изучал, как горное дело, так и сельское хозяйство в Пруссии, – согласился, или, вернее говоря, подчинился желанию наместника.

Наместник обещал все это со временем оформить. Но в то время отцу надо было сразу начать вести чисто коммерческое дело, на которое требовались деньги, и деньги на это дело давал мой отец, который сам состояния не имел, а получил довольно большое приданое за своей женой, моей матерью – Фадеевой. И вот он, конечно, с ведома моей матери, которая отдала все свои средства в его распоряжение, тратил деньги на этот завод, рассчитывая, что со временем, когда это дело наладится, деньги ему будут возвращены. Но своих денег ему не хватило; он вынужден был обращаться к частным лицам, и брать у них деньги, давая им векселя за своею подписью. Таким образом велось дело этого завода.

Но вот неожиданно Барятинский уехал за границу, а на его место был назначен наместником кавказским Великий Князь Михаил Николаевич, которому и было положено, на каких основаниях ведется это дело. Великий Князь просил моего отца продолжать вести это дело, сказав, что он обо всем напишет Государю и тогда все это дело будет оформлено, и деньги возвращены. Между тем мой отец совершенно неожиданно умер, истратив все состояние моей матери и, кроме того, сделав громадные долги. Моему отцу еще при Барятинском было пожаловано большое имение в Ставропольской губернии (которое ныне, вероятно, стоит громадных денег), это имение должно было перейти нам, его наследникам. Но так как мы были тогда еще малолетние, то над нами был назначен опекуном – Горбунов, один из помощников моего отца по Департаменту, который и посоветовал нам отказаться от наследства, так как у моего отца было больше долгов, нежели имущества. Долги эти были сделаны моим отцом не для себя, а, собственно говоря, для Четахских заводов. Таким образом, все состояние моей матери было истрачено на это дело; имение также было потеряно, но мало этого, по каким-то причинам – я не знаю – на всех нас, т. е. на меня и на моих двух братьев Александра и Бориса был сделан какой-то большущий начет. Таким образом, моя мать очутилась без всяких средств, за исключением тех денег, которые она получила от деда и то получила их не сама лично, не прямо от деда, а получил их брат ее, который отказался от своей части в пользу своих сестер, т. е. моей матери, а также в пользу Надежды Андреевны Фадеевой, которая до сих пор еще живет в Одессе. На нас же трех братьев, как я уже говорил, был сделан большущий начет, кажется, на мою долю, например, причитался начет в 200 000 рублей.

Я помню, когда я был управляющим юго-западных дорог, то ко мне с этим начетом приходили судебные чины, приходил пристав. Я им всякий раз говорил одно, что если бы ко мне предъявили начет не в 200 000 рублей, а в 200 рублей, то я был бы очень опечален, потому, что в то время у меня средства были очень маленькие. Но так как ко мне предъявляли начет в 200 000 рублей, то для меня совершенно безразлично, делается ли на меня этот начет или нет, так как я не имею таких средств, чтобы его уплатить. Так это дело продолжалось до тех пор, пока при Александре III Великий Князь Михаил Николаевич, будучи уже Председателем Государственного Совета и затем членом комитета Министров в то время, когда Лорис-Меликов был Министром Внутренних Дел, т. е. пожалуй, диктатором, а Председателем одного из департаментов был Старицкий (бывший председателем Судебной Палаты в Тифлисе, а ранее Директором Департамента Юстиции, в то время, когда отец мой был директором департамента государственных имуществ) – все они в это дело вмешались и после прошествия многих лет постановлением комитета министров, Высочайше утвержденным, было решено все недочеты сложить и их более не предъявлять.

Причем я должен заметить, что так как все мы со смертью отца остались без всяких средств, то я, а также и мой брат, в течение всего времени пребывания нашего в университете, получали от кавказского наместничества 50 рублей в месяц стипендии, и, таким образом, я кончил курс университета. Итак Четахские заводы были причиной к полнейшему разорению всего нашего семейства; из людей богатых мы, благодаря ему, сделались людьми с крайне ограниченными средствами. Если бы не те средства, которые перешли от брата моей матери, генерала Фадеева, отказавшегося в пользу своих сестер (как я говорил выше) от своей части в наследстве, – то моей матери и ее сестре было бы очень трудно жить, потому что, хотя благодаря кавказскому наместнику, моей матери и ее сестре и была назначена пенсия, но все-таки после той жизни, которую они вели на Кавказе, существовать только на эту пенсию было бы очень трудно. (Кстати сказать, при крепостном праве, когда мы жили на Кавказе я помню, что одних дворовых у нас было 84 человека). Следовательно, и с помощью денег, доставшихся матери, вследствие отказа дяди от участия в наследстве, все же перейти на скромную жизнь в Одессе было для нее крайне тяжело.

Глава четвертая. Воспоминания из детства и юности

Из моего раннего детства я помню некоторые вещи, но до настоящего времени оставшиеся в живых мои родные смеются надо мною по поводу того, что я безусловно утверждаю, что когда мне было всего несколько месяцев и в Тифлисе началась эпидемия, то я отлично помню, как мой дед взял меня к себе на лошадь и верхом увез из Тифлиса в его окрестности. Я до сих пор помню тот момент, когда я ехал у него на руках, а он сидел верхом на лошади. Но когда я об этом рассказал моей покойной матери и сестрам, он всегда смялись надо мною, говоря, что я не могу этого помнить, и только моя кормилица, которая до сих пор жива и которую я видел только неделю тому назад, так как она живет у моей сестры в Одессе (куда я ездил на праздники), только она одна не возражает и думает, что действительно я это помню, и что это воспоминание не есть моя фантазия. Затем я помню и еще другой момент, но это уже момент, так сказать, не личный, а более или менее общественный. Я помню, что когда мне было всего несколько лет, я находился в моей комнате с моей нянькой (это было в Тифлисе), вдруг в эту комнату вошла моя мать, которая рыдала, потом сюда же пришли мой дед, бабушка, тетка – и все они навзрыд рыдали. Помню, что причина их слез и рыданий было полученное только что известие о смерти Императора Николая Павловича. Это произвело на меня сильное впечатление; так рыдать можно было только, потеряв чрезвычайно близкого человека. Вообще, вся моя семья была в высокой степени монархической семьей, и эта сторона характера осталась и у меня по наследству.

Теперь я хочу рассказать несколько воспоминаний относительно тех лиц, с которыми мне приходилось встречается в детстве и в юности, которые или тогда уже пользовались известностью, или впоследствии играли более или менее видную роль в делах государства. Я помню, когда я был еще совсем мальчиком, экзархом Грузии был очень почтенный старец иерарх Исидор, который впоследствии очень продолжительное время был Петербургским митрополитом. Исидор, как в Тифлисе, так и потом в качестве Петербургского митрополита, пользовался совершенно заслуженной репутацией очень умного иерарха, отличного администратора и истинного монаха по своей жизни. Исидор часто приезжал в наш дом и у нас обедал.

После Исидора экзархом Грузии был Евсевий. Этот Евсевий затем был переведен в Россию, где он не играл никакой роли, да и не мог ее играть, вследствие образа своей жизни. Будучи экзархом он держал себя совершенно недостойно. Так, напр., мне еще мальчику тогда случайно было известно, что он жил с одной девушкой, – эта девушка была племянницей моей няньки. Вообще, он вполне открыто вел жизнь совершенно не монашескую. Затем, как я сказал, он был переведен в Россию, на второстепенный пост, где и кончил свою карьеру вполне незаметно.

Из гражданских лиц, которые впоследствии играли более или менее видную роль в государстве, я мог бы указать на барона Николаи. Барон Николаи был начальником главного управления по гражданской части на Кавказе. Это был рыжий немец, или вернее, кажется, финляндец, очень сухой и умный человек; он был женат на грузинке и имел маленькое имение около Каджиоре. Каджиоре это местечко, находящееся в 12 верстах от Тифлиса на горе, где проживала гражданская администрация в летние месяцы, т. е., там проживали, во всяком случае, все более или менее видные и состоятельные деятели гражданской администрации Кавказа. Этот барон Николаи, раньше нежели быть начальником главного кавказского управления, был одно время в Киеве попечителем учебного округа, после же он был назначен министром народного просвещения. Когда Великий Князь Михаил Николаевич покинул Кавказ и сделался председателем Государственного Совета, барон Николаи в начале царствования Императора Александра III был министром народного просвещения, а затем покинул этот пост, так как он не сочувствовал новому университетскому уставу, введенному в 84 году, которым, как известно,

были уничтожены многие из вольностей, допущенных университетским уставом Императора Александра II.

Брат этого Николаи был военным, он был известен, как храбрый генерал. Когда я еще был мальчиком – он был уже генерал-адъютантом и пользовался большой славой в войсках. Он очень странным образом окончил свою жизнь. Когда уже кончилась кавказская война он вдруг увлекся католицизмом, – перешел из лютеранства в католицизм, – затем уехал в Рим к папе и сделался католическим монахом. Он похоронен в католическом монастыре, который ныне закрыт правительством французской республики. Монастырь этот находится недалеко от Aix-les-Bains. Тогда три года тому назад, когда я был недалеко от Aix-les-Bains, я поехал в этот монастырь, который ныне, по-видимому, содержится каким-то предпринимателем, так как эту весьма красивую местность посещает масса публики; сам монастырь, как здание, также чрезвычайно благоустроен. Приехав туда, я думал найти там могилу генерал-адъютанта барона Николаи, сделавшегося впоследствии католическим монахом; мне показали то кладбище, на котором он был похоронен, но самую его могилу показать никто не мог, ибо согласно статуту этого монастыря, поступающие в монахи теряли так сказать свое имя и их хоронили, как «рабов Божьих» без имени. Один из старых служителей мне только сказал, что, насколько он помнит, монах, про которого было известно, что он ранее был бароном Николаи, похоронен на этом месте (и он указал мне это место).

Из гражданских лиц, которые впоследствии играли более или менее выдающуюся роль в государстве, я хорошо помню господина Старицкого. Старицкий был начальником судебных учреждений Кавказа, а после того, как были введены, новые судебные учреждения, он получил должность старшего председателя судебной палаты, а затем сделался членом Государственного Совета и был председателем департамента законов Государственного Совета.

Далее я помню еще один очень оригинальный тип – Инсарского. Этот Инсарский ничем себя особенным не проявил. Он был начальником канцелярии у фельдмаршала князя Барятинского, который, вследствие каких-то личных отношений, к нему благоволил.

Это был типичнейший полубарин, получиновник; он был вполне порядочным и честным, но весьма ограниченным человеком и иначе не вел никаких разговоров, как выражаясь весьма пышными фразами. После нескольких минут знакомства с кем бы то ни было, он начинал разговор на «ты» – ко всем обращаясь с фразой: «любезнейший друг». Инсарский был предметом различных шуток, которые проделывала с ним молодежь, окружавшая фельдмаршала князя Барятинского. Когда же Барятинский ушел за границу, то Инсарский, по протекции фельдмаршала, получил место московского почт-директора. В то время это был довольно важный пост, так как тогда Россия еще не была покрыта сетью железных дорог. В Москве Инсарский чувствовал себя совершенно, так сказать, «в своей тарелке», со всей тамошней коммерческой знатью он был в очень хороших отношениях, но отношения эти с его стороны были покровительственные; он являлся в роли как бы покровителя и всех с особою важностью «тыкал».

Из туземцев (по гражданской части) я помню еще чрезвычайно умного человека – князя Мухранского, который, если мне память не изменяет, занял место Старицкого, когда этот последний был сделан членом государственного совета.

Вообще же говоря, из кавказских деятелей – туземцев – никто особенно по гражданской части не выдавался, ибо туземцы, как грузины, кавказцы, так и татары (т. е. их дворянство) представляли собою людей, весьма мало образованных, но с большой природною честью, храбростью. Они отличались верностью по отношению к тем, которые были к ним справедливы, вот почему на военном поприще были целые массы, тысячи и тысячи туземцев, отличавшихся во время войны и можно сказать, что кавказское дворянство, по истине, массу пролило крови для пользы России и для ее чести.

Из отдельных типов военных, которых создал Кавказ или вернее сказать, 60-ти летняя кавказская война, с которыми я или мальчиком, или юношей встречался, я припоминаю следу-

ющих: прежде всего генерала Евдокимова, который потом был графом Евдокимовым и который не оставил после себя никакого потомства; он вышел в офицеры прямо из солдат и оставил по себе память в истории Кавказа и кавказской войны, как чрезвычайно блистательный военный начальник, один из наиважнейших сотрудников князя Барятинского во время войны. Еще будучи мальчиком, я очень часто слышал о графе Евдокимове; помню его, когда он бывал у моих родных, когда мы жили в Тифлисе. Евдокимов жил не в Тифлисе, а большею частью в Грозном, Владикавказе, словом, в тех местах, в которых шла непрерывная война с горцами.

Затем очень оригинальной личностью был генерал Гейман. Гейман был также из солдат, но из солдат-евреев, и тип его был вполне еврейский. Про Геймана я, будучи еще мальчиком, также слышал, как про одного из кавказских героев. Познакомился же я с ним лично, при очень оригинальной обстановке. Будучи студентом Новороссийского университета я первые два года ездил на летние вакансии к своим родным в Тифлис. Когда я был на первом курсе и после вакансий уезжал из Тифлиса, то меня взял с собой мой дядя Фадеев, который ехал в Черноморскую область делать ревизию войск. Так как тогда жел. дорог не было, то мы доехали с ним на перекладных до Кутаиса, потом спустились к району Пота, из Пота на пароход, Черным морем, дошли до Сухума. Прихав в Сухум, мы застали там холеру, которая не щадила своих жертв. На улицах сплошь и рядом валялись больные и мертвые. Сойдя с парохода, мы прямо поехали к начальнику области генералу Гейману. Когда я и мой дядя Фадеев приехали к нему, мы застали его в спальне, окруженного целой батареей вин. Поздоровавшись дружески с дядей, он сейчас же нас посадил около стола, требуя, чтобы мы пили, и уверяя, что это единственное средство, чтобы не заболеть холерой.

Таким образом он продержал нас целую ночь, все время заставляя пить, и сам все время также пил. Затем утром в очень нетвердом состоянии (сам будучи полунанесел) Гейман довел меня с дядей до парохода и таким образом мы поехали далее, мой дядя – в Новороссийск, а я в Одессу, где я жил, будучи студентом Новороссийского университета. Затем, после, когда уже вспыхнула в конце 70-х годов турецкая война и когда я сам был в некотором роде деятелем этой войны, так как управлял Одесской железной дорогой, которая была на военном положении (ибо была объявлена военной дорогой, находящейся в тылу армии) – Гейман отличался на Кавказе в качестве начальника одного из отрядов отдельного корпуса генерала Лорис-Меликова. Мой брат Александр рассказывал мне потом различные истории относительно Геймана. Помню из них только то, что он терпеть не мог никаких корреспондентов, а потому, если только он где-нибудь встречал корреспондентов, то не обращая даже внимания на их национальность, он непременно хотел их драть, давать им розги. Мой брат рассказывал мне про один случай, когда ему стоило большого труда удержать Геймана от этого. Однажды Гейман и мой брат ехали верхом, с ними ехали и казаки, вдруг они встретили двух англичан, которые также ехали верхом. Гейман сейчас же спросил у них через переводчика: кто они такие? Англичане ответили, что они корреспонденты газет, и Гейман непременно захотел их выдрать и еле-еле моему брату удалось удержать его от этого поступка. Гейман был, в сущности, самым простым солдатом, еле грамотным, но тем не менее его имя навсегда останется в истории завоевания Кавказа.

Из туземцев я помню генерала Лазарева, которому в последнюю войну мы обязаны взятием Карса. Мой брат рассказывал мне, что когда он состоял ординарцем при великом князе Михаиле Николаевиче, или при командующем отдельным Кавказским корпусом Лорис-Меликове (точно не помню), он присутствовал перед взятием Карса на одном заседании военного совета, на котором высказывались различные мнения и суждения относительно штурма этой крепости. На этом совете, по обыкновению, особенно много говорили офицеры генерального штаба (как известно этой слабостью отличаются наши офицеры генерального штаба). Наконец, дошла очередь и до Лазарева. Председательствовавший, обратившись к нему, спросил Лазарева: как же он, которому поручено командовать штурмом, выслушав все эти мнения, будет распоряжаться войсками, каким образом он думает совершить этот подвиг?

Тогда Лазарев попросил, чтобы ему показали карту, которая все время лежала на столе и по которой генералы делали свои указания, высказывая свои суждения о том, каким образом, по их мнению, нужно совершать штурм Карса. Когда Лазареву показали карту, он спросил: «Где мы?» Ему показали место, где они находились; он спросил: «а где Карс?» Ему показали Карс. Тогда он сказал: «Я пойду оттуда, где мы, туда, где Карс, и возму Карс». Все его объяснение заключалось в этом.

Через несколько дней действительно он так и сделал. Приказал брать Карс, сам был во главе войск, пошел и взял Карс, но при взятии Карса потерял довольно много людей. Потом мне рассказывал мой брат, что произошел нижеследующий инцидент. Известно, что для подкрепления кавказских войск из Москвы была пущена гренадерская дивизия, и начальником этой дивизии был генерал Роп, ныне член государственного совета и по летам едва ли не старейший. Генерал Роп прибыл на Кавказ с этой дивизией в качестве ее начальника. Известно, что при взятии Карса, во время штурма, эта дивизия отступила, затем в панике бежала, причем, как мне рассказывал мой брат, во главе бежавших был сам начальник дивизии генерал Роп. В это время один из туземцев – не помню, кто именно – как мне передавал брат, – не переставая кричал по адресу Ропы самые невозможные, неприличные ругательства. Затем, эта дивизия должна была удалиться с театра военных действий и вернуться в Россию; чтобы отойти от Карса и попасть в Москву, она опять должна была пройти через Тифлис. И вот эту дивизию должны были ночью провезти через Тифлис, потому что боялись, чтобы население города Тифлиса не наделало этой дивизии скандалов, тем более, что население Тифлиса состоит из туземцев – крайне храбрых, с громадной военной честью. Впоследствии эта дивизия была прозвана «ропкая» дивизия в честь ее начальника генерала Ропы.

Из числа других военных инцидентов, которые происходили в Тифлис на моей памяти, я припоминаю еще следующее: после того как я сдал выпускные экзамены в тифлисской гимназии, я пошел играть на бильярде в кавказской гостинице, находящейся на театральной площади; в это время произошел бунт тифлисского населения против мясников. Дело заключалось в том, что гражданской администрацией вся продажа говядины была отдана одному подрядчику, который эксплуатировал население. Население возмутилось и решило этого подрядчика убить. Собралась громадная толпа из туземцев, которая решила разыскать и убить подрядчика, его мальчика, вообще все его семейство.

Это было заранее известно, а поэтому о готовящемся дали знать грузинскому полку, который стоял в Белом Ключе, а также и Эриванскому полку, который стоял в Манглисе. И вот, когда я играл в гостинице на бильярде, я сделался свидетелем следующего: я помню, что еще до того момента, как эти полки скорым шагом вошли в город, приехал на дрожках мой отец. Он увидел громадную толпу народа, и, подъехав к пожарной команде, приказал, чтобы были вывезены пожарные трубы, и когда они были привезены, мой отец приказал обливать всех собравшихся людей и таким путем толпа была рассеяна. Так как мой отец пользовался большой популярностью среди населения, то они моего отца не тронули, и он, на моих глазах спокойно в экипаже уехал к себе домой. Затем, пришли солдаты. По обыкновению был назначен начальник войск (кто это был – я не помню), начальником же штаба был полковник Черкасов. И вот этот полковник Черкасов начал придумывать всевозможные умные планы: каким образом окружить и забрать всю эту толпу, или иначе сказать, он намеревался дать им бой. В то время, как он придумывал эти планы и намеревался сразиться на точном основании науки – часть этой толпы преспокойно дошла до места, где жил этот мясник, и убила, как его, так и все его семейство. Тогда все военные на Кавказе чрезвычайно смеялись над Черкасовым. Вообще на Кавказе офицеры генерального штаба никогда не пользовались никаким престижем. Помню, в то время, когда я играл на бильярде, то было сделано несколько отдельных залпов и выстрелов. Против гостиницы, где я находился, была аптека и вот там, в этой аптеке шальнойю пулею был убит молодой провизор.

Из военных того времени я помню Чевчевадзе, который впоследствии во время Турецкой войны был начальником кавалерии. Это был мужчина громадного роста, в плечах у него была чуть ли не сажень, а талию он имел такую, какой могла позавидовать каждая молодая дама. Он отличался громадной силой и необычайной храбростью. Помню, я видел его, когда он был начальником Сверского драгунского полка; потом я его встречал, когда он приезжал в Петербург, в то время я уже был министром. Про него военные совершенно серьезно говорили, что он весь вылит как бы из стали, и мой брат, конечно, смеясь, уверял меня, что он сам видел, как пули ударяя ему о череп – отлетали, и Чевчевадзе на это не обращал никакого внимания.

Чевчевадзе оставил о себе память, как о замечательно храбром военном кавалерийском генерале. Он поражал своей храбростью во время неожиданных набегов.

Помню, когда я был еще совсем мальчиком, я постоянно также слышал рассказы о генерале князе Бебутове, который вписал свое имя в историю Кавказской войны (я имею в виду не последнюю, а первую Турецкую войну, когда наместником еще был Муравьев, под начальством которого был взят Карс). С моего детства и юношества в моем представлении понятие о наших русских войсках так неразрывно было связано с туземцами-офицерами и военными начальниками, которые так много и многообразно отличались на Кавказе, что я теперь решительно не могу понять – каким образом в настоящее время можно относиться к туземному дворянству так, как ныне к нему относятся с новой лженациональной точки зрения.

Вообще говоря, между офицерами-туземцами, конечно, существует различие. Между армянами было очень много храбрых военных: Бебутов – был армянин, Лазарев был также армянин; между ними люди очень умные, хотя все военные туземцы были люди почти что необразованные или полуобразованные. Грузины же по своей натуре, очень неумные и тупые, но зато недостаток ума у них сравнительно с армянами вознаграждается особою рыцарскою честью. Все грузины также, как и имеретины, отличались громадною храбростью.

Я помню также и последнего представителя грузинских царей князя Ираклия, который был простым полковником, числившимся по кавалерии даже флигель-адъютантом или адъютантом наместника. Его все звали: князь Ираклий-царевич.

Когда я был еще совсем мальчиком, на Кавказ приехал Дюма-отец, его приезд я хорошо помню. Совершая свое путешествие, Дюма-отец, со свойственным ему балагурством, описывал всевозможные чудеса на Кавказе. Как только Дюма приехал на Кавказ – он оделся в черкеску и в таком костюме его всюду возили, заставляя пить массу вина.

Помню также приезд на Кавказ Тенгоборгского, известного экономиста 50х годов, который много способствовал привитию в России теории фритредерства и благодаря которому мы никак не могли отделаться от этой теории, и только при Императоре Александре III вступили на путь прямого и открытого протекционизма.

Припоминаю также доктора Андреевского. Он был на Кавказе также во времена моего детства. Андреевский оставил о себе память на Кавказе, не как «доктор», а как «доктор светлейшего князя Воронцова»; вследствие преклонных лет светлейшего князя, Андреевский имел на него значительное влияние и проявлял это влияние не без корыстных целей. Когда же князь Воронцов покинул Кавказ, Андреевский приехал в Одессу и уже с очень округленным состоянием. Одна из дочек Андреевского затем вышла замуж за князя Шервашидзе, одного из владетельных князей Кавказа. Этот Шервашидзе был двоюродным братом князя Шервашидзе – ныне состоящего при Особе Императрицы Марии Феодоровны.

Этот последний Шервашидзе был женат на дочери барона Николаи, о котором я ранее говорил, того барона Николаи, который кончил свою карьеру Министром Народного Просвещения. Андреевская вышла замуж за Шервашидзе, который был адъютантом у фельдмаршала князя Барятинского; Шервашидзе посватался и женился на Андреевской, имея в виду то обстоятельство, что доктор ее отец был очень богат. Венчание происходило в университетской

церкви и я, просто в качестве студента Новороссийского университета, пришел смотреть в церковь на это бракосочетание, которое в Одессе считалось бракосочетанием в высшем обществе. И я был крайне удивлен следующим: невеста вошла со своим женихом Шервашидзе (которого я раньше знал еще на Кавказе, так как мы были с ним, почти ровесники), и Шервашидзе приехал в церковь не в военном костюме или во фраке, а в костюме французского маркиза времен Людовика XV с париком.

До сих пор я не могу себе объяснить – с какой стати он надел этот костюм. Я спрашивал об этом троюродного брата его, который также не мог мне объяснить: почему Шервашидзе нарядился в такой странный костюм?

Теперь, чтобы рассказ мой был более или менее связным, в дальнейшем я хочу рассказать постепенно о моем воспитании и образовании, каким образом я был воспитан и образован.

Глава пятая. Первоначальное воспитание. Гимназия. Университет

Первоначальное образование мне дала моя бабушка, урожденная княжна Долгорукая, т. е. она выучила меня читать и писать. С малолетства я был отдан в руки моей кормилицы и моей няньки. Кормилица моя была вольнонаемная; муж ее был солдат Стрелкового батальона, находившегося в Тифлисе, нянька же была крепостная, дворовая. Уже с самых молодых лет, можно сказать с детства, я видел некоторые примеры, которые едва ли могли служить образцом хорошего воспитания. Так, муж моей кормилицы, прекраснейшей женщины, которая затем кормила и моих сестер – был горький пьяница. Я помню, как этот солдат Вакула приходил к своей жене, моей кормилице, – которая потом осталась при мне 2-ой нянькой, – помню сцены, которые разыгрывались между ними. Муж моей няньки-крепостной был также крепостным; он служил у нас официантом и был также горчайшим пьяницей; при мне постоянно разыгрывались сцены между моей нянькой и ее пьяницей мужем.

Когда я и мой брат Борис несколько подросли, то нас отдали на попечение, сначала дядьки, отставного кавказского солдата, прослужившего 25 лет в войсках, а затем гувернера-француза Ренье, отставного офицера, бывшего моряка французского флота. Мои дядьки (солдаты) вели себя также не особенно образцово; они оба любили выпить и один из них, несмотря на то, что ему было за 60 лет, на наших детских глазах развратничал.

Француз Ренье, который приехал в Тифлис из Франции вместе с своей женой, поместил ее гувернанткой к директору Тифлисской гимназии Чермаку. Этот Чермак был сын известного ученого Чермака, у него было 3 дочери, и вот Ренье меня и моих братьев во время гулянья всякий раз заводил к Чермакам, чтобы повидаться с женой. Там он познакомился с старшей дочерью этого Чермака и вступил с нею в амурные отношения. Дело кончилось тем, что в один прекрасный день Чермак приехал к Наместнику и принес ему жалобу на гувернера, на то, что он развратил его старшую дочь.

После этого вдруг у нас, в нашей детской комнате, появились жандармы, которые взяли нашего гувернера, Ренье, посадили его на перекладные и административным порядком увезли к Черному морю, передав его на иностранный пароход для отправки за границу. Бедная жена его должна была оставить дом Чермака; она переселилась к нам, поступив бонною к моим сестрам. Это была очень глупая француженка, почти граничащая с идиотизмом, но, в сущности, очень хорошая женщина. Вскоре, она покинула Кавказ и уехала к своему мужу. Тогда у нас появился новый гувернер, некий швейцарец, француз Шаван, гувернанткой же моих сестер в это время была француженка Демулян.

И вот наш гувернер завел амурные отношения с этой гувернанткой, так что, в конце концов, моим родным их обоих пришлось уволить, причем эта же гувернантка совратила с пути истинного моего старшего брата. Я рассказываю все эти истории, чтобы показать, как трудно уберечь детей, даже если в семействе есть материальные средства, от вещей их развращающих, если сами родители неукоснительно не занимаются их воспитанием.

После г. Шаван у нас гувернером был русский немец, выписанный моим отцом из Дерпта, некий г. Паульсон. Этот самый гувернер занимался преподаванием нам различных предметов, например – истории, географии, а также и немецкого языка. Но немецкий язык мне никогда не давался, и потому, несмотря на то, что у меня был гувернер-немец, – я немецкому языку не научился, т. е. на немецком языке не говорю.

Одновременно с этим к нам приходила масса различных учителей, все это были учителя Тифлисской гимназии, которые подготовляли нас к поступлению в гимназию. В это время в Тифлисе была только одна классическая гимназия; в этой гимназии были интерны (ученики, которые там жили), экстерны и сравнительно меньшее количество вольнослушателей, которые

допускались только в особых случаях. И вот меня и брата, в виду того положения, которое занимали мои родные, допустили в качества вольнослушателей в 4–5 классы.

В это время в гимназии было всего 7 классов, и таким образом в гимназии я был в качестве вольнослушателя в течение 4 лет, при этом я прямо переходил из класса в класс, не сдавая переходных экзаменов. Занимался я очень плохо, большею частью на уроки не ходил; приходя утром в гимназию, я, обыкновенно, через 1 час – уже выпрыгивал из окна на улицу и уходил домой. Вследствие того, что мы были вольнослушателями и в виду особого, всем известного, положения, которое занимали наши родители, учителя не обращали на нас никакого внимания, потому что они не были ответственны ни за наше учение, ни за наше поведение. В бытность нашу в гимназии к нам, на дом, постоянно приходили учителя той же самой гимназии, которые давали нам параллельно уроки по тем же предметам, которым они нас учили в гимназии.

Я забыл сказать, что когда мы жили на Кавказе, в Тифлисе мне и брату мешало отчасти заниматься то обстоятельство, что мы чрезвычайно увлекались музыкой. Тогда там была консерватория, директором которой был г. Зейне, и мы с братом очень усердно занимались музыкой. Сначала нас учил играть на различных духовых инструментах, преимущественно на флейте, флейтист оркестра какого-то военного полка, а потом мы уже учились в упомянутой выше консерватории, где преподавали артисты из итальянской оперы. Вообще я и мой брат гораздо больше времени тратили на музыку, нежели на все остальные предметы; кроме того, мы постоянно занимались верховым спортом, затем упражнениями на рапирах и эспадронах, чему придавал особое значение наш дядя генерал Фадеев, который требовал, чтобы к нам приходил учитель фехтования тамошних войск, который нам преподавал искусство фехтоваться, драться на рапирах и эспадронах. Кстати, этот бедный учитель, который был чиновником военного министерства, почти на наших глазах окончил свою жизнь трагически. Он жил у одной дамы, с которой впоследствии вступил в амурные отношения, прижил с нею детей и жил почти *maritalement*. В один прекрасный день, войдя утром в квартиру учителя фехтования, нашли зарезанными им его жену и детей, а также и его самого зарезавшегося.

Наконец, наступило время, когда надо было держать экзамен, для того, чтобы поступить в университет. Я держал экзамены чрезвычайно плохо и, если бы не учителя гимназии, которые в течение 4-х лет к нам ходили, и, конечно, получали при этом соответствующее вознаграждение, то я, вероятно, никогда бы экзаменов не выдержал, а так, еле-еле, с грехом пополам, я получал только самые умеренные отметки, которые мне были необходимы для того, чтобы получить аттестат. Я нисколько не огорчился тем, что, обыкновенно, ни на одном экзамене не мог дать удовлетворительного ответа, но вот, в конце концов, произошел следующий инцидент. Так как мы дома болтали большею частью по-французски, то, понятно, мы бегло говорили на этом языке и, пожалуй, даже лучше, нежели по-русски. Когда я и мой брат пришли держать экзамен по французскому языку, то нас экзаменовали: учитель естествознания, некий Гугуберидзе, и учитель математики Захаров, которые, говоря на французском языке, выговаривали французские слова, так сказать, как «коровы»... И вот вдруг эти учителя, экзаменуя нас по-французски, признали, что мы французский язык плохо знаем и поставили нам по 3. Это меня и брата крайне удивило, а так как мы были большие шалуны, то, когда учителя вышли из гимназии, мы пошли за ними по улицам и все время сыпали относительно их ругательства и бросали в них грязью. После такого инцидента, хоть нам и выдали аттестаты, и мы кончили курс гимназии, но за поведение нам поставили по единице.

С таким аттестатом, когда мне было 16½ лет, я отправился с братом в университет. До 16½ лет я на Кавказе жил безвыездно, и это был мой первый выезд с Кавказа. Нас повез отец. В это время попечителем Киевского учебного округа был брат моего отца, сенатор Витте, поэтому естественно, что нас отец повез именно в Киев, чтобы там определить в университет, но дорогою, в Крыму, отец получил телеграмму, что его брат Витте переведен из Киева и назначен попечителем учебного округа в Варшаву. Тогда этот последний пост считался выше,

нежели пост попечителя обыкновенного Учебного Округа, так как в то время Царство Польское имело свое особое управление, и попечитель Учебного Округа в Варшаве имел очень большие права и полномочия.

В виду того, что мой дядя должен был покинуть Киев (а тогда между Одессой и Киевом не было железной дороги, а, следовательно, и проезд был не так прост), мы остались в Одессе. В это время попечителем Учебного Округа в Одессе был Арцимович, поляк, правовед, которого хорошо знал мой дядя, сенатор Витте, так как этот последний раньше был инспектором Правоведения. Вследствие этого он рекомендовал нас Арцимовичу, и мы, с отцом и матерью, которая нас также сопровождала, остановились в Одессе. Не смотря на протекцию попечителя Учебного Округа Арцимовича нас в Одессе, конечно, в университет не приняли. Тогда Новороссийский университет только что открылся или, вернее сказать, был преобразован из Ришельевского Лицея в Новороссийский Императорский университет. Не приняли нас, во-первых, потому, что мы имели за поведение единицу и, во-вторых, потому, что мне было 16½ лет, а в это время вышло правило, по которому в университет не принимали моложе 17 лет и, таким образом, мне не доставало ½ года. Вследствие этого наш отец поместил нас в Ришельевскую гимназию и затем уехал опять обратно по месту своей службы на Кавказ.

Мы остались, вдвоем с братом, совершенно одинокими. Я начал ходить в гимназию, а мой брат определился вольнослушателем в Новороссийский университет; так что он даже в гимназию и не ходил. Когда мы остались одни, у нас, в сущности, у меня, явилось сознание того, что я никогда ничему не учился, а только баловался, и что, таким образом, мы с братом пропадем. Тогда у меня явилось в первый раз сознание и соответственно с этим проявился и собственный характер, который руководил мною всю мою жизнь, так что вплоть до настоящего времени я уже никогда не руководился чьими-либо советами или указаниями, а всегда полагался на собственное суждение и, в особенности, на собственный характер.

Вследствие этого я, до известной степени, забрал в руки моего брата, который был на год старше меня. Говорю «до известной степени», потому что мой брат, будучи любимцем моего отца и матери, был ими чрезвычайно избалован, а вследствие этого был гораздо распушеннее меня. Кроме того, по природе своей он не имел того характера, который был у меня.

Когда у меня явилось сознание, что так дальше жить нельзя, так как мы иначе погибнем, я поступил таким образом: я уговорил моего брата переехать в Кишинев (Тогда, как я уже говорил, железной дороги в Кишинев из Одессы не было, железная дорога шла только до станции Раздельной.), и там поступить пансионерами к какому-нибудь учителю, который бы нас подготовил так, чтобы мы могли снова выдержать выпускной экзамен в гимназии.

Соображения мои заключались в том, что если мы приедем в город, нам совершенно неизвестный, в котором мы решительно никого не знаем, и поступим к учителю, который будет заинтересован в том, чтобы нас подготовить настолько хорошо, чтобы мы могли выдержать экзамен, то это даст нам наибольшую гарантию в том, что мы не будем выбиты из колеи и, наконец, поступим в университет, для чего, конечно, необходимо было серьезно заниматься.

В Кишиневе мой брат нашел учителя математики, некоего Белоусова. На другой день по возвращении моего брата из Кишинева, мы с ним отправились из Одессы сначала по железной дороге до станции Раздельной, а потом на перекладных в Кишинев. В Кишиневе мы поступили пансионерами к этому учителю гимназии Белоусову, о чем дали знать отцу, который был всем случившимся крайне удивлен. Он начал нам присылать надлежащие деньги, и мы взяли себе соответствующих учителей. С этих пор мы с братом более полугода занимались, можно сказать, и день, и ночь и все-таки этих занятий было недостаточно, потому что, в действительности, мы с братом были полными невеждами, решительно ничего не знали, потому что никогда ничему серьезно не учились, а только умели хорошо болтать на французском языке. Этот учитель математики Белоусов был прекраснейший человек, но имел один порок — он пил.

Так как напивался он довольно часто, то мы нередко бывали свидетелями сцен, происходивших между ним и его женой, которая также пила. Бывало дня по 2–3 мы его совсем не видали, так как он в это время сидел у себя безвыходно в комнате и пил. Тем не менее занимались мы очень усердно и в это время у меня проявились большие способности к математике. Наконец, прошло 6 месяцев, и наступил срок держать выпускной экзамен. В это время директором гимназии был Яновский, который впоследствии был попечителем учебного округа на Кавказе, а потом членом Государственного Совета (в то время, когда я сделался министром). Яновскому, который был тоже математик, мой учитель Белоусов сказал про меня, что я обладаю большими математическими способностями, вследствие чего Яновский уговорился со мной следующим образом: если, при самом строгом экзамене, я по всем математическим предметам, т. е. по арифметике, геометрии, алгебре, физике, математической физике, метеорологии, физической географии, математической географии – одним словом, по всем физико-математическим предметам получу по пяти, то тогда он меня проведет и даст мне хороший аттестат и по другим предметам.

Мой же брат, наоборот, математические предметы знал довольно слабо, но за то другие предметы он знал лучше меня, потому что занимался преимущественно ими более полугода. Яновский экзаменовал меня сам по всем математическим предметам и по всем этим предметам я получил 5, благодаря этому Яновский, в качестве директора гимназии, являясь постоянно на другие экзамены, сам меня экзаменовал, в сущности говоря, задавал мне самые элементарные, простые вопросы и ставил средние отметки. Таким образом, я и мой брат кончили курс Кишиневской гимназии, затем переехали в Одессу и поступили там в Университет. На каникулы же мы уехали к родным на Кавказ.

Когда мы были на вакансиях в Тифлисе, то в этот год (насколько я помню это было в 67 году), в конце лета, переезжая из окрестностей Тифлиса (из Менглиса, местопребывания Эриванского полка) в Тифлис, умер мой старик дед Андрей Михайлович Фадеев; ему было тогда за 70 лет. На меня смерть его произвела большое впечатление, потому что я был любимец моего деда и сам его безумно любил. Несколько лет до этого на моих глазах умерла моя бабушка Фадеева, урожденная кн. Долгорукая, также в очень преклонных летах. Последние годы она была в параличе, так что, когда она учила меня грамоте, ее приносили в кресле, так как она сама не могла двигаться, и я, чтобы учиться читать и писать, становился около нее (на коленях). Таким образом учила она меня и моих братьев.

По окончании вакации мы вернулись в Одессу, в университет. До Сухума меня и моего брата повез наш дядя. В предыдущем рассказе я уже говорил, каким образом мы с ним ехали, как мы останавливались в Сухуме, где начальником войск был известный генерал Гейман.

В Университет я поступил на математический факультет, а мой брат на юридический. Известно, что как тогда, так и теперь: юридический факультет – это такой факультет, на котором меньше всего можно заниматься; – так было тогда, так обстоит дело и до настоящего времени; наоборот, на математическом факультете, или, как он тогда назывался, на «физико-математическом» – не заниматься невозможно. В противоположность моим занятиям в гимназии, где я ровно ничего не делал, поступив в Университет, я занимался и днем, и ночью, и поэтому за все время пребывания моего в университете я, действительно, был, в смысле знаний, самым лучшим студентом. Я до такой степени много занимался и так знал предметы, что никогда к экзаменам не готовился, – (в то время были переходные экзамены из одного курса на другой), а большей частью читал или объяснял моим товарищам все лекции по билетам. Напротив того, мой брат обыкновенно в течение года ровно ничего не делал и начинал приготовляться только к экзаменам; переходил он с курса на курс с грехом пополам и кончил курс в университете, хотя и со степенью кандидата, но все же еле-еле, тогда как я кончил курс в университете лучше всех и имел среднюю отметку круглые 5½.

Пробыв 1 год в Университете, на вакации я и брат поехали в Тифлис; в Потти нас встретил племянник моего отца, приехавший туда предупредить нас, что неожиданно скончался мой отец, поэтому это было последнее лето, которое мы провели на Кавказе. Потом все мы, т. е. моя мать, нянька и две сестры, которые тогда еще были девочками, и мой брат Борис – переехали в Одессу, где окончательно и поселились. Другой же мой брат (Александр) остался на Кавказе, в качестве офицера Нижегородского полка; дядя мой переехал в Россию, где и находился при фельдмаршале князе Барятинском.

По окончании курса в Университете, я должен был получить золотую медаль, но для этого нужно было написать сочинение на заданную тему. Сначала я написал диссертацию на получение звания кандидата, а именно диссертацию: «О бесконечно малых величинах». Помню, что эта диссертация была очень оригинальная, потому что по предмету чистой математики она не заключала в себе никаких формул, а в ней были только одни философские рассуждения. Кстати я припоминаю, что проходя в Париже года два тому назад по одной из улиц, где находятся большие книжные магазины, я остановился перед одной из витрин, на которой были выставлены разные математические книги и журналы, начал рассматривать их и вдруг среди математических я, к моему удивлению, увидел выставленной кандидатскую диссертацию «О бесконечно малых величинах», которую я написал лет сорок тому назад; она была переведена на французский язык.

Затем мне нужно было написать диссертацию на получение золотой медали. Диссертация эта была дана по астрономии, но в это время я влюбился в актрису Соколову, а потому не желал больше писать диссертации. Таким образом, хотя я первым кончил курс в Университете, но золотой медали я не получил, а получил ее следующий находящийся за мною студент. Тем не менее, я твердо решил остаться при университете. Одним из моих ближайших товарищей был Лигин (будущей попечитель учебного округа в Варшаве), хотя он и был курсом старше меня; Лигин решил остаться при университете по кафедре механики, а я по кафедре чистой математики.

Каким образом случилось, что я не пошел по карьере ученой, профессорской – я объясню впоследствии.

Теперь я хочу рассказать несколько воспоминаний из университетской жизни.

Будучи студентом, я принадлежал к числу студентов наиболее правых. В это время преобладало атеистическое направление, и кумирами молодежи были: Писарев, Добролюбов и Чернышевский. Между студентами были братья Миллеры, которые уже раньше побывали в Сибири в качестве сосланных. Будучи студентом, я мало занимался политикой, потому что постоянно занимался учением, но постольку, поскольку я ею занимался, я всегда был против всех этих тенденций, ибо по моему воспитанию был крайним монархистом, каким остаюсь и до настоящего времени, а также и человеком религиозным. Между тем, в основе тогдашнего движения молодежи был, как я уже сказал, атеизм и кумиром молодежи был Писарев, его проповедовавший; теперь же, в последние годы, кумиром молодежи был Толстой, который в основу всех своих идей кладет бессмертие души, веру в загробную жизнь и Бога, поэтому меня всегда поражали те бессмысленные утверждения, которые высказываются как в правительственных сферах, так и в реакционных общественных сферах, будто бы гр. Толстой грешен в особенности тем, что он имел развращающее влияние на молодежь. В таком обвинении заключается полнейшее недомыслие. Тот, кто пережил 70-е годы университетской жизни, может оценить ту громадную заслугу, которую оказал Толстой, приведя русскую молодежь к Богу, но, конечно, не к Богу изувера Илиодора или шутника Пуришкевича и подобных ей клик.

Вследствие моей серьезности и моих знаний я пользовался уважением в среде студенчества.

У студенчества были кассы, и выборные должны были управлять этими кассами; в числе выборных был и нынешний член Государственного Совета Турау, тогда очень либеральный

студент, а теперь, в Государственном Совете, по многим вопросам значительно более правый, нежели я.

В числе выбранных был также г. Афанасьев, который впоследствии был профессором всеобщей истории в университете, но потом должен был покинуть университет потому, что его находили крайне либеральным. Еще в бытность мою министром финансов, я его устроил управляющим конторой государственного банка в Киеве, каковой пост он занимает и до сих пор. Одно время, я помню, на него вели большие атаки за то, что он очень либерален; все нападки на него заключались в том, что он при изучении всеобщей истории остановился на периоде французской революции, а также он часто читал о ней публичные лекции. Когда я, будучи министром финансов, приехал однажды с Его Величеством в Крым, дворцовый комендант, генерал-адъютант Гессе мне указал на то, что Афанасьев, управляющий конторой государственного банка, по его сведениям, очень либерален, читает лекции крайне неудобного содержания, намекая на то, что такого либерального чиновника нельзя держать и что его нужно уволить. По этому поводу, я обратился с письмом к генерал-губернатору Дрогомирову; Дрогомиров мне ответил, что он отлично знает Афанасьева, что на его лекциях всегда бывал и бывает и что это человек в высокой степени достойный.

На лекциях он всегда высказывал крайне умеренные взгляды, но не может же он скрыть того, что была французская революция и, читая лекции о Франции, не может же он не говорить о французской революции? Единственный грех его и заключается, может быть, в том, что вообще на лекциях он произносит слова «французская революция». Все же доносы на него исходят от негодяя Юзефовича, (который ныне в Киеве играет крайне подозрительную роль, между прочим, в качестве члена союза русского народа и друга Дубровина), человека «самой низкой нравственности», как его охарактеризовал Дрогомиров. Впрочем, г. Юзефовича я и сам знаю с этой стороны.

Затем Дрогомиров в своем письме выразил удивление, что Гессе обращает какое-либо внимание на доносы Юзефовича. Содержание этого письма я тогда же доложил Его Величеству. Афанасьев и до настоящего времени находится управляющим конторой государственного банка и остался таким же умеренным, крайне легальным либералом, каким он был и в университете.

В числе выборных студентов был и Миллер, перед которым большинство студентов преклонялось, так как он имел до некоторой степени ореол мученика, потому что он был из числа сосланных прежде в Сибирь. И вот как-то был поднят вопрос о незаконности существовавшей студенческой кассы. Касса была закрыта, и все старосты (в том числе я и Турау), которые ею руководили были преданы суду. Был составлен обвинительный акт, по которому мы все должны были быть сосланы в Сибирь на поселение. Но от этого нас спас Английский клуб.

Тогдашний прокурор судебной палаты, некий Орлов, баллотировался в члены английского клуба и его не выбрали. Министр юстиции, граф Пален, пожелал узнать: каким образом мог быть забаллотирован прокурор судебной палаты? Тогда ему сообщили, что члены клуба имели против него: им был составлен такой обвинительный акт против всем известных благонадежных людей, что если бы он вошел в силу и этих молодых людей предали суду, то они должны были быть сосланы в Сибирь. Вследствие этого, на наше дело было обращено внимание и, в конце концов, Судебная Палата, как окончательная обвинительная камера, рассмотрев это дело, не утвердила обвинительный акт, а передала это дело к новому расследованию. Результатом расследования было то, что к этому делу были подведены какие-то статьи, в силу которых нас судил уже мировой судья, приговоривший каждого из нас к 25 руб. штрафа.

Из моих близких товарищей, как я сказал раньше, был Лигин, который затем сделался профессором Новороссийского университета. Лигин был старше меня на один год, но я с ним был очень близок; он вскоре после окончания курса уехал за границу, слушал там лекции в Карлсруэ и потом, через несколько лет, вернулся в Одессу, сделался профессором Новорос-

сийского университета. Я хочу сказать об этом Лигине несколько слов, так как вообще это был человек, выдающийся, оставивший о себе память.

Судьба Лигина была очень оригинальна. При Императрице Александре Федоровне, – жене Императора Николая I – любимой фрейлиной была некая Козлова. Тогда же в Петербурге, в числе других врачей, был один врач из иностранцев – немец, который был, между прочим, врачом и при дворце. В конце концов, сделалось известным, что Козлова вдруг оказалась в интересном положении. Она прямо так и созналась, что находилась в особых отношениях с этим молодым врачом, который также этого не отрицал. Но Козлова не хотела за него выйти замуж, а потому он немедленно же уехал за границу, в Вену; она же уехала в Одессу и, поселившись на окраине города, основала там Михайловский монастырь, который теперь находится почти в центре гор. Одессы. Жила она около этого монастыря, ведя жизнь почти что монашескую.

И вот у нее-то был сын, которого мы все знали под фамилией Козлова; все время, пока он был студентом, он был нам известен, как «Козлов», но, при окончании курса, сделалось известным, что ему дали аттестат, где его называли Лигиным. (Если перевернуть это слово Лигин, то выйдет «nihil», т. е. «ничей»). Мать его, конечно, превосходно воспитывала, не жалея на него никаких средств, но, тем не менее, по документам он числился «мещанином Козловым». Лигин отличался среди студентов тем, что отлично знал языки. Мать его посвятила, можно сказать, всю жизнь свою ему и Михайловскому монастырю. Когда Лигин был мальчиком, то его гувернером, а затем и учителем, был некто Корыстелев, который впоследствии сделался профессором теоретической механики в Университете. (Он и мне преподавал теоретическую механику и интегрирование дифференциальных функций – и преподавал чрезвычайно бездарно.) Этот Корыстелев чуть-чуть не послужил причиной к тому, что Лигин должен был переменить свою карьеру, т. е. не быть профессором. И вот как это произошло. Когда Лигин, после окончания своего за границей, т. е. приготовления к профессуре, вернулся в Одессу, он написал диссертацию по новой геометрии. (Я тогда уже кончал курс в университете, но еще занимался математикой.) И вот Лигин должен был защищать диссертацию на степень магистра. В это время в университете были профессорами: Мечников – зоологии, Сеченов – физиологии, Соколов – химии, Цинковский – ботаники, т. е. все лица, которые или уже тогда пользовались большим научным авторитетом (как, напр., Цинковский), или же были тогда еще молодыми профессорами, впоследствии получившими известность (как, напр., Сеченов, который теперь имеет репутацию всесветной знаменитости), но все они были естественниками, а также были несколько все заражены тем духом, который в то время царил в университете, а именно: отнюдь не давать каких бы то ни было преимуществ студентам из хорошей фамилии, или имеющим средства. Конечно, этот принцип совершенно справедлив: понятно, что таким студентам не следует давать особых преимуществ в смысле учения и отметок; но дело в том, что стремление не давать преимуществ большею частью сводилось к несправедливости в обратную сторону, к несправедливости по отношению к тем молодым людям, которые или имели средства, или носили более или менее известные фамилии. В это время Корыстелев был деканом математического отделения физико-математического факультета, – и вот этим ученым естественникам почему-то взбрело в голову, что диссертация Лигина признана соответствующей для защиты на степень магистра механики именно потому, что Корыстелев был его ближайшим учителем и воспитателем. Раз была пущена эта молва – господа профессора естественники решили его провалить, хотя никто из них решительно ничего не знал ни по математике, ни по механике, а потому они в никакой степени не могли быть судьями работы Лигина.

Помню, что во время защиты диссертации они все на него напали, но нападение это было совершенно детское; по очереди каждый из этих профессоров просто утверждал, что диссертация Лигина решительно никуда не годна, но при этом не приводилось решительно никаких доказательств. Впрочем, – как я уже сказал ранее, профессора естественники и не могли пред-

ставить доказательств, так как этого предмета они не знали. Единственный между ними, который мог бы судить о диссертации, был молодой профессор Усов (нынешний профессор математики и физики в Московском университете), но и Усов не был специалистом по механике и, кроме того, несколько кривил душою, так как был заражен именно тем направлением, которым были заражены все университеты того времени, т. е. «демократическим» – которое выражалось в боязни оказаться в какой бы то ни было степени покровителем студента из-за его фамилии или из-за его средств. Так как тогда математического факультета не было (да и до сих пор в университете его нет), а был физико-математический факультет, на котором изучались все естественные науки, а следовательно, и профессора естественники были полновластными членами совета факультета, то, в конце концов, большинством голосов, диссертация Лигина была признана негодной.

Тогда я, – хотя и не принадлежал к коллегии профессоров, так как только что и недавно кончил курс в университете, – все же вмешался в это дело и сказал одному из профессоров (кому не помню: или Мечникову, или Сеченову), что решение их крайне несправедливо. Они мне отвечали, что до них дошли сведения, что все профессора математического отделения дали отличный отзыв о работе Лигина только по личным причинам. Тогда я посоветовал им послать диссертацию Лигина – Шалью в Париж, который, в сущности говоря, и был творцом новой геометрии, составляющей в настоящее время во всех университетах предмет особой науки. Шаль, получив эту диссертацию (которая была переведена на французский язык), через несколько времени дал отзыв, что это «превосходная работа» и что, так как ему известно, что есть две степени: магистра и доктора, и можно дать доктора помимо магистра, то он, Шаль, с своей стороны за такую прекрасную работу сделал бы Лигина прямо доктором механики, минуя звание ученой степени магистра механики. После такого отзыва, факультет сейчас же собрался и признал Лигина достойным степени магистра механики. Затем Лигин написал другую диссертацию на степень доктора механики и в течение 25 лет был профессором механики в Новороссийском университете. По прошествии 25 лет, так как Лигин был человек довольно состоятельный (у него было имущество в Одессе), его выбрали Одесским городским головой, каковым он был в течение трех лет и затем был выбран городским головой на следующее трехлетие.

В это время я уже был министром финансов, а Варшавским генерал-губернатором был светлейший князь Имеретинский, который со мной находился в прекраснейших отношениях. Попечителем Варшавского округа после кончины моего дяди, сенатора Витте, был сделан Апухтин, который оставил по себе в Варшаве дурную память, так как в учебных заведениях Царства Польского он преследовал крайне узкие национальные цели.

Конечно, ужиться с князем Имеретинским Апухтин при таком направлении не мог, а потому и покинул пост. Явился вопрос: кого назначить попечителем учебного Варшавского округа? Князь Имеретинский обратился ко мне за советом, и я ему указал на Лигина, бывшего в то время городским головой, а ранее долгое время состоявшего профессором Новороссийского университета. Князь Имеретинский Лигина не знал, но вполне доверился моему указанию, и Лигин, по его просьбе, был назначен попечителем Варшавского учебного округа.

Когда, после смерти графа Делянова, явился вопрос о том: кого назначить его преемником, то ко мне приехал как-то Константин Петрович Победоносцев и начал просить меня, чтобы я поехал к Государю и упросил Государя не назначать попечителем округа (министром нар. просв.?!) одно лицо, не имевшее с учебным ведомством ничего общего и, действительно, совершенно неподходящее; Победоносцев думал, что это лицо будет назначено вследствие особых протекций высоких лиц. Я отклонил это предложение Победоносцева, сказав, что ехать к Государю и вмешиваться не в свое дело – я не могу, что будет гораздо лучше, если поедете Вы, потому что Вы были преподавателем не только Императора, но и его отца, и Ваши отношения могут быть совсем другие, нежели мои.

Тогда Константин Петрович Победоносцев решился сам поехать к Государю. Когда он от меня уезжал, то я говорил ему, что не следует ехать только для того, чтобы отговаривать Государя назначить такое-то лицо, а для того, чтобы облегчить положение Государя, надо ему указать на кого-нибудь, и если окажется, что тот, кого Он хочет назначить, – не годится, то надо рекомендовать подходящее лицо. Тогда Константин Петрович стал обсуждать со мною вопрос: кого же следует рекомендовать. И вот мы условились настаивать перед Его Величеством о назначении кого-нибудь из профессорской среды, о назначении человека, уже имеющего большой опыт. При этом мы остановились, на двух лицах: с одной стороны, на Боголепове – это был кандидат, на котором преимущественно настаивал Победоносцев, а с другой стороны, на Лигине, являвшемся кандидатом, на котором преимущественно настаивал я. Было обусловлено, что если Константину Петровичу удастся уговорить Государя не назначать то лицо, которое предполагалось, то он (Победоносцев) будет рекомендовать в кандидаты двух лиц: Боголепова и Лигина.

Победоносцев достиг того, что то лицо, которое предполагалось назначить, не было назначено, а из двух кандидатов Государь остановился на Боголепове, потому что Боголепов в это время был попечителем Московского учебного округа и его лично знал великий князь Сергей Александрович, который естественно имел очень большое влияние на Государя Императора, так как был женат на сестре Императрицы. Таким образом Лигин чуть-чуть не сделался министром народного просвещения. Вообще после этого Государь относился к Лигину еще более милостиво, но вскоре Лигин умер от рака.

Отец же Лигина (бывший в молодости врачом при дворце), уехавший в Вену, прославился там, как доктор душевнобольных и впоследствии на его попечение была отдана громадная, одна из лучших в свете больниц для душевнобольных. Он был очень известным профессором Венского университета по вышеназванным болезням. Лигин признавал его своим отцом, и тот признавал Лигина своим сыном. Я помню, когда я кончил курс в университете и в первый раз поехал за границу для того, чтобы лечиться от болезни, которой я болен и до настоящего времени (а именно, от болезни горла, гортани и носовой полости), то я просил Лигина оказать мне какое-нибудь содействие. Лигин написал относительно меня два слова своему отцу, и, как только я послал этому последнему записку Лигина, не смотря на то, что я в то время был молодым, совсем не известным, без всяких средств человеком, отец Лигина принял меня крайне радушно и дал мне сейчас же письма ко всем Венским знаменитостям, и все эти знаменитости принимали меня и с особенным вниманием относились ко мне.

Когда Лигин был еще молодым человеком, вскоре после окончания им курса в университете у него на губе вдруг появился маленький прыщ, который все больше и больше разрастался. Когда Лигин приехал в Вену к своему отцу, то там ему была сделана операция, этот прыщ был вырезан и у него на губе остался большой шрам. Впоследствии, через несколько десятков лет у Лигина опять на том же месте появился прыщ, оказавшийся раковидным, который его и погубил.

Лигин был женат на одной местной одесской девице, дочери негоцианта Парпути, которая до сих пор жива. У Лигина было два сына, один теперь вице-губернатор в одной из губерний Царства Польского, а другой – главный доктор Николаевского военного госпиталя, (говорят, что он хороший доктор).

Кроме профессоров, о которых я упомянул, и которые оставили после себя имя не только в университетской русской науке, но сделались известны и во всемирной науке (как, напр., Мечников) были еще и другие профессора также весьма (в свое время) выдающиеся. Так, например, по славянским наречиям – некий Григорович, затем профессор Ягич, который и ныне в Венском университете считается знаменитостью; далее, по кафедре русского права профессор Леонтович, – недавно умерший в Варшаве.

В те времена все профессора филологического факультета обязательно должны были превосходно владеть латинским языком. Когда я был в университете, то помню, что защита диссертации по филологическому факультету всегда производилась на латинском языке, причем в это время профессор Григорович блаженствовал, потому что больше всего любил, когда научные споры велись на латинском языке. Во время этих споров он положительно таял.

Из профессоров того времени, по математическому факультету особенных знаменитостей не было. Коростылев был бездарным профессором. Затем был один совершенно молодой профессор чистой математики Андреевский, который впоследствии сделался профессором Варшавского университета. Для профессора он был замечательно молод; ему было 22 года, когда он в качестве магистра математики явился из Харькова в Одессу. Он сделался очень рано ординарным профессором Варшавского университета и умер совершенно в молодых годах.

Затем был старый профессор физики Лапшин, который пользовался большой популярностью, потому что он был очень стар и очень долго был профессором физики в Харькове. Но этот профессор был совершенной посредственностью.

Кроме того, профессором физики был Шведов, будущий ректор Новороссийского университета; это был более сведущий и более талантливый профессор, но также не представлял собою ничего особенно выдающегося.

Из более даровитых профессоров был некий Сабинин. От этого Сабинина я еще в прошлом году получил брошюру, относительно которой он писал мне, что в этой брошюре он сделал замечательное открытие по геометрии и хотел, чтобы я непременно дал о ней отзыв, так как, по его мнению, один я мог оценить его научную работу. Но, так как я в значительной степени отстал от математики, то, конечно, не мог дать никакого авторитетного отзыва и просил академика князя Голицына дать эту брошюру соответствующим специалистам академикам, дабы они были так любезны и высказали относительно ее свое мнение. Таковые через некоторое время мне ответили, что, просмотрев эту брошюру, они находят, что эта работа служит доказательством громадной старости Сабинина и того, что он не в состоянии теперь правильно владеть мыслью.

Но ранее Сабинин был чрезвычайно талантливым профессором, к сожалению, он очень мало читал, так как имел большую слабость к спиртным напиткам. Большею частью он болел, и, в сущности говоря, не болел, а просто сидел дома, находясь в ненормальном состоянии. Он издал лекции по интегральному исчислению – или вернее, я их издал в литографированном виде. Эти лекции в настоящее время находятся у меня. Однако, большею частью лекции Сабинин совсем не читал, а дело обстояло следующим образом: так как единственно меня он ценил, как лучшего студента-математика, проявлявшего большие математические способности, то поэтому, несмотря на ненормальное состояние, в котором он часто находился, он принимал меня. Я приходил к Сабинину в это время, и он еле-еле мог объяснить мне, о чем он думал бы читать лекцию и давал мне некоторые источники, по которым я, изучив вопрос, писал лекцию. Затем, когда это ненормальное состояние его проходило, он исправлял эту написанную мною лекцию, я ее литографировал и выдавал за лекцию, написанную профессором Сабининым. Хотя Сабинин читал лекции сравнительно очень редко, но, тем не менее, он имел громадное влияние на математическое сознание студентов, так как действительно он имел математический дар, который представляет собой дар совершенно особого свойства.

Между математиками есть двоякого рода математики:

1) Математики-философы, т. е. математики высшей математической мысли, для которых цифры и исчисления есть ремесло; для этого рода математиков цифры и исчисления, не имеют никакого значения; их увлекают не цифры и исчисления, а сами математические идеи. Одним словом, это математики, если можно так выразиться, – чистой философской математики.

2) Напротив, есть такие математики, которых философия математики, математические идеи – не трогают; которые всю суть математики видят в исчислениях, цифрах и формулах. Между этими последними математиками также есть математики очень крупные.

К числу математиков первого рода, т. е. математиков-философов принадлежат такие крупные ученые, как, напр., Остроградский, Чебышев, Сабинин, хотя последний вследствие своего порока не мог развить свой большой талант.

К числу же математиков-исчислителей принадлежал, например, мой предшественник по министерству финансов – министр финансов Вышнеградский, бывший ранее профессором Технологического института, а затем там же директором; он был учеником Остроградского. Вышнеградский не признавал никакой философии в математике, утверждая, что философия эта есть ничто иное, как бесполезное глупое блуждание; суть же математики он видел в цифрах и формулах. К числу таких математиков относится и большая часть нынешних математиков, напр., академик Марков.

Математики, так сказать, чистые математики, философы-математики, к которым принадлежу и я, – относятся всегда с презрением к математикам-исчислителям, а математики-исчислители, среди которых есть много ученых, весьма знаменитых, смотрят на математиков-философов, как на людей в известной степени «тронутых».

Прошедши курс в университете, а следовательно живя известный период времени студенческой жизнью, я духовно весьма с нею сроднился и поэтому хорошо понимаю, что тот, кто сам не прошел курса в университете, не жил в университете, тот никогда не в состоянии правильно судить о потребностях университета, тот никогда не поймет, что означает «университетская наука», т. е. не поймет разницу между университетом и высшею школою (хотя бы и прекрасной школою, как, напр., наш Лицей Царскосельский или школа Правоведения). Между тем разница эта весьма существенна, но для лиц, которые сами это не прочувствовали, она будет непонятна. Поэтому лица эти, будучи призваны решать дела, касающиеся университетов, решают их или по-военному, или же, становясь на ту точку зрения, что университет есть не университет, а – школа.

Между тем разница между университетом и школою заключается в том, что университет живет свободной наукою. Если университет не живет свободной наукой, то в таком случае, он не достоин звания университета. Тогда, действительно, лучше уже обратиться к школе, потому что школа все-таки тогда может давать деятелей с определенным запасом знаний, между тем как университет без свободной науки не даст людей ни с большими знаниями, ни с большим научным развитием.

Вообще, не может быть с большим научным развитием человек, не прошедший и не познавший своим существом свободную науку. Когда стремятся университет поставить в тиски, как в смысле лиц учащихся, так и учащихся, то те, которые к этому стремятся не понимают, что таким путем наука развиваться не может. Без свободной науки не может создаться ни научных знаменитых произведений, ни научных открытий, ни знаменитостей. Университет, кроме того, представляет из себя такую среду для научного развития молодых людей, какую не может представить никакая высшая школа, потому что в университете, преподаются все научные категории знаний, которые в данный момент составляют достояние человечества, и студенты живут в атмосфере этих знаний.

Так, например, студенты математики специально занимаются только математикой, сдают они экзамены только по математике, но вместе с тем в течение всей своей жизни в университете, они не чужды и всем остальным отраслям науки. Студент с утра до вечера находится в среде студенчества, он постоянно сталкивается с различными мыслями и идеями, которые воспринимают студенты других факультетов. Так, например, я, будучи студентом математики, – очень интересовался предметами юридического факультета. И если на каком-нибудь факуль-

тете появлялся талантливый профессор, то его лекции приходили слушать студенты других факультетов.

Таким образом, в течение всей университетской жизни (в течение 4 лет), если университет действительно удовлетворяет своему назначению, т. е. если в нем преподают свободную науку и преподают ее студентам, которые способны воспринять эту науку, то, изучая предметы одной категории, студенты в то же время находятся в сфере наук всех категорий, которыми в данный момент обладает человечество. Поэтому правильно поставленный университет есть самый лучший механизм для научного развития. Вот с этой точки зрения многие говорят: важно, чтобы студент приобрел не научные знания, а научное развитие. Этому лица, чуждые университетской науки, никогда не понимали, не понимают и не поймут, и через это они приносят массу зла нашим университетам. Но, высказывая эти мысли, я совсем не думаю защищать ложную свободу университетов, т. е. такое направление университетов, при котором вместо того, чтобы в университетах заниматься свободной наукою во всех ее проявлениях, в университетах занимаются политикою, и, в сущности, политикою только данного момента, всегда отравленную страстями, ложью и грубым цинизмом.

По поводу преподавания в университетах я вспоминаю о преподавании одного предмета, который в университет изучается всеми студентами всех факультетов, а именно о преподавании закона Божия. К сожалению, преподавание богословия в мое время, да кажется и в настоящее время, поставлено весьма и весьма неудовлетворительно; я скажу, даже не то что неудовлетворительно, а прямо постыдно.

Я помню, в мое время в Новороссийском университете преподавал нравственное догматическое богословие протоирей профессор Павловский. Он был прекраснейший человек и человек знающий, но, тем не менее, с большим трудом на его лекции можно было найти 3–4 студентов, которых удавалось упротить помощникам проректора пойти слушать его лекции. Никогда, никто к экзамену богословия не приготавливался.

Я, например, будучи одним из самых лучших студентов университета, вообще никогда не приготавливался к экзаменам ни по одному предмету и, тем не менее, мне всегда ставили 5, так как в течение года я усиленно занимался предметами, но лекции богословия я в течение четырех лет слушал всего 3–4 раза и при этом имел нахальство приходить на экзамен богословия, совсем даже не приготавливаясь. Я помню, что перед выходным экзаменом по богословию я прочел несколько билетов накануне вечером и пришел на экзамен, решительно ничего не зная. В числе экзаменаторов были местный архиерей, протоирей Павловский и два профессора, один из которых был профессор сельского хозяйства Палимпсестов. Мне достался билет о браке. Я вышел и решительно не знал, что мне отвечать, но из затруднения меня вывел вышеупомянутый профессор Палимпсестов, который знал, что я самый лучший студент в университете, а поэтому желал, чтобы я не только выдержал экзамен, но и получил хорошую отметку. Поэтому он обратился ко мне с таким вопросом: «Скажите, пожалуйста, вы читали „Физиологию брака“ Дебу?» Я действительно ее читал, именно потому, что эта физиология брака Дебу была книга скабрёзного содержания, хотя в известной степени и научная. Профессор Павловский и архиерей были очень удивлены его вопросом и спросили, какая это книга «Физиология брака» Дебу? Палимпсестов ответил им, что «это прекрасная книга и раз Витте (т. е. я) читал эту книгу, – а на него можно положиться, – значить, он отлично знает богословие».

Меня отпустили и поставили 4. Таким образом я выдержал экзамен.

Когда я уже был министром финансов, мне удалось основать здешний Петербургский Политехнический Институт. Я довольно часто ездил в это заведение, которое я любил, как мною основанное. Профессором богословия там был Петров, тот самый Петров, который теперь расстрижен, так как он увлекся политической деятельностью. Вот, приехав однажды туда, я спросил: какие теперь читают лекции, так как я хотел выбрать какую-нибудь лекцию пойти послушать. Мне сказали, что читает лекцию один Петров. Я сказал, что совсем не хочу

идти на богословие, а хочу слушать какую-нибудь лекцию о механике или физике. Мне сказали, что когда Петров читает свою лекцию, тогда никто больше не читает, потому что все студенты, бросив другие лекции, идут слушать Петрова. Я пошел на лекцию Петрова; он читал лекцию по богословию, причем читал ее так увлекательно, что не только все студенты, но и все профессора, а также и я были просто увлечены его манерой чтения. Это положительно одна из самых лучших лекций, которую я когда-нибудь в жизни слушал.

Через несколько дней после этого я видел Его Императорское Величество и докладывал о том, как у нас в университете преподавался и ныне преподается Закон Божий, как я слушал лекцию Петрова и как меня поразило его превосходное чтение. Я говорил, что если бы во всех высших учебных заведениях были такие профессора, тогда, очевидно, наше юношество увлекалось бы богословием также, как оно увлекается другими предметами. На это Государь мне заметил, что Он уже слышал о Петрове, так как Петров был преподавателем в артиллерийском училище. В то время я никак не мог думать, что этот самый Петров, человек с громадными дарованиями, в сущности говоря, человек, по моему мнению, очень хороший, ничего особенно дурного не сделавший, – споткнется политически и, увлекшись политической деятельностью, как священник погибнет. Какой из него выйдет писатель, я этого не знаю, но предполагаю, что в этом отношении из него ничего не выйдет, так как пишет он большею частью в «Русском Слове», пишет из-за денег и, хотя его статьи и довольно талантливые, но, тем не менее, они через месяц после чтения забываются.

Глава шестая. Моя служба на Одесской железной дороге

Когда я кончил курс в университете (это было в 70 году) то имел твердое намерение остаться в университете по кафедре чистой математики. В это время вспыхнула война между Пруссией и Францией, которая повела, с одной стороны, к основанию германской Империи, а с другой – к основанию французской республики. Тогда же к нам приехал мой дядя генерал Фадеев.

Как моя мать, так и генерал Фадеев очень косо смотрели на мое желание быть профессором. Главный их довод заключался в том, что это занятие мне не соответствует, так как это не дворянское дело.

В те времена в высшем обществе, и в особенности в тех его частях, которые придерживались прежних традиций, – подобные мнения держались довольно устойчиво, и несмотря на то, что мой дядя был несомненно весьма культурным и образованным человеком, тем не менее в душе он оставался тем же дореформенным, если можно так выразиться, дворянином. Хотя я указывал моей матери и дяде, что вот, например, Кавелин (который в то время был очень на виду) и Чичерин – оба из дворянских фамилий и вместе с тем оба они профессора – этот довод на них не действовал.

Генерал-губернатором Одессы в это время был граф Коцебу и тогда же приехал в Одессу министр путей сообщения граф Владимир Бобринский. И вот мой дядя уговорил меня, чтобы я, оставаясь при университете для того, чтобы готовиться к званию профессора, в то же время числился и в канцелярии генерал-губернатора. Таким образом я был причислен к этой канцелярии и, хотя я никакой службы там не нес, но вследствие того, что я был чиновником канцелярии генерал-губернатора, я иногда виделся с генерал-губернатором графом Коцебу.

Во время войны у графа Коцебу, который имел военную жилку, собирались военные, – в том числе и мой дядя, – и раскладывали бисером на карте весь ход войны, происходящий между германскими и французскими войсками, причем большинство военных относились с полной симпатией к Франции и, так как, по слабости человеческой, люди часто верят в то, во что им желательно верить, то многие из участвующих в этих собраниях (на которых присутствовавшие раскладывали то, что происходит в действующих армиях, и одновременно делали предположения на будущее), – а в том числе и мой дядя, несмотря на то, что он был выдающийся военный человек с замечательными военными способностями – всегда старался не терять надежды и уверял, что, в конце концов, французы победят.

Граф Коцебу, русский немец, который был человек очень положительный и также выдающийся военный, смотрел на дело более трезво и, хотя осторожно, но всегда высказывался за мысль, что Франция будет побита.

На этих собраниях бывал проезжавший в то время через Одессу генерал Свиты Его Величества гр. Владимир Бобринский, который тогда был назначен министром путей сообщения вместо Мельникова – генерала и инженера путей сообщения. Я встречал там Бобринского, и так как гр. Бобринский был в очень хороших отношениях с моим дядей, то, вероятно, этот последний уговорил Бобринского повлиять на меня в том смысле, чтобы заставить меня переменить мою карьеру, а именно, начать службу в путях сообщения. Бобринский несколько раз меня уговаривал.

В это время была построена дорога между Одессой и Раздельной и от Раздельной строилась по направлению к Кишиневу; затем от Раздельной была построена ж. д. до Балты и дальше должна была строиться на Елизаветград (от Балты) и на Кременчуг. Строителем дороги был Унгерн-Штернберг. Дорога строилась на концессионных основаниях, т. е. строилась частным концессионером. А именно, постройка ж. д., в конце концов, была дана на известных опре-

деленных условиях барону Унгерн-Штернбергу, который был в очень близких отношениях с Императором Александром II.

Но те участки, которые уже были построены, а именно: участки от Одессы до Раздельной и от Раздельной до Балты, были переданы в казну. Барон Унгерн-Штернберг только строил дорогу, т. е. иначе говоря, казна сдала ему, как частной компании, постройку жел. дороги, но когда известный участок железной дороги отстраивался, он передавался в казну. В это время мысль, которая была проведена Императором Николаем I, который на этих основаниях строил «Николаевскую» и «Царскосельскую» железные дороги, со смертью Императора Николая I не успела быть опороченной, т. е. еще не явилась мысль о предпочтительности частной эксплуатации перед казенной, поэтому те участки жел. дороги, которые построил барон Унгерн-Штернберг (до Раздельной и до Балты), были переданы на эксплуатацию казны. Было устроено особое Управление казенной эксплуатации этой дороги, и так как граф Бобринский был министром путей сообщения, то, конечно, он был высшим начальником, между прочим, и этой дороги; начальником же дороги был инженер Клименко, который ничего особого собою не представлял ни в смысле отрицательном, ни в смысле положительном.

Он был из военных инженеров, но для того, чтобы сделаться управляющим жел. дор., переменил мундир, надев мундир путей сообщения. В это время все инженеры путей сообщения носили еще военный мундир. Корпус инженеров путей сообщения тогда еще выпускал военных инженеров-офицеров, и в этом корпусе были совершенно военные принципы, т. е. те же самые порядки, какие были и в других военных корпусах.

Так вот, граф Бобринский уговаривал меня переменить профессорскую карьеру на карьеру железнодорожного деятеля. Когда я на это согласился, то имел в виду поехать в С. Петербург и выдержать там экзамен на инженера путей сообщения, что мне было очень легко сделать, так как я только что кончил курс в университете по математическому факультету и мне следовало только немного заняться черчением и некоторыми специальными предметами, на что я мог употребить только несколько месяцев и, конечно, с успехом выдержал бы экзамен.

Но меня удивило, что граф Бобринский против этого моего намерения страшно восстал. Он говорил, что именно потому то он ко мне и обращается, что я не инженер путей сообщения, что он вообще считает большим злом эту касту инженеров путей сообщения, что в эксплуатации железных дорог есть такие отрасли, которые могут иметь будущность только тогда, когда во главе их не будут стоять узкие специалисты инженеры (как, например, вся коммерческая часть и вообще все, что называется эксплуатацией железных дорог в тесном смысле этого слова, кроме части технической). Он мне говорил, что тогда в его глазах я утрачу ту ценность, которую до сих пор я имел, как только что окончивший курс в университете, человек с общим образованием вообще и математическим в частности, не зараженный никаким корпоративным, узким духом специалиста. Вместо того, чтобы ехать в Петербург и тратить, как я предполагал, полгода времени на экзамены в корпусе путей сообщения, он предложил мне, чтобы я истратил полгода для изучения на практике железнодорожной службы для того, чтобы на практике пройти все должности, начиная с низших должностей, находя, что таким путем я основательнее ознакомлюсь с железнодорожной службой, чем если я пойду держать экзамен на инженера путей сообщения.

В конце концов, я на это согласился и начал свою службу на Одесской железной дороге, в управлении казенной Одесской железной дороги, начальником которой, как я уже говорил, был инженер Клименко. В это время, все железнодорожные служащие, которые имели известные коронные чины (значит, окончившие курс военно-учебных заведений), т. е. занимавшие все высшие должности на железной дороге, носили военный мундир путей сообщения. Разница между не кончившими курс путей сообщения и инженерами, окончившими курс, была только та, что на военном мундире эти последние носили инженерский знак, а первые его не носили.

И вот, я должен был облечься в такую форму и начал изучать службу, проходя ее постепенно, так что я, в действительности, в течение полгода прошел все должности, касающиеся службы эксплуатации. Так я сидел в кассах станционных, грузовых и билетных, затем изучал должности помощника начальника станции и начальника станции, потом контролера и ревизора движения; затем занимал должности на различных станциях, где преимущественно было грузовое движение, и на станциях, где было преимущественно пассажирское движение. Таким образом в течение полгода я прошел все эти должности, но с самого начала, несмотря на то, что я занимал самые низшие должности, я получал содержание 200 руб. в месяц (так было заранее обусловлено), тогда как обыкновенно на этих должностях получают жалованье несколько десятков рублей в месяц. Когда я прошел все эти должности, я сразу получил место начальника конторы движения.

В это время начальником движения был Федор Мойсеевич Штерн, умерший несколько месяцев тому назад в Одессе. Штерн был сыном одесского часового мастера. Он был с очень небольшим образованием, но был человеком воспитанным, в смысле умения держать себя в обществе, что было присуще всем одесским молодым людям, так как Одесса в то время была очень культурный и общественный город, а потому блеск этот естественно приобретался всеми молодыми людьми Одессы, которые бывали в том или другом обществе.

Штерн сделал свою карьеру, также переходя постепенно с должности на должность; и когда он занимал должность начальника станции Бачта, когда дорога перешла в казну, он сразу был сделан начальником движения. Хотя он был человек довольно знающий, человек вполне достойный и в сущности очень хороший (что он доказал всею своею последующею жизнью, которая протекла на глазах у всех в Одессе), но он имел один недостаток, свойственный его расе; скажу, быть может, резкое слово: известное нахальство. Конечно, было очень странно, что начальником движения на казенной железной дороге был совершеннейший еврей, еврей, который нисколько не скрывал своей национальности, да, наконец, и в Одессе все это отлично знали. Говорят, что он сделал такую карьеру через жену начальника дороги, мадам Клименко. Мадам Клименко сделала карьеру и своему мужу. Она была из камер-фрейлин Императрицы Марии Александровны и вышла замуж за офицера Клименко. Штерн же имел очень галантные манеры и, действительно, был замечательно красив. Это был один из наиболее красивых мужчин, каких я встречал в своей жизни, хотя у него и был тип несколько еврейский. Тогда в Одессе, в течение зимы, жило много титулованных дам. Штерн вообще имел громаднейший успех.

Но уже в то время, это было в начале царствования Императора Александра II, к принципу казенной эксплуатации железных дорог начали относиться отрицательно. Казенная Николаевская железная дорога и постройка, а также и эксплуатация Варшавской – были переданы в Главное общество Российских железных дорог, во главе которого стояли французские капиталисты и инженеры. Поэтому естественно, что правительство и Одесскую железную дорогу хотело передать какому-нибудь частному обществу.

В это время на юге наибольшим Обществом было «Русское Общество Пароходства и Торговли», директором которого в это время состоял капитан 1 ранга, флигель-адъютант Его Величества Николай Матвеевич Чихачев, будущий морской министр и нынешний член Государственного Совета, – весьма почтенный человек. Ему в настоящее время 84 года, – тем не менее он не пропускает ни одного заседания Государственного Совета и по странной случайности я в Государственном Совете сижу с ним почти что рядом.

Начались переговоры о передаче этой железной дороги в руки «Русского Общества Пароходства и Торговли», и, в конце концов, передача эта совершилась; устав же Общества Русского Пароходства и Торговли был несколько изменен.

Когда во главе дела стал Н.М. Чихачев, то он сразу отрицательно отнесся к Федору Мойсеевичу Штерн, отчасти именно вследствие присущего ему аrogантного способа разговари-

вать, поэтому Штерн должен был оставить службу, и Чихачев предложил мне занять должность начальника движения Одесской железной дороги.

Дела на этой дороге шли плохо; опыта эксплуатации тогда было еще очень мало. Я был совсем молодым человеком; граф Владимир Бобринский ушел – и в Министерстве Путей Сообщения наступила такая полоса, когда вся сила сосредоточивалась в руках инженеров путей сообщения. Управляющий железной дорогой должен был утверждаться министром, и, так как я не был инженером путей сообщения, то меня управляющим дорогой министерство путей сообщения никогда бы не утвердило.

Тогда я посоветовал Чихачеву пригласить управляющим дорогой Андрея Николаевича Горчакова, который в то время был управляющим Курско-Киевской железной дороги и пользовался известным реноме, хотя это реноме и оказалось несколько дутым. Горчаков был очень хороший человек и недурной инженер, но человек очень узкий и своеобразно упрямый; во всяком случае, это был человек, по своему характеру и по своим основам, не подходящий к живому делу.

Горчаков требовал таких преобразований, на которые Чихачев не соглашался, так как большая часть этих преобразований вызывала большие расходы, а Чихачев был человек практический, экономный, чего нельзя было сказать о Горчакове. Вследствие этого Горчаков, в конце концов, должен был уйти, пробыв в качестве управляющего железной дороги не более 2-х лет. Ныне Горчаков служит главным инспектором министерства путей сообщения.

После ухода Горчакова, Чихачев опять старался сделать так, чтобы меня утвердили управляющим железной дороги, но министерство путей сообщения меня не утвердило, вследствие чего, к должности управляющего дорогой был представлен инженер барон Унгерн-Штернберг, очень хороший человек, со всеми качествами овечки, но который, собственно говоря, никакого значения не имел, так что выходила такая аномальность: занимая место начальника движения, я, в сущности говоря, управлял дорогой, номинальным же управляющим дорогой был барон Унгерн-Штернберг. При такого рода ведении дела, конечно, особых результатов достигнуть было нельзя, потому что вся техническая железнодорожная часть мне не подчинялась, да я и не мог там иметь авторитета, так как я, собственно, не был инженером путей сообщения и по технической части был мало сведущ; эксплуатационная же часть, т. е. не техническая, находилась в моем ведении, – но обе эти части, естественно, не работали в согласии одна с другой. Таким образом продолжалось это дело опять-таки в течение нескольких лет.

В это время в «Русское Общество Пароходства и Торговли» была уже передана дорога от Балты до Кременчуга (эта часть была построена бароном Унгерн-Штернбергом); другая же часть дороги: от Балты (или вернее сказать – от пункта, лежащего в 20 верстах от Балты к Бирзулу) до Жмеринки и от Жмеринки до Волочиска – была построена частной компанией, во главе которой был француз Фелюли, так что дорога по протяжению сделалась довольно значительной.

Это продолжалось, как я уже говорил, несколько лет, пока не вспыхнула Русско-Турецкая война. В это время Чихачев, который был уже адмиралом свиты Его Величества, был назначен начальником обороны Черного моря, а потому временно должен был оставить пост директора «Русского Общества Пароходства и Торговли», – директором которого временно был сделан член правления Русского Общества Пароходства и Торговли – Фан-дер-Флит, – а я, в сущности, сделался главою одесской железной дороги, которая была в особом положении в том смысле, что она подчинялась Главнокомандующему действующей армии, которым был назначен Великий Князь Николай Николаевич.

Таким образом мне, во время войны, приходилось управлять одесской железной дорогой, которая шла до Ясс (а именно, наша дорога шла до Унгени; ветвь же от Унгени до Ясс в несколько десятков верст была передана нашему управлению).

Теперь я хочу рассказать некоторые из более или менее интересных и забавных эпизодов в период этой моей деятельности по одесской железной дороге, т. е., с самого начала моего туда поступления.

В то время Император Александр II несколько раз ездил в Крым и, так как тогда еще не было железной дороги, идущей в Севастополь, то Государь должен был всегда проезжать по одесской дороге. Единственный путь, чтобы достигнуть Черного моря был тогда через Москву на Киев и Одессу, а поэтому мне несколько раз приходилось видеть Императора Александра II и даже ездить в Императорских поездах, которые его возили.

Помню, раз мы везли Императора Александра II в Одессу. Поезд остановился на несколько минут на станции Бирзула, Император захотел прогуляться и, чтобы не быть замеченным публикой, вышел на платформу, но не на левую сторону, куда был выход и где его все ждали, а на правую. Между тем, начальник станции и обер-кондуктор этого не заметили, и, когда наступило время отправления поезда, – он был отправлен. Таким образом, отправили поезд, а Император остался на станции. Конечно, это сейчас же заметили, поезд вернули и Государь поехал дальше; причем он отнесся к этому происшествию весьма добродушно.

Затем, я помню другой случай. Вдруг в Одессе я получаю телеграмму, что будет ехать на обратном пути из Ялты в Петербург одна высокопоставленная дама, на которую надо обратить особенное внимание. Сообщалось, что эта дама приедет с пароходом в порт и надо ее из порта по железной дороге провезти вокруг города Одессы до пассажирской станции, а там приготовить вагон и оттуда она в этом вагоне поедет далее.

Так и было сделано.

Вагон был поставлен в порт; я поехал туда с паровозом, чтобы взять этот вагон, провезти его вокруг города (была окружная ветвь вокруг Одессы) до станции Одесса и прицепить к скорому поезду, который ехал в Петербург. Перед этим скорым поездом из Одессы шел другой поезд, но не по направлению на Петербург, а в другом направлении. Пароход опоздал. На нем приехала дама, которую я ожидал, и еще кто-то с нею был. Я увидел даму с красивым лицом, довольно полную. Мне сказали, что это княгиня Долгорукая (будущая светлейшая княгиня Юрьевская, супруга Императора Александра II). Я поехал с нею, чтобы скорей довести ее до вокзала, страшно торопясь, так как боялся, что поезд уйдет раньше, нежели я доведу ее.

Между тем, по неисправности, начальник станции Одессы, не дожидаясь моего поезда, вероятно, думая, что я не приду, пустили другой поезд, который шел раньше того поезда, на котором я должен был везти княгиню Долгорукую, и таким образом, въезжая на станцию, мы еле-еле не столкнулись с этим поездом. Сколько раз после я думал: ну, а если бы произошла ошибка и наш поезд меньше даже, чем на одну минуту опоздал бы?

Ведь тогда произошло бы крушение, и от вагона, в котором ехала княгиня Юрьевская, остались бы одни щепки, и какое бы это имело влияние на всю будущую судьбу России, не исключая, может быть, и 1 марта? Когда я думаю об этом, мне приходит в голову такое философское рассуждение: от каких ничтожных случайностей, часто от одной минуты времени, зависит судьба народов и колесо истории поворачивается в ту или другую сторону.

Затем, я помню еще, когда Император Александр II ехал по одесской железной дороге третий раз, то произошел такой случай. Одесская дорога по направлению из Петербурга начиналась со станции Жмеринка и соединялась с Киево-Брестской. (Были 2 ветви: Жмеринка – Одесск. дор., Жм. – Киево-Брестск. дор.). И вот мы ждем на станции Жмеринка прихода императорского поезда. Вдруг около станции Жмеринка – Киев – Брест императорский поезд сошел с рельс, так что Император пришел к нам на станцию пешком. Император спросил: в чем дело? Ему объяснили и, так как убедились, что тут злого умысла не было, то он отнесся к этому случаю чрезвычайно добродушно. Вагон был подан; поезд поставлен на рельсы и Император отправился дальше.

Во время Турецкой кампании мне пришлось взять Императора на войну; тогда уже, в сущности, я управлял железной дорогой. Я встретил Государя в Жмеринке, откуда Государь поехал в Проскуров, так как там было расположено несколько частей войск, для смотра их. В Проскурове мы пробыли несколько часов, а затем поехали (через Раздельную) в Кишинев, а из Кишинева в Яссы, причем я все время сопровождал этот поезд. Помню, как в первые сутки мы совершили путь от Жмеринки до местечка около Проскурова, где находился военный лагерь. Утром мы были на станции Веселый Кут. С Государем ехало несколько Великих Князей и Наследник Цесаревич Александр Александрович, будущий Император Александр III. Я видел Наследника тогда во второй раз. Первый раз я видел его, когда он, только что женившись на принцессе Дагмаре (нынешней Императрице Марии Феодоровне), приезжал в Одессу и посетил Новороссийский университет в то время, когда я был там студентом. Теперь же я видел его во второй раз. Он был очень жизнерадостен и все шутил над Светлейшим Князем Горчаковым, который ко времени прихода поезда еще не успел одеться. Дело в том, что около его отделения вагон был запачкан, как будто бы таким веществом, которое выходит изо рта во время морской качки. Наследник подходил к окну того отделения, где находился Светлейший Князь Горчаков, шутил над ним, говоря, что ночью его, по-видимому, укачало и он подвергся такой же болезни, какую страдают люди от морской качки.

Что касается самого Горчакова, то так как я всю ночь, конечно, не спал, то видел его, когда он только что проснулся; это был совершенно разбитый старец; лицо его все состояло из морщин; у него совсем не было ни бровей, не зубов. Занимался он своим туалетом часа два, и в конце концов все это у него появилось: явился фальшивый цвет лица, отличные зубы и брови. А то вещество, которым был запачкан его вагон, и около вагона, было результатом его различных туалетных принадлежностей, и Наследник, который к нему так приставал, вероятно, это и имел в виду. Но я стоял довольно далеко, а поэтому видел только, что все стоящие вокруг смялись, а Горчакову это несколько не нравилось, и он все время говорил с Наследником по-французски. На другой день, уехав из Веселого Кута, мы приехали в Кишинев, остановились, и Государь опять осматривал находившиеся там военные части; затем мы поехали далее в Яссы. В Яссах я последний раз видел Императора Александра II продолжительное время. Когда поезд пришел в Яссы (это станция румынской жел. дор.), то там нас удивило, и отчасти рассмешило следующее: на станции был большой зал, и так как предполагали, что Государь, выйдя из поезда, может войти в этот зал, то там был устроен русско-императорский трон. По-видимому, по понятиям начальства этой румынской жел. дор. – русский Император иначе как на троне не сидит. Но, чтобы рассказать довольно трагическое событие, связанное с этим тронем, я должен вернуться несколько назад.

Как известно, русско-турецкая война началась с Сербско-Турецкой войны. Командующим сербской армией был наш известный генерал Черняев. В это время через Одессу из России в сербскую армию ехала масса добровольцев. В то время в Одессе было Славянское Общество, председателем этого общества был некий присяжный поверенный Кривцов, товарищем же председателя был я. Кривцов был сравнительно молодой человек, я – совсем молодой и, так как мы очень увлекались «славянской идеей» – идеей взятия Константинополя, то очень усердно занимались отправкой туда добровольцев.

Как-то приходит к нам один офицер, который, между прочим, имел 3 Георгиевских солдатских креста (последний крест – золотой с бантом), и отрекомендовавшись нам Кузьминским, говорит, что он офицер одного из гвардейских полков, находящихся в Царстве Польском. Все Георгии он получил за войну в Средней Азии. Затем он сказал, что желает ехать на войну и чтобы его немедленно отправили в действующую Сербскую армию.

Он крайне спешил, и мы его сейчас же отправили с отходящим в тот день же день пароходом. Причем я должен заметить, что жандармы и вообще администрация ко всем паспортным формальностям относилась тогда весьма снисходительно, так как все в то время были зара-

жены патриотическим духом, тем патриотическим направлением, которое, в сущности говоря, и вынудило Императора Александра II объявить войну Турции. Тогда был общий подъем русского патриотического самосознания именно в смысле славянского единения. Я несколько раз тогда видел Кузьминского, лицо его отлично запомнил, так как оно меня поразило своей крайней бледностью; лицо это было, как у статуи, крайне правильное, точно выточенное из мрамора.

Когда Императорский поезд (в котором ехал Император Александр II) прибыл в Яссы, мы вышли из поезда и стали около вагона, где находился Император. Государь не вышел из вагона, а открыв окно, уперся на него локтями и смотрел вдаль, причем он тяжело дышал, так как в этот день усилено страдал астмой. (Как известно, Император Александр II страдал астмой). Вдруг я вижу, что глаза его, устремленные на платформу, остановились и он стал чрезвычайно пристально к чему-то присматриваться и дышал крайне тяжело. Естественно, мы все обернулись и стали смотреть в этом же направлении.

И вот я вижу, что там стоит ротмистр Кузьминский, но уже в черкеске со всеми своими Георгиями.

Император, обращаясь к нему, говорит: «Ты ротмистр Кузьминский?» Тот говорит: «Точно так, Ваше Величество», – и в это время подходит к вагону и, по-видимому, начинает просить прощения у Государя, а Государь ему говорит: «Ты, – говорит – дезертир, ты убежал из моей армии без моего разрешения и без разрешения начальства».

В это время около меня стоял начальник тыла армии, генерал-лейтенант Каталей. Государь, обращаясь к Кателею, сказал: «Арестовать его и посадить в крепость».

И вдруг я вижу, что Кузьминский вынимает кинжал и преспокойно всовывает его себе в сердце. Для того, чтобы Император Александр II этого не заметил, мы все обступили Кузьминского: вынимать кинжал было поздно, так как наполовину он всунул его в сердце. Окружив его для того, чтобы он не упал, а стоял, мы постепенно, прижимая его, двигались прочь от вагона. К этому времени подоспели другие офицеры, так как на платформе было много людей. Таким образом, мы потащили его в ту комнату, где стоял упомянутый мною выше трон, и так случилось, что мы положили мертвого Кузьминского на ступеньки этого трона.

Между тем Император не отходил от окна, но не понимая, в чем дело, все спрашивал: «Что такое? Что случилось?»

Для того, чтобы выйти из этого положения, я обратился к тамошнему начальнику железной дороги, прося его, как можно скорее отправить поезд. Поезд решили отправить. Император продолжал недоумевать и спросил меня: «Разве время вышло? Почему поезд отправляется?» Я сказал: «Точно так, Ваше Императорское Величество. Я здесь больше не начальник, а, по-видимому, поезд должен отправиться, потому что время вышло».

Затем, когда поезд ушел, мы подошли к Кузьминскому; он был мертв... Кто-то вынул кинжал, который оказался весь в крови.

В крайне угнетенном настроении духа мы сели в поезд и поехали обратно к Кишиневу. Не доезжая Кишинева, вдруг, с Императорского поезда на имя Катадея получилась телеграмма. (Не помню, за чьей подписью, графа Милютина – впрочем, тогда он не был еще графом – или Адлерберга), в которой сообщалось, что Государь Император соизволил повелеть Кузьминского простить и в крепость не сажать.

Не знаю, почему это произошло, – по всей вероятности, Императору было доложено о тех заслугах, которые оказал Кузьминский, находясь в сербской армии; о том, что это человек достойный всякой похвалы. Вероятно, Государь в силу этого и простил ему действительно очень важный дисциплинарный проступок, так как (я сообщал об этом раньше) – Кузьминский бросил русскую армию вопреки запрещению. Он просился в Сербию, но его не пускали, потому что тогда предвидели возможность войны с Турцией, но тем не менее, он, так сказать, удрал.

По поводу этого эпизода с Кузьминским, я хочу отметить следующий факт: когда в Одессе мы отправляли русских добровольцев, то обыкновенно утром я ходил заниматься в управление железных дорог, а в определенное время (кажется, в 4 или 5 час.) я заходил к Кривцову, у которого была канцелярия по отправке всех этих добровольцев. В одной из комнат его квартиры сидел за столом писец, который там работал, и вот, каждый раз, когда я проходил мимо него, хотя я тогда был совсем молодым человеком, не имеющим никакого выдающегося государственного и общественного положения, – этот писец считал своим долгом вставать. В то время вообще я на него не обращал никакого особенного внимания. Через несколько лет уже после окончания войны, когда я служил в Петербург, я однажды приехал к Кривцову. В разговоре он мне говорит: «А помните Стамбулова?»

– Какой Стамбулов?

– А писца, помните, который работал у меня, когда мы отправляли добровольцев? Он был русский семинарист (одесской семинарии) и служил у меня писцом за 20 рублей в месяц.

Это был именно тот знаменитый Стамбулов, который производил такие раважи в Болгарии, который потом был врагом России, благодаря которому Баттенбергский потерял княжеский престол и благодаря которому явился нынешний король Болгарии Фердинанд, и который затем, когда уже не был президентом министерства, – погиб от руки убийцы, тот Стамбулов, который во всяком случае явился – хорошей или дурной памяти, это скажет история – историческим деятелем в судьбах Болгарии.

Когда я поступил на железную дорогу, то тогда железнодорожное дело находилось еще в самом примитивном состоянии. Все-таки, в течение этих 40 лет, прошедших с того времени, железные дороги сделали у нас громадный успех. Если сравнить, как плотно железной дороги, так и станционное устройство, а в особенности, паровозы и вагоны того времени с теперешними, то ясно видно, насколько успех, сделанный железными дорогами, велик. Конечно, не может быть проведено никакого сравнения между теперешним паровозом, ведущим скорый поезд экспресс, с теми паровозами, которые возили с наибольшей скоростью поезда того времени. Это такая же разница, как, можно сказать, между коровой и заводским бегуном.

Сейчас я был на 25-ти летнем юбилее Совета по железнодорожным делам, и там министр путей сообщения Рухлов, между прочим, сказал мне, что он рассчитывает, что у нас больше залежей грузов на железной дороге не будет. «Что – как он выразился – скоро залежи грузов на железной дороге составят предмет исторических воспоминаний». Но он не объяснил: почему это произошло? А между тем объясняется это очень просто. За последние 30–40 лет, а в особенности 20 лет, наша железнодорожная промышленность развивалась гораздо быстрее, нежели общий экономический подъем страны. Вследствие этого, естественно, что железные дороги за последние 20 лет сделались гораздо сильнее по сравнению с тем количеством грузов, которое надо было возить, и естественно должен был наступить такой момент, когда залежи должны были – как выразился министр путей сообщения – отойти в область исторических воспоминаний.

Если сравнить плотно железных дорог настоящего времени и прежнего времени – то опять-таки, между ними окажется такая же разница, как между проселочной дорогой в какой-нибудь Астраханской губернии и прекрасным шоссе в какой-нибудь провинции Франции, т. е. опять-таки тут даже никакого сравнения быть не может. Поэтому скорость движения теперь может быть гораздо большая, движение по железным дорогам может производиться теперь гораздо быстрее, а кроме того и безопасность, благодаря вышеупомянутым усовершенствованиям, значительно увеличилась.

Когда я только что поступил на железную дорогу, то дорога эта была крайне слабо построена, и все, можно сказать, держалось на живой нитке.

В то время, когда железная дорога перешла в руки «Русского Общества Пароходства и Торговли», – я был начальником движения этой дороги, номинальным управляющим быть

барон Унгерн-Штернберг, директором же «Русского Общества Пароходства и Торговли» и одесской ж. д. был Николай Матвеевич Чихачев. Так что администрация была следующая: директором Русского Общества Одесского Пароходства был адмирал Свиты Его Величества – Н.М. Чихачев; у него была два помощника: первый помощник, по Русскому Обществу Пароходства и Торговли, отставной лейтенант Кази, а второй, на железной дороге, инженер путей сообщения Унгерн-Штернберг; я же был начальником движения.

Вот в это время случилась Тилигульская катастрофа. Тилигульская катастрофа заключалась в следующем. Как раз на границе между Подольской и Херсонской губерниями существует нечто в роде оврага, который называется Тилигулом. Железная дорога проходила именно по этому оврагу, по этой насыпи. С одной стороны к югу от этой насыпи, железная дорога шла в Одессу, а с другой стороны, как раз около этого Тилигула путь железной дороги раздваивался – одна ветвь шла на Балту и Елизаветград, а другая – на Жмеринку и Киев.

Так вот в декабре месяце шел поезд с новобранцами из Балты в Одессу; поезд этот должен был быть, по приходе в Балту, отправлен из Балты далее не по расписанию, а по телеграфному соглашению, т. е. он должен был быть отправлен далее раньше, чем это следовало по расписанию, но только после сношений с соседней станцией Бирзулой, когда будет выяснено, что путь между Балтой и Бирзулой свободен, и поезд может беспрепятственно следовать в Бирзулу. И действительно, путь между Балтой и Бирзулой был свободен, т. е. в том смысле, что никаких поездов на пути не было, и из Бирзулы тоже не могло быть отправлено никаких поездов, пока этот поезд не придет в Бирзулу. В этом отношении все было в совершенном порядке. Между тем, как раз в это время, на Тилигульской насыпи нужно было произвести ремонт пути, что случается крайне часто, и, если ремонт небольшой, то он производится так, что соседние станции о нем и не знают. Для предотвращения катастроф, место, где производится ремонт пути на достаточное расстояние обставляется сигналами, т. е. красными флагами, для того, чтобы поезд, подходя к этому месту, мог заблаговременно остановиться; сигналы эти остаются до окончания ремонта.

На этот раз ремонт заключался в том, что лопнул рельс и его нужно было переменить. Между тем дорожный мастер, сняв рельс, не обставил это место сигналами и мало того, что не обставил его сигналами, но, так как была сильная вьюга и метель, то он, оставив на месте снятый рельс, сам, со всеми рабочими, пошел в соседнюю будку погреться и выпить чаю.

В это время шел поезд с новобранцами из Балты в Бирзулу. Он свалился с этой насыпи вниз, как раз в том месте, где был снят рельс. Во всякой большой насыпи, где есть овраг, есть и труба для того, чтобы в случае таяния снегов, а также и дождя, вода могла бы проходить с насыпи в трубу. И вот, весь поезд свалился вниз насыпи, как раз под эту трубу. Была страшная метель, ветер проходил через эту трубу... Поезд, падая, загорелся, потому что в поезде был огонь (например, от паровоза) и, так как поезд попал под трубу, то ветер раздувал огонь. Воздух под трубой раздувал огонь таким же образом, как это бывает при топке камина, когда в нем мехами раздувают огонь, и поезд сгорел целиком.

Нам, конечно, сейчас же дали знать, что поезд свалился. Мы, вместе с бароном Унгерн-Штернбергом, взяли экстренный поезд и отправились на место происшествия; это случилось на расстоянии 186 верст от Одессы. Когда мы приехали на место, то мы нашли, что та часть поезда, которая свалилась под трубу (под трубу свалился не весь поезд, а только часть его), вся сгорела дотла; другая же часть, которая была около трубы, когда мы приехали, была уже поднята и многие раненые были уже свезены на станцию Бирзула. Таким образом в Бирзулу была отвезена часть новобранцев, большая же часть их сгорела дотла, так что под насыпью, т. е. под трубой, остался только пепел. Конечно, картина была чрезвычайно грустная. Случай был ужасный. Мы сейчас же выбрали всех новобранцев, которые остались в живых (и не были еще отправлены в Бирзулу), и повезли их в Одессу, а там сдали их в военный госпиталь.

Так как это был случай выдающийся по количеству жертв, (не помню сколько их было, но во всяком случае число жертв превышало 100), то он обратил на себя особенное внимание.

Это было в 1875–1876 г., т. е. то время, когда и в прессе, и в общественном мнении начал очень сильно проявляться тот дух, который был посеян Писаревым, Добролюбовым и Чернышевским, т. е. дух известной ненависти к лицам, которые по своему положению или материальному достатку выдаются из ряда средних людей; это и есть то самое чувство, которое, в сущности говоря, во многом руководит социалистами и анархистами, – вообще революционной чернью. Но тогда это настроение царило во всем интеллигентном либеральном слое. Это и было то общественное настроение, то общественное течение, которое через 5–6 лет спустя кончилось 1 мартом 1881 года, т. е. возмутительным убиением такого Великого Императора, как Александра II.

И вот для удовлетворения общественного мнения, находящегося под влиянием такого настроения, требовалось, чтобы козлами отпущения были лица наиболее высокопоставленные. Кто же были эти лица? Конечно, прежде всего адмирал Н.М. Чихачев, как директор «Русского Общества Пароходства и Торговли» и Одесской железной дороги, получавший очень большое содержание и носивший мундир адмирала Свиты Его Величества, а затем я.

Хотя я и был собственно в подчинении и у Чихачева, и у управляющего дорогою барона Унгерн-Штернберга, но общественное мнение считало меня тогда душою всего управления железной дороги. Это было не совсем правильно, потому что, хотя в действительности я, будучи начальником движения, держал почти все в своих руках, но за исключением ремонта пути, т. е. именно на службу ремонта пути я не имел никакого влияния. А между тем этот случай произошел от самой возмутительной небрежности дорожного мастера по ремонту пути, т. е. такого агента, который совершенно от меня не зависел. Я бы еще мог понять этот образ мыслей, т. е. желание привлечь к ответственности меня и Чихачева, но это должно было быть сделано в порядке постепенности, т. е. чтобы было признано, что первый и главный виновник катастрофы есть несомненно дорожный мастер и затем его ближайший начальник, т. е., начальник дистанции, затем начальник ремонта пути, т. е. главный инженер по ремонту пути, а затем уже я, если они непременно хотели привлекать меня, как лицо, имеющее, по их мнению, особое значение в общем управлении железной дорогой. Такую точку зрения я еще мог бы понять, т. е.: привлечь меня и Чихачева из принципа, так как мы оба все-таки были начальниками; Чихачев был видное лицо по своему положению, а я, по своему влиянию, а следовательно мы могли оказывать давление на общий ход дела. Но несомненно ответственность наша, во всяком случае, должна была быть второстепенной.

Между тем вышло совершенно наоборот. Судебный следователь привлек к ответственности дорожного мастера, который тогда же, после Тилигульской катастрофы, совершенно как бы сошел с ума, убежал, и затем более уже не являлся, так что я и до сих пор не знаю, появился он или не появлялся.

Затем, судебный следователь прямо от дорожного мастера перескочил ко мне и Чихачеву. Это было сделано под влиянием того настроения, которое в то время преобладало в Петербурге. Из Петербурга прямо прислали особое лицо, под надзором которого и производилось следствие. Насколько я помню, этим лицом был прокурор курского окружного суда, если я не ошибаюсь, фамилия его была Кессель; впоследствии он был прокурором Судебной палаты в Варшаве, а потом он, кажется, был сенатором. Следствие велось прямо тенденциозно и до такой степени тенденциозно, что прокурор Кессель, который жил в Одессе во время следствия о Тилигульской катастрофе, заставил нас давать ему показания в маленьком местечке, находящемся около станции Борщи (недалеко от Бирзулы). Между тем, как он мог бы меня и Чихачева допрашивать, пригласив нас к себе в Одессу. Казалось бы, чего проще. Но он заставлял нас приезжать в Борщи для того, чтобы показать всем служащим, каким образом к нам относятся судебные власти.

В конце концов, был составлен обвинительный акт, по которому к ответственности были привлечены только: дорожный мастер, который, как я уже говорил, убежал, я и Чихачев. И все мы были привлечены к одинаковой ответственности. Обвинительный акт этот был передан в одесский окружной суд и поступил к прокурору судебной палаты, которым в это время был Смирнов, тот самый Смирнов, который тогда прославился тем, что он был обвинителем по известному делу в Москве, а именно по делу игуменьи Митрофании. В то время судебные чины, вообще суд и прокурорский надзор действительно имели полную самостоятельность в суждениях и убеждениях; т. е., все новые судебные учреждения в то время состояли из лиц, который пользовались независимостью суждений. Смирнов, в конце концов, не считал возможным утвердить этот обвинительный акт, находя, что как я, так и Чихачев привлечены быть не можем, так как, собственно говоря, никакого преступления мы не совершали. Соучастниками же дорожного мастера точно также признать нас нельзя, потому что соучастники могут быть только при преступлении, заранее обдуманном, а так как дорожный мастер не привлекается за преступление заранее обдуманное, то следовательно и мы его соучастниками быть не можем. Таким образом Смирнов отказался составить обвинительный акт, по которому были бы привлечены к ответственности Чихачев и я.

В это время в Петербурге, под влиянием ложно либерального настроения, поступили таким образом: передали это дело из одесского окружного суда в казенную уголовную палату старого времени. Новые суды уже были открыты, в это время, в Херсонской губернии и Одессе, – в Каменец-Подольске же они еще не были открыты. Раз дело было передано в старый суд, то – мы отлично знали, что старый суд решит дело так, как ему прикажут сверху. Поэтому, когда дело было назначено к слушанию, ни я, ни Чихачев не только не поехали на суд, но даже не послали своих поверенных. И вот, нас всех заочно приговорили: дорожного мастера, меня и Чихачева к 4 месяцам заключения.

Но через некоторое время последовало объявление войны. Чихачев был сделан начальником обороны Черного моря, а я фактически вступил в управление железной дорогой и переехал в Бухарест, где участвовал в предварительной конвенции с Румынскими железными дорогами, по вопросу о перевозке нашей армии посредством румынских железных дорог, а затем вернулся обратно.

В это время приехал прямо в Кишинев Главнокомандующий, покойный Великий Князь Николай Николаевич с блестящей свитой и со своим штабом.

Я отправился к Великому Князю Николаю Николаевичу и объяснил ему следующее, а именно: что я, по решению казенно-подольской судебной уголовной палаты, приговорен к 4-х месячному тюремному заключению за Тилигульскую катастрофу, и что поэтому я подаю рапорт о том, чтобы меня посадили в тюрьму.

Великий Князь очень удивился этому моему решению и спросил, чем оно вызвано? Я ему ответил, что побуждают меня так поступить очень простые соображения. Ведь перевозка всей армии на Дунай и обратно будет зависеть во многом от моей деятельности и вообще от деятельности всех моих подчиненных и, в особенности при тогдашнем неустройстве железных дорог, дело это потребует большую тщательность. Если дело окончится счастливо, и мне удастся перевезти благополучно действующую армию на войну и обратно, то что же меня тогда ожидает? Все равно, после войны я должен буду сесть в тюрьму и сидеть в ней 4 месяца.

Если же при всем моем усердии и рвении мне не повезет и произойдет хоть один случай, при котором пострадает какая-нибудь часть войска, то тогда вместо 4-х месячного заключения в тюрьме, к которому я уже приговорен, я должен буду понести еще новое наказание. В таком случае, мой расчет совершенно ясен: гораздо проще мне отсидеть в тюрьме во время войны 4 месяца. На это Великий Князь Николай Николаевич мне ответил, что он может дать мне слово, что, если я перевезу всю армию туда и обратно благополучно, без несчастного случая, и вообще без крупных беспорядков, то тогда он будет за меня просить и уверен, что его Августейший

брат Император Александр II уничтожит приговор каменец-подольского суда, и я сидеть в тюрьме не буду. После этих его слов, я, конечно, не привел в исполнение свое намерение, а употребил все свое усердие, чтобы перевезти благополучно армию, как на театр военных действий так и обратно.

Должен сказать, что сделать это было очень трудно, потому что железные дороги и все движение были в страшном беспорядке. Удалось исполнить это дело удачно, только пожалуй, благодаря присущему мне, в особенности, когда я был молод, решительному и твердому характеру. Так например, как только что война открылась и началась перевозка войск, сейчас же произошел подобного рода казус: известно, что у нас в Главном Штабе существуют мобилизационные планы, в которых должно быть точно обозначено, как будут перевозиться войска, сначала по комплектованию войск, т. е. перевозка новобранцев в части, после этого по мобилизации самой железной дороги, т. е. переправка сообразно движению подвижного состава и служащих с одного места на другое; затем самый план перевозки действующей армии.

Тогда был такого рода план: с самого начала по этому плану должны были передвинуться вагоны и паровозы на все те железные дороги, по которым предстояло перевозить войска, а одновременно с ними и новобранцев. После, когда весь подвижной состав был бы перемещен, соответственно предстоящим перевозкам, то должно было начать возить целые военные части на театр военных действий. Все это должно было, конечно, быть в строгом соответствии с планом, рассчитано по часам и минутам и должно было идти так же верно, как хронометр. Но с первого же раза, оказалось, что план мобилизации железных дорог – не был выполнен и ко мне на одесскую дорогу не пришли те паровозы и вагоны, которые по плану должны были прийти.

Вместо ожидаемых паровозов и вагонов начали появляться прямо отдельные части с войсками, а именно, кавалерийские части начали приходить в большом количестве, а также усиливалась перевозка новобранцев. Между тем, подвижной состав совсем не был увеличен, а поэтому его мне не хватало. Вследствие этого я начал с того, что собственною властью высадив первые кавалерийские части, которые пришли в Жмеринку, и заставил их отправиться на лошадях в Кишинев. Не повез их дальше и заставил высадиться – это было сделано собственною властью.

В это время ко мне подошло небольшое количество новых вагонов и паровозов с других железных дорог, и я уже был в состоянии следующие части везти по железной дороге, не высаживая их. Тем не менее, паровозов было очень мало. Вагоны же приходили с войсками, и войска останавливались в этих же самых вагонах, и в этих же вагонах их везли дальше. Так что, понятно, вагоны для перевозки, которая происходила, мне не были нужны, что же касается паровозов, то нужно было давать свои, а именно паровозов то у меня и не хватало. Недохватка эта происходила вследствие того, что по общему правилу, на европейских железных дорогах каждый машинист должен иметь свой паровоз (это, так называемая, европейская система тяги), следовательно, работа машины связана с работой машиниста, т. е. паровоз работает столько часов, сколько в состоянии вынести организм человека. Так как организм человека может работать в сутки ограниченное количество часов, то в то самое время, когда машинист отдыхает или занимается своим паровозом (например, чистит его) – все это время и паровоз остается в бездействии.

Благодаря вышеуказанным обстоятельствам, я сразу, собственным умом, дошел до того заключения, что нужно, чтобы паровоз постоянно двигался. Необходимо только менять машинистов, которых гораздо легче достать, чем паровозы. Это я решил делать, несмотря на то, что некоторые помощники при машинистах не были достаточно опытны. Таким образом, я силою вещей ввел, так называемую, «американскую систему» движения, потому что в Америке паровоз не связан с машинистом; паровоз движется постоянно; он отдыхает только то время, какое требуется для того, чтобы смазать его, вычистить, набрать воды и топлива.

Поэтому паровоз там может двигаться, скажем, из 24-х часов 20 часов в сутки, между тем, как если паровоз связан с машинистом, он из 24-х часов может двигаться только 10; остальное время, когда машинист отдыхает, то паровоз стоит без дела. Я тогда, признаться, о существовании американской системы и понятия не имел, а пришел к этому решению по необходимости. Итак, я начал менять на паровозах машинистов, т. е., так сказать, разлучил паровоз с машинистом.

Так как это чисто железнодорожное дело, то на принятую мною меру никто не обратил внимания, тем более, что министерство путей сообщения тогда было в таком состоянии, что совсем не следило за частными железными дорогами.

Кроме того, я принял и другую меру. По общему правилу, там, где дорога в один путь, можно пускать только один поезд и до тех пор пока поезд не придет на следующую станцию, другой поезд за ним отправлять нельзя. Если, например, первая станция – А, а вторая станция – Б, и если со станции А пустить поезд на станцию Б, то когда этот поезд дойдет до станции Б, станции А делается это известно по телеграфу. Но так как поезда, которые возили войска, приходили с различных мест России и страшно опаздывали, то возить войска по расписанию было невозможно, поэтому я начал отправлять поезда днем поезд за поездом; т. е., например, поезд, отправленный со станции А, еще не дошел до станции Б, а я уже через 15–20 минут делал распоряжение (или давал разрешение), что и другой поезд может отправляться вслед за первым.

Эта система везде практикуется, но практикуется тогда, если устроена, так называемая, система сигнализаций, посредством семафоров, т. е., когда на всем пути устроены сигналы, которые посредством электричества показывают, что поезд прошел известное, определенное расстояние (скажем 5 верст); если поезд, от первого пятиверстного расстояния, не дошел еще до другого, то сигналы будут показывать, что впереди поезд не дошел еще до следующего семафора. Благодаря этому устройству машинист, идущий сзади, может урегулировать свое движение и не наехать на поезд, идущий впереди. Это самое правильное движение. Но без сигнализации посредством семафоров, нигде поезд за поездом не пускают, потому что это очень опасно. Я же был вынужден прибегнуть к этому, потому что иначе мне пришлось бы совершенно остановить передвижение армии.

На систему отправления поезда за поездом, а также на смену машинистов никто не обратил внимания, потому что это чисто техническое железнодорожное дело, а вот то, что я остановил войска и заставил отправиться часть кавалерии (не помню сколько – дивизию или бригаду) на лошадях из Жмеринки в Кишинев – это вызвало жалобу, и для расследования моих произвольных действий, был прислан на место генерал-лейтенант Анненков, который в то время был заведующим передвижением войск по всем железным дорогам империи и одним из ближайших сотрудников военного министра, будущего графа Милютина. Анненков приехал для расследования и, хотя донес, что мои действия были крайне произвольны, но тем не менее, оправдывал меня, так как, по его мнению, другого выхода я не имел, и что единственно, за что я могу отвечать, так это за то, что я значительно превысил власть, потому что подобные распоряжения мог делать только Главнокомандующий, а не начальник движения железных дорог.

Кстати, со мною был еще и другой случай, который также вызвал расследование. Для этого вторичного расследования, вторично приезжал тот же Анненков на юг. Дело заключалось в следующем.

Как только наша армия переправилась через Дунай, то при первом столкновении явилась масса раненых, которых нужно было эвакуировать в Россию. В это время у нас в России были устроены санитарные поезда, из которых, между прочим, один поезд был устроен Императрицей Марией Александровной, затем один поезд Цесаревны Наследницы, нынешней Императрицы-матери, Марии Феодоровны. Поезда эти были роскошно устроены, всего их было не

больше 4–5; они должны были развозить по России раненых из действующей армии; перевозили раненых в Петербург, Москву и другие города, в которых были устроены больницы.

В такой санитарный поезд раненых-больных может поместиться 30–40–50 человек. Таких поездов было 5, значит они могли забрать и сразу поднять не более 200–250 и максимум 300 раненых. Пока их отвезут в Россию и поезда возвратятся обратно, должно пройти средним счетом 2 недели. Естественно, что силы эти для перевозки раненых были самые ничтожные. В Петербурге же составилось мнение, что непременно всех раненых надо возить в санитарных поездах. Но после первого же сражения, мы потеряли значительное количество войск, и оказалось, что раненых привозили по Румынским дорогам в Яссы, где их складывали как бревна на сено. Достаточного же количества санитарных поездов у нас не было, и раненых некуда было девать. Вследствие этого, я прямо распорядился класть в товарные вагоны солому, на солому класть раненых больных и таким образом везти их на соломе в Россию. Тогда были, сравнительно, летние, теплые дни. Итак, раненых мы начали возить в товарных вагонах. Ко мне же привозили раненых по несколько тысяч в день.

Тогда тоже по поводу отправок раненых подняли шум; меня обвиняли в том, что я отправляю раненых совершенно как бревна, а не как людей. Опять посылали расследовать: приезжал Анненков и, в конце концов, донес, что все-таки гораздо лучше, что я отправляю раненых, хотя бы и в товарных поездах, чем оставлять их на соломе в Яссах, где бы они все поумирали. Анненков заметил, что вообще следовало бы совсем иначе устроить самую эвакуацию больных, надо увеличить количество поездов и, если не хотят их возить в обыкновенных поездах, то роскошных поездов должно быть 30 или 40, а не 5. Только при таких условиях можно было бы справиться.

Кстати, по поводу европейской и американской системы движений я вспомнил следующую историю.

Уже после войны на меня обратили внимание, так как та система, которую я на одесской дороге вынужден был ввести, практикуется, собственно говоря, везде на американских дорогах.

Много лет спустя, когда я уже служил в Киеве начальником эксплуатации юго-западных железных дорог, состоялся первый всемирный конгресс железнодорожников, по случаю 50-ти летнего юбилея железных дорог в Бельгии. Этот юбилей праздновался в Брюсселе. Я был тогда сравнительно молодым человеком, – и был назначен на этот конгресс со стороны русских железных дорог (кроме меня было назначено еще несколько человек). Я приехал в Брюссель на конгресс, где рассматривался вопрос: какая система движения предпочтительнее: американская, когда машинист не должен быть связан с паровозом, или европейская, при которой машинист связан с паровозом. Этот вопрос рассматривался, как это обыкновенно принято на конгрессах, – в комиссиях, где он серьезно обсуждался, и было указано, какие преимущества имеет одна и какие другая система. Конечно, были сторонники как той, так и другой системы.

Разумеется, я был сторонником американской системы, потому что я сам ее практиковал во время войны, и встретил горячего защитника этой системы в лице инженера Сортио. (Теперь он главный директор du chemin de fer du Nord, живет во Франции, мы с ним встречаемся и, конечно, он теперь уже старик, а тогда он был еще молодым человеком.)

Все решения, которые принимались в комиссиях, потом рассматривались на общих собраниях; эти общие собрания были большею частью публичные; они устраивались больше для публики, чем для железнодорожного дела; самые серьезные занятия происходили в комиссиях.

На эти общие собрания в Брюсселе часто приходили дамы высшего общества и слушали прения; в том числе приходили иногда король и королева (королем тогда был Леопольд, недавно умерший). И вот как раз, на этом заседании, на котором рассматривался вопрос о

системах европейской и американской, также на хорах присутствовали король и королева и вся бельгийская аристократия.

По каждому вопросу выступало по два оратора. Одним из ораторов был бельгийский известный инженер Бельпер, который говорил за преимущества европейской системы. С нашей стороны возражать ему был выбран инженер Сортио. В общем собрании надо было говорить *à la portée*, чтобы быть понятым публикой, которая о железнодорожном деле не имела понятия. Старик Бельпер говорил, как обыкновенно говорят все бельгийцы-французы, которые любят говорить очень красноречиво особенно при короле. Он сравнивал паровоз и машиниста с мужем и женою и говорил очень патетические фразы о том, как можно отлучать жену от мужа. Понятное дело, жена гораздо счастливее и благополучнее живет, если находится при муже, нежели без мужа. Вот на эту тему он ораторствовал и произносил свою речь крайне патетически.

Потом он возражал Сортио, который говорил приблизительно следующее: он выслушал прекрасную речь Бельпера, которая его очень тронула, но его крайне удивляет, как это Бельпер, который живет недалеко от Парижа, очевидно, в Париже не бывает, потому что, если бы Бельпер бывал в Париже, то таких вещей не говорил бы. В Париже всем известно, что женщина, у которой не один муж, а несколько – гораздо счастливее живет и лучше содержится, нежели женщина, которая живет с одним мужем. Это возражение вызвало в аудитории общий хохот, и так как король Леопольд был склонен «к супружеской легкости», эти прения и ему показались очень забавными.

Мне удалось перевезти вполне благополучно действующую армию на театр военных действий и обратно.

После того, как Император Александр II вернулся с войны и находился в Ялте – в Турции осталась только маленькая часть войска. Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич также вернулся, а заменять его был назначен Главнокомандующим Тотлебен. В то время был уже, так сказать, хвост войны – окончание ее.

Будучи в Одессе, я получил телеграмму от военного министра Милютина, который находился в Ялте при Императоре Александре II. Граф Милютин (за войну он был сделан графом) телеграфировал Чихачеву и мне, что по докладе рапорта бывшего Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича, Государь Император во внимание блестящей перевозки войск на войну и обратно – повелел решение каменец-подольского окружного суда о назначении наказания мне и Чихачеву за Тилигульскую катастрофу отменить, не приводить в исполнение. Таким образом я считал, – да и иначе и не мог считать – это делом совершенно оконченным.

После окончания войны – одесская ж. дорога была соединена с киево-брестской и брест-граевской – образовалось общество юго-западных железных дорог, и я получил место начальника эксплуатационного отдела юго-западных жел. дорог при правлении в Петербурге. Я переехал в Петербург (тогда я только что женился на моей первой жене, которая умерла) и поселился на Троицкой улице (которая идет от Невского). Вдруг ночью ко мне стучатся, в мою комнату входит камердинер и говорит, что приехали жандармский офицер, затем полицейские, городовые, полицейский офицер и требуют меня, требуют, чтобы я немедленно к ним пришел. Это все произошло ночью. Мне было, конечно, очень неприятно, жена крайне перепугалась... Одеваюсь, выхожу к ним и спрашиваю: «Что нужно?» Мне говорят: «Не знаем, – приказано вас арестовать». Я спрашиваю: «Почему пришли ночью, а не утром?» Говорят: был приказ сейчас же привезти меня в участок. Я все время недоумевал, думая, за что бы это?

И так как дело было за год до того, когда был убит Император Александр II, и в то время нас захлестнула революционная волна, и было много революционных эксцессов, то я и подумал, что, вероятно, меня кто-нибудь замешал в эти дела. Я припомнил, что, когда я служил в Одессе на железной дороге, то секретарем у меня был Герцо-Виноградский, который писал

под псевдонимом барона Х, и которого после моего отъезда из Одессы сослали в одну из северных губерний. Вот я и подумал, что это он меня запутал в эти дела, но так как я за собою в этом отношении ничего не знал, то и был уверен, что все скоро разъяснится. Из участка меня повезли на Садовую улицу в комендантское управление, там я встретил плац-адъютанта, спросил его: за что меня арестовали? Он ответил, что было приказано меня арестовать и привезти меня к дворцовому коменданту в Зимний Дворец. Я боялся, что жена не будет ничего знать о том, куда меня упрячут, где я нахожусь, а поэтому будет сильно беспокоиться. И вот, я по дороге в Зимний Дворец, проезжая по Мойке мимо дома Суцова, просил офицера (который ехал вместе со мной в карете) разрешить мне позвонить к швейцару, чтобы Суцову дали знать о случившемся. Офицер разрешил позвонить, вышел швейцар, и я попросил швейцара сказать Николаю Николаевичу Суцову, чтобы он дал знать моей жене, что меня повезли к коменданту во дворец, т. е. к Адельсону; по какому делу меня повезли, – я не знаю.

Приехали в Зимний Дворец; к нам вышел комендант Адельсон и сказал, что вчера Император Александр II приказал арестовать Чихачева на две недели домашним арестом. (Чихачев жил в то время в Европейской гостинице, где его приказано было продержать в течение 2-х недель под домашним арестом); меня же приказано посадить на 2 недели на гауптвахту.

Когда мне сказали про Чихачева, то я догадался, что этот арест, по всей вероятности, связан с Тилигульской катастрофой. Итак, меня повезли на гауптвахту. (Теперь на этом месте какая-то городская лаборатория.) Не успел я просидеть на этой гауптвахте несколько часов, как явился генерал Анненков от имени графа Баранова (я был тогда начальником эксплуатационного отдела юго-западных железных дорог и служил в комиссии графа Баранова). Анненков объяснил в чем дело. Когда Император Александр II вернулся (с войны), то на первом же докладе министр юстиции Набоков, которого поддержал Наследник Цесаревич Александр Александрович (будущий Император Александр III), доложил Государю, что крайне неправильно, по докладу Главнокомандующего и военного министра, было отменено решение суда; что решение суда не может отменяться по докладу военных и даже вообще не может отменяться Государем Императором; что Государь Император может помиловать, но не может отменять судебного решения. Такая точка зрения была поддержана и Наследником Цесаревичем. Затем Набоков сказал, что правильно или неправильно, но общественное мнение Тилигульской катастрофой было крайне возмущено и не может примириться с тем, чтобы по этому делу никто не был наказан. Дорожный мастер скрылся; были привлечены только двое (т. е. я и Чихачев), и по отношению этих двоих решение суда приказано не приводить в исполнение. На это Император Александр II ответил, что раз уж он это сделал, то отменить не может; но, что он накажет нас (как он выразился) «по-отечески», и приказал Чихачева посадить под домашний арест на две недели, а меня на две недели на Сенную площадь (на гауптвахту).

Но так как в это время у меня на руках была работа: составление положения о полевом управлении железных дорог; кроме того, я служил в комиссии гр. Баранова, то Баранов приехал к Императору Александру II, доложил, что я ему крайне необходим; поэтому на третий день последовало второе Высочайшее повеление, чтобы по утрам меня с гауптвахты выпускали, но чтобы ночь я непременно находился на гауптвахте. Так и было. Таким образом, я две недели ночевал на Сенной площади.

Глава седьмая. О железнодорожных королях

После войны, в виду бездоходности железных дорог: Одесской, равно Киево-Брестской (которая вела от Киева до Бреста), и, наконец, Киево-Брест-Граевской (которая шла от Бреста до Граева) – все эти дороги были соединены в одно общество, под названием: «Общество Юго-Западных железных дорог». Таким образом, Общество Юго-Западных железных дорог состояло из дороги, идущей от Одессы до Киева, затем через Казатин до Граева; от Бирзулы до Елизаветграда, от Раздельной до Кишинева и затем на Унгены (пограничный пункт между Россией и Румынией, недалеко от Ясс). Таким образом, пришлось соединять три Управления: Управление Одесской железной дороги (которое находилось в Одессе), Управление Киево-Брестской железной дороги (находившееся в Киеве) и Управление Брест-Граевской дороги (находившееся в Белостоке). В таких случаях всегда оказываются лишние деятели.

Так как я был начальником движения Одесской дороги, то я мог бы занять место начальника движения Юго-Западных дорог, но так как во главе всего дела Юго-Западных железных дорог стал банкир Блюх, который прежде был главою Киево-Брестской дороги, то он и предоставил место начальника движения Юго-Западных железных дорог Данилевичу, который был начальником движения Киево-Брестской железной дороги. Мне же предложили место начальника эксплуатационного отдела Юго-Западных дорог – в Петербурге. Меня это устраивало, по причинам, которые я сейчас разъясню, поэтому я это место и принял.

Причины эти были двоякого рода: во-первых, хотя я в это время был еще холостой, но уже собирался жениться на жене Спиридонова, урожденной Иваненко. Отец ее, Иваненко, был предводителем дворянства в Чернигове. Она вышла замуж весьма молодой, можно сказать, совершенной девочкой, за человека также весьма молодого, но бесконечно беспутного. У них родилась дочь; затем она мужа бросила и некоторое время жила в Одессе. В Одессе я познакомился с нею и все время хлопотал о разводе. Вследствие этих обстоятельств, имея в виду в непродолжительном времени жениться, я и принял место в Петербурге.

С другой стороны я желал временно быть в Петербурге, потому что в это время там уже действовала, так называемая, выс. комиссия по исследованию железнодорожного дела графа Баранова, и генерал Анненков, который во время войны несколько раз приезжал на Одесскую железную дорогу, очень уговаривал меня поступить в эту комиссию, или, во всяком случае, оказать содействие делам этой комиссии.

Вскоре, по переезде моем в Петербург, Спиридонова тоже приехала в Петербург, я на ней женился, и мы венчались во Владимирской церкви. Таким образом, я прожил в Петербурге около 2-х лет.

В те времена царил принцип частного железнодорожного строительства и эксплуатации. Во главе частных обществ стояло несколько лиц, про которых можно сказать, что они представляли собою железнодорожных королей. Лица эти были следующие: на первом плане Поляков – еврей, Губонин и Кокорев – бывшие откупщики, Блюх и Кроненберг – оба из евреев, хотя и принявшие христианство; далее Девиз, ранее бывший сенатским чиновником, затем инженер фон Мек – это были самые крупные; было еще несколько мелких лиц. Так как железные дороги имели значительную часть своих капиталов, гарантированную государством, а у иных дорог и весь капитал был гарантирован государством, то, в сущности говоря, эти железнодорожные короли вышли в такое положение в значительной степени благодаря случайностям, своему уму, хитрости и в известной степени пройдошеству. В этом смысле каждый из них представлял собою довольно видный тип.

Во главе общества Юго-Западных железных дорог был, как я уже сказал ранее, Блюх, который прежде был маленьким железнодорожным подрядчиком, затем строил часть Либаво-Роменской дороги, будучи уже концессионером, и, наконец, сделался железнодорожным коро-

лем. Карьера этого лица вообще довольно интересная, и я ее расскажу для того, чтобы можно было судить, каким образом в те времена появлялись железнодорожные короли с громадным влиянием и с громадным состоянием, и которые пользовались громадным авторитетом благодаря своим железным дорогам и банкам. Раз кто-либо находился во главе железных дорог, то, естественно, он находился и во главе тех или других банков, так как все денежные операции производятся через банк. Таким образом, благодаря всему этому, лица эти имели самое крупное общественное влияние; они имели влияние даже на высший класс имущественных лиц. Как я уже говорил, Блюх был маленьким подрядчиком, который брал подряды на устройство части какой-нибудь станции или какой-нибудь платформы, в этом роде, словом, был простым подрядчиком-еврейчиком, совсем необразованным, но человек он был чрезвычайно способный.

В те времена, строил Киево-Варшавскую дорогу старик-инженер Кербедз; Блюх и был у него маленьким подрядчиком. Когда же Блюх немного нажился и оперился, то он был настолько умен, что на несколько лет удалился за границу и там самообразовался; он там даже слушал лекции в немецких университетах. Когда он самообразовался, то уже явился в Царство Польское (а он был происхождением из Царства Польского) в качестве молодого приличного человека. Затем он познакомился с дочерью доктора Кроненберга; доктор этот был, сравнительно, бедным человеком (он был доктором в Москве); дочь его была красавица. Кроненберг был из католиков, а поэтому и Блюх принял католичество и женился на дочери Кроненберга, которая была, как я уже сказал, весьма красива, образована, умна и была вполне светской женщиной. Блюх поселился в Варшаве, приобрел большой дом, имел большую банкирскую контору и начал строить уже целые железные дороги, так, Лодзинская железная дорога была построена только им одним и только на его деньги.

Этот самый Блюх сделался председателем правления Юго-Западных железных дорог, потому что обладал большинством акций трех дорог, которые слились и составили Юго-Западные железные дороги. Так как он жил в Варшаве, то заниматься систематически делами в Петербурге он не мог, а поэтому вице-председателем правления Юго-Западных железных дорог, который, собственно говоря, председательствовал на всех заседаниях, вел дела и, в сущности, был главою всего дела, – он назначил директора Технологического института, Ивана Алексеевича Вышнеградского, который ранее был, как бы, поверенным Блюха в Петербурге и был вполне, можно сказать, его приказчиком. Это именно тот самый Вышнеградский, который затем сделался министром финансов и был моим предместником, как министр финансов.

Затем правление состояло еще из нескольких членов; все эти члены ничего выдающегося собой не представляли; большинство из них даже не знало железнодорожного дела; единственно кто из них знал дело был старик Фельдман, бывший ранее секретарем Совета Главного Общества Российских железных дорог; человек это был очень милый, образованный, вероятно, еврейского происхождения, но уже давно онемечившийся, так что он значился как русский деятель.

Вышнеградский, как человек чрезвычайно способный, с большим математическим образованием, сильным, хотя и резким характером, конечно, был совершенно на своем месте, но только он не имел времени заниматься, ибо, будучи председателем правления Юго-Западных железных дорог, он одновременно был и директором Технологического института, затем членом совета министра народного просвещения, главным деятелем Петербургского водопроводного общества и многих других частных обществ. Поэтому он не мог посвящать сколько-нибудь значительное число часов делам Юго-Западных дорог; бывали дни, когда он совсем в Правление Юго-Западных железных дорог не приезжал, а если и приезжал, то бывал там на более 2–3-х часов.

В сущности же все дело правления Юго-Западных дорог вели я и молодой инженер Кербедз; я вел эксплуатационное, а техническую частью заведовал инженер Кербедз, который был

племянником старика Кербедза, об этом последнем я упоминал уже выше. Старик Кербедз известен тем, что он, будучи инженером Николаевского времени, был строителем, в царствование Императора Николая I, Николаевского моста через Неву.

Этот молодой Кербедз затем женился на дочери своего дяди (старика Кербедза), т. е. на своей двоюродной сестре. Несколько месяцев тому назад он умер, оставив после себя очень значительное состояние, которое он составил отчасти, благодаря своему труду, отчасти получил в наследство от своего дяди (т. е. это последнее было состоянием его жены). Молодой Кербедз был чрезвычайно талантливый инженер, и, когда я уже был министром финансов и пришлось строить Восточно-Китайскую железную дорогу, то я его поставил во главе этого предприятия; он был вице-председателем Общества Восточно-Китайской дороги и, в сущности говоря, главным деятелем по сооружению этой дороги.

Блиох был человек по природе не глупый, в высшей степени образованный и талантливый, но с недостатками, так сильно присущими большинству евреев, а именно с способностью зазнаваться, и с большою долей нахальства. Так как я с молодости никогда ни перед кем спины не гнул, а говорил всегда всем прямо в глаза всю правду, хотя в то время я был человеком вполне зависящим, не имевшим состояния, то Блиох меня терпел, но не симпатизировал мне и всегда жаловался на мою резкость или, как он выражался, надменность.

Когда образовалось правление Юго-Западных железных дорог и Блиох встал во главе дела, то он уже совсем зазнался и гораздо больше занимался другими делами, чем железными дорогами и вообще делами своей конторы в Варшаве. Всюду он поставил заместителей. Так в Петербурге – Вышнеградского, в Варшаве – двух поляков, фамилии которых я забыл (также очень способных людей), а сам занимался больше политикой и учеными трудами. Все его ученые труды писались не им, а писались различными писателями и специалистами за деньги, которые он им платил. Сам же Блиох только составлял, и то с помощью своих сотрудников, программу тех трудов, которые он предполагал издать.

Так он издал теперь очень устаревшую, но 30 лет тому назад имевшую значение «Историю русских железных дорог». В последнее время, он очень пропагандировал идею мира. С этой целью он ездил за границу, устраивал там различные конференции; даже являлся к молодой Императрице, как только она вышла замуж за Императора Николая II, желая привлечь к себе ее симпатии, но кажется, здесь ничего не выгорело. Я отлично помню, что как-то раз я сидел у старика Кербедза; в это время доложили, что пришел Блиох; человеку сказали, чтобы он его принял. Вот входит Блиох и приносит, в отличном переплете, свое многотомное сочинение – «История русских железных дорог». Тогда Кербедз, который знал Блиоха еще маленьким жидком и всегда называл его на «ты», очень благодарил его за подношение ему этого труда, а потом, поблагодарив его, посадил и, обратившись к нему, очень наивно спросил: «А скажи, пожалуйста, Иван Stanisлавович, ты сам прочел эти книги?» Я был очень удивлен такому вопросу, а Блиох – очень обижен.

В это время приезжая в Петербург, Блиох всегда останавливался в Гранд-Отеле; он постоянно давал маленькие обеды, приглашая всех своих сослуживцев в Гранд-Отель. У него бывали также маленькие совещания, на которых собирались его сослуживцы. И вот, меня всегда крайне поражало низкопоклонство перед Блиохом со стороны Вышнеградского. Все-таки в это время Вышнеградский был и тайный советник, и более или менее известный профессор, и член совета министра народного просвещения, а между тем он держал себя с Блиохом так, что я, будучи совсем молодым человеком, скорее пошел бы по миру, чем стал бы держать себя так по отношению Блиоха, и не потому, что он был еврей, а потому, что в сущности, он ничего собою не представлял; в конце концов, вся сила этих господ заключалась в кармане.

В это время, в Петербурге, я встречался и с другими железнодорожными королями, например, с Губониным, который представлял собою толстопуза, русского простого мужика с большим здравым смыслом. Губонин, как я уже говорил, начал свою карьеру с мелкого откуп-

щика, затем сделался подрядчиком, а потом строителем железных дорог, и стал железнодорожной звездой. Он производил на меня впечатление человека с большим здравым смыслом, но почти без всякого образования.

Наиболее прославившимся из железнодорожных тузов был, конечно, Поляков. Это тот самый Поляков, который составил впоследствии целую династию Поляковых. Так, его брат был известный банкирский деятель, теперь в значительной степени разорившийся – Лазарь Поляков (в Москве). Другой брат – Яков Поляков, кончил свою карьеру тем, что был тайным советником, и ему даже дали дворянство, но только ни одно из дворянских собраний не согласилось приписать его в свои дворяне; он также разорился и в прошлом году умер в Биарице.

Наконец, сын Самуила Полякова – главы этой династии, будучи молодым человеком, никогда ничем не занимался и в значительной степени прожил свое состояние; женился он на очень красивой и очень милой образованной еврейке, живет большею частью в Париже и редко приезжает в Петербург. Этого Полякова я, будучи совсем молодым человеком, встретил в Петербурге на собрании железнодорожных деятелей и раз только в жизни с ним разговаривал.

Он начал говорить с большим авторитетом, довольно нахально, я его весьма срезал, он этим страшно поразился и затем все время расспрашивал: кто я такой? Больше я его не встречал.

Карьера этого Полякова чрезвычайно странная. Он был содержателем почтовых станций, где-то в Харьковской губернии. Тогдашний министр почт Толстой, который в то время еще не был графом (кажется, он после получил графство), проезжая как-то по почтовому тракту, увидел этого еврея Полякова, который ему чем-то очень услужил; затем Поляков, кажется, занимался некоторыми делами Толстого, и, в конце концов, этот последний вывел Полякова в люди.

Дервиз был сенатским чиновником, кончил курс, кажется, в школе Правоведения. Когда его товарищ по школе Рейтерн сделался министром финансов, то он дал ему концессию на постройку Московско-Рязанской и Рязанско-Козловской железных дорог. Тогда не было особых охотников получать концессии, потому что и никто на железных дорогах тогда не наживался. Дервиз несомненно был человек умный и на постройке дорог (на реализации капитала для постройки железных дорог) нажил очень большие деньги. Затем кроме Московско-Рязанской и Рязанско-Козловской он получил концессию на постройку Курско-Киевской железной дороги.

Эту последнюю дорогу он строил уже в компании с главным инженером фон Мекком.

Когда он нажил очень большое состояние, то был настолько умен, что сразу бросил свои дела, уехал за границу, построил в Италии целый дворец, занимался музыкой, имел собственный театр и там же умер.

Когда фон Мек получил концессию на постройку Либавской дороги и приглашал Дервиза принять участие в этом деле, то этот последний ему ответил, что он не такой дурак, чтобы, раз нажив состояние, стал им рисковать; что ему совершенно достаточно тех миллионов, которые он имеет, поэтому он предпочитает вести жизнь мецената, какую он и ведет. Несомненно, в этом высказался его ум, так как потом фон Мек на постройке Либаво-Роменской железной дороги потерял много денег. Причина этому была та, что по мере постройки новых дорог, правительство становилось все опытнее и опытнее и ставило все более и более тягостные условия. Поэтому, в конце концов, люди перестали так наживаться и даже были случаи, что и крупные подрядчики прогорали.

Дервиз от той роскоши и богатства, которыми он пользовался в Италии, благодаря своему состоянию, совершенно сбрендил. Так, например, он держал большую оперу исключительно для самого себя и очень редко кого-нибудь приглашал, между тем, как каждый день ему давали то или другое представление. Один из его братьев, бедный человек, был вторым тенором в здешней русской опере, которая тогда, как и теперь, играла в Мариинском театре. Тенор этот

пел под именем «Энде», т. е. Николай Державин. «Энде» был приглашен петь своим братом на летний сезон к нему во дворец; Энде прожил в Италии несколько месяцев, пел в театре у своего брата, причем этот последний не удостоил даже пригласить его к себе и интересовался только тем: как он поет? Когда кончились спектакли, Державин послал своему брату, «Энде», кроме того, что следовало по условиям, кошелек с золотом. Таким образом, «Энде» уехал обратно и впоследствии рассказывал мне эту историю в Петербурге.

Когда был 25-ти летний юбилей женитьбы Державина, он пригласил к себе, в свой замок в Италию, многих родственников и друзей; все они съехались, и вот, во время обеда произошло следующее событие. Его жена, самая простая женщина, очень почтенная старуха, в течение уже многих лет не пользовалась любовью своего мужа; он всегда ухаживал за различными знатными дамами, которые в значительной степени его эксплуатировали. И вот, во время обеда он встал и торжественно обратился к своей жене с благодарностью за то, что она в течение стольких лет была такой верной ему женой, что он очень ей благодарен и в знак благодарности делает ей подношение (в это время вошли люди и на поднос поднесли ей миллион рублей золотом). После этого он снова ее благодарил и просил его оставить, так как он больше не желает, чтобы она была с ним. Из этих поступков, видно, что он совсем от этой роскоши рехнулся.

Фон Мек, инженер путей сообщения, был очень корректный немец; нажил он порядочное состояние, но жил довольно скромно. У него был старший сын страшный кутила, который всю свою молодость в Москве провел между цыганами и цыганками; он находился постоянно в нетрезвом виде и преждевременно умер.

У него остались два сына, из которых один теперь в Москве состоит Председателем правления Московско-Рязанской и Рязанско-Казанской железных дорог; другой, киевский помещик, живет в Киеве и женат на Давыдовой (дочери сына декабриста Давыдова).

Затем, выдвинулся совершенно случайно, как маленький железнодорожный король, барон Штенгель; восхождение его было очень странное. Он был простым инженером на Царско-сельской дороге в то время, когда министром путей сообщения был граф Алексей Бобринский, который был назначен министром путей сообщения вслед за своим двоюродным братом Владимиром Бобринским. (Бобринские – во главе которых стоял Владимир Бобринский – имели громадное состояние в земельном имуществе, находящемся в Киевской губернии, а его двоюродный брат, Алексей Бобринский, имел большое состояние в земельном имуществе в Тульской губернии). Сын графа Алексея Бобринского, Владимир Алексеевич Бобринский – член Государственной Думы. Этого последнего я очень мало знаю; он представляется мне, человеком порядочным, но, во всяком случае, крайне неуравновешенным и странным.

Так вот, Алексей Бобринский, будучи министром путей сообщения, вел дело крайне самостоятельно. В это время приходилось строить Ростово-Владикавказскую дорогу, и явился вопрос: кому дать концессию Ростово-Владикавказской дороги?

В это время Император Александр II уже влюбился и интимно жил с своей будущей морганатической женой княгиней Юрьевской, урожденною княжной Долгорукой. Эта княжна Долгорукая не брезговала различными крупными подношениями, и вот она через Императора Александра II настаивала, чтобы дали концессию на постройку Ростово-Владикавказской дороги – не помню кому: или инженеру Фелькерзаму, или какому-то другому железнодорожному concessionaire – чуть ли не Полякову.

Граф Алексей Бобринский, как человек очень порядочный, конечно, очень возмущался тем, что концессии даются таким способом, а поэтому всячески этому сопротивлялся. Вот, как-то раз он был в Царском у Императора Александра II; Император с ним заговорил о том, что, вот, Он дал концессию такому-то... (?) и почему он, Бобринский, со своей стороны не хочет этого сделать? Тогда Алексей Бобринский ответил, что он не хочет это делать, потому что считает то лицо, которому предполагается дать концессию, человеком неблагонадежным,

который много денег заберет к себе в карман, и что он считает невозможным так тратить государственные деньги.

Тогда Император Александр II рассердился на Бобринского и сказал ему много неприятного. В конце концов, он сказал: «Ну так ты в таком случае выбери своего концессионера из людей, которых считаешь честными, и представь его сегодня же, чтобы вопрос о том, кому будет дана концессия, был сегодня же кончен» – и что ждать он не намерен. Тогда Бобринский приезжает под этим впечатлением на Царскосельский вокзал, и встречает, как раз, инженера путей сообщения барона Штенгеля, которому, как он знал, министерство путей сообщения симпатизировало, как очень способному инженеру. Бобринский взял да через несколько часов и написал Государю, что он представляет ему, как концессионера этой железной дороги, инженера Штенгеля.

Таким образом, инженер Штенгель построил эту дорогу, нажив при этом большое состояние (не миллионы, но несколько сот тысяч рублей).

Но подобного рода действия Алексею Бобринскому даром не прошли. Как-то раз через некоторое время, Александр II-ой проезжал по Варшавской железной дороге, его встретил граф Бобринский, который при этом был одет в несоответствующую форму. Увидев это, Император Александр II приказал ему идти на гауптвахту. Бобринский отправился на гауптвахту, но затем, конечно, подал в отставку и уехал к себе в деревню и больше уже из своей деревни (в Тульской губернии) не выезжал. Если он и бывал в Петербурге, то только инкогнито; причем он сделался рекстокистом (религиозная секта).

Кроме правления Юго-Западных железных дорог я служил и в Комиссии графа Баранова, где, собственно говоря, был душою всего дела, потому что в этой комиссии участвовали или лица из министерства путей сообщения, которые не сочувствовали этой комиссии, так как полагали, что эта комиссия займется раскрытием неправильностей министерства путей сообщения и вообще видели в ней умаление власти и значения министерства, или же лица, который ровно ничего не понимали в делах; этих последних было большинство.

Так, например, управляющим делами комиссии был тот самый генерал-лейтенант Анненков, который вместе с тем был заведывающим передвижением войск во всей Империи, (т. е. он заведовал отделом Главного Штаба, который заведовал передвижением войск во всей Империи). Сам Анненков был тип офицера Генерального Штаба, большой болтун и вообще был человеком, любившим умело уклоняться от истины. Конечно, железнодорожного дела он не знал.

В этой же комиссии участвовал и Кони, и бывший мировой судья того времени, весьма известный юрист Неклюдов, который впоследствии был обер-прокурором Святейшего Синода и затем был товарищем министра внутренних дел Горемыкина.

Но знающих железнодорожное дело не было. Поэтому всю инициативу в дело вносил я. Единственный труд, который оставила после себя эта комиссия, как известно, был «Устав железных дорог». Этот Устав и доньше действует, как кардинальный закон, регулирующий железнодорожное дело. В настоящее время этот устав рассматривается новой комиссией, которая составлена по образцу, бывшей 30 лет тому назад, – комиссии графа Баранова. Этот «Устав железных дорог» почти целиком был написан мною, но затем окончательно отредактирован с точки зрения юридической Неклюдовым.

Граф Баранов был весьма почтенный человек. Он вместе с тем был еще и председателем Департамента Экономии Государственного Совета. Говорил он чрезвычайно важно, произнося слова и отдельные фразы, как «пифия». Он был очень доброжелательным, воспитанным человеком, по манерам крайне важным, а в действительности весьма простым и добрым, но, конечно, железнодорожного дела, да и вообще никакого серьезного дела он не знал. Составил себе положение он тем, что был другом Императора Александра II, хотя Император и был старше его.

Граф Баранов был сыном графини Барановой, воспитательницы Императора Александра II. Прежде она была просто дама, называвшаяся Барангоф, а впоследствии же была переименована в Баранову и ей был дань титул «графини».

Эта самая графиня Баранова была вместе с тем и другом графа Адлерберга; как известно, граф Адлерберг был также другом Императора Александра II.

Граф Адлерберг был женат на Полтавцевой, на сестре матери знаменитого генерала Скобелева, т. е. на сестре жены старика генерала Скобелева, о котором я упоминал, когда говорил о штурме Карса на Кавказе в Муравьевское время.

Я узнал Баранова, когда ему было за шестьдесят лет; он был нежно влюблен в старуху, жену своего друга графа Адлерберга; эта любовь, конечно, была совершенно платоническая, он всю свою жизнь посвятил этой даме, каждый день он бывал у них и перед нею преклонялся. Баранов имел совершенно легкий доступ к Императору, мог всегда у него бывать и Император всегда его принимал и очень любил. Этим объясняется, между прочим, то обстоятельство, что когда меня посадили на Сенную площадь (на гауптвахту), то уже через несколько часов последовало Высочайшее повеление о том, чтобы меня выпускали днем с гауптвахты, – это именно и произошло потому, что граф Баранов мог сейчас же пойти к Государю и доложить ему, в чем дело.

Между тем дела на Юго-Западных железных дорогах не клеились; дороги продолжали давать дефицит и администрация не могла никак устроиться. Вследствие этого правление решило послать меня в Киев и дать мне бразды правления на месте. Так как прошло уже более года с того времени, как я женился на Спиридоновой, то я согласился принять место начальника эксплуатации Юго-Западных железных дорог и переехал с женою в Киев.

Итак я переехал в Киев и занял должность начальника эксплуатации Юго-Западных железных дорог. Правление тогда же хотело, чтобы я занял место Управляющего Юго-Западных жел. дор., но министерство путей сообщения не хотело утвердить меня в этой должности, так как я не был инженером путей сообщения. Поэтому на это место был приглашен инженер путей сообщения Андреевский, человек с характером и с некоторыми знаниями, во всяком случае, человек более самостоятельный, нежели барон Унгерн-Штернберг, который служил на Одесской железной дороге, в то время, когда я был начальником движения на этой дороге. Несмотря на все вышеизложенное, по моей инициативе, по моему плану было переорганизовано все управление Юго-Запад. жел. дор. именно в смысле большей централизации власти, нежели то было прежде.

Глава восьмая. О сообществе «Святая дружина» и моем участии в нем

В то время, когда я жил в Киеве, произошли некоторые выдающиеся политические события и самым главным из них было 1 марта 81 года.

В этот день вечером я был с моею женою в театре и помню, что одна знакомая, г-жа Меринг, которая находилась в соседней с нами ложе, сказала: получена телеграмма, что Император убит. Я сейчас же покинул театр, написал моему дяде Фадееву, который жил в это время в Петербурге, письмо, в котором чувство преобладало над разумом.

Мысль этого письма заключалась в следующем: у меня в Киеве, в паровозной и вагонной мастерской имеется громадный паровой молот, и если положить на наковальню громадный кусок железа и ударить по нем этим молотом, то от этого удара железо обратится в лист... А вот с этими анархистами такой молот, как вся сила государства – справиться не может, хотя сила государства может быть сильнее, могущественнее, чем молот. Почему это происходит? А происходит это потому, что, если, например, под этот самый молот мы подложим микроскопическую песчинку железа, то можем бить этим молотом сколько угодно, а песчинке никакого вреда не нанесем. Так в данном случае и тут – вся государственная сила не может справиться с этими анархистами.

А между тем, революция того времени, хотя и в малой степени сравнительно с пережитыми нами 1905–1906 гг., но уже с большим успехом проявлялась; часто происходили анархические покушения, которые и окончились этим величайшим несчастьем – убийством Императора Александра II. На основании этих рассуждений я и делал в письме такое заключение, что с анархистами надо бороться их же оружием. Следовательно, нужно составить такое сообщество из людей безусловно порядочных, которые всякий раз, когда со стороны анархистов делается какое-нибудь покушение или подготовка к покушению на Государя, – отвечали бы в отношении анархистов тем же самым, т. е. также предательски и также изменнически их бы убивали. Я писал, что это есть единственное средство борьбы с ними, и думал, что это отвадило бы многих от постоянной охоты на наших Государей.

Через несколько дней после того, как я послал это письмо, я получил от моего дяди Фадеева ответ, в котором он мне сообщал, что мое письмо (которое я тогда ему написал) в настоящее время находится на столе у Императора Александра III и «ты, я думаю, будешь вызван» – писал мне дядя. И действительно, через некоторое время я получил телеграмму от нового министра двора Воронцова-Дашкова (а тогда он занимал временно пост начальника охраны Его Величества в Гатчине, потому что по вступлении своем на престол, первое время Император Александр III поселился в Гатчине), – что он просит меня приехать в Петербург.

Я приехал в Петербург, был у Воронцова-Дашкова (как видно из моих предыдущих рассказов, Воронцов знал меня, когда я еще был мальчиком). Он меня спросил: «А что вы от того, что написали, не отступаете?» Я отвечал: «Нет, – это мое убеждение». Тогда он представил меня флигель-адъютанту (который оказался гр. Шуваловым) и сказал мне, чтобы я отправился с Шуваловым в его дом. Дом Шувалова был известный, можно сказать, исторический дом, потому что там жила когда-то известная всем Марья Антоновна Нарышкина – интимный друг императора Александра I, а впоследствии этот дом перешел к Шувалову, так как Шувалов был племянником Нарышкина, мужа Марьи Антоновны (В этом историческом доме теперь живет графиня «Бетси Шувалова», вдова, очень милая дама.).

Как только я вошел в кабинет, Шувалов вынул евангелие и предложил мне принести присягу в верности сообществу, которое было уже организовано по этому моему письму и которое было известно под именем «Святой Дружины». Вся организация общества была секретная; так что мне не сообщили, как это общество было организовано, а только сказали, что я буду

главный для Киевского района и что надо образовывать пятерки, и одна пятерка не должна знать следующих пятерок; так, например, я должен образовать пятерку, и каждый член этой пятерки должен в свою очередь образовывать новую пятерку и т. д. Таким образом, это было секретное сообщество в роде тех сообществ, которые существовали в средние века в Венеции и которые должны были бороться с врагами и оружием, и даже ядом.

Отнестись критически ко всему этому – я не мог и дал присягу. Меня снабдили некоторыми шифрами, некоторыми правилами и некоторыми знаками, по которым можно узнавать, в случае надобности, членов сообщества. Я отправился в Киев.

В Киеве вскоре до меня начали доходить довольно смутные слухи о том, что один господин (не помню его фамилии), но господин очень низкой пробы, который держал контору для найма прислуги и гувернанток, – принадлежит к какому-то секретному сообществу. Вскоре я получил распоряжение – отправиться в Париж, где я (на мое имя) могу получить указания, что я должен делать.

Приехав в Париж, я действительно, получил указание; я получил письмо на мое имя, в котором говорилось, что в Париж теперь приехал один господин, принадлежащий к нашему сообществу, которого фамилия Полянский и который находится в том же самом Гранд-Отеле, в котором остановился и я (Этот Гранд-Отель и теперь существует в Париже, он находится против Grand Opéra, это один из самых больших отелей.), что этот Полянский имеет миссию убить Гартемана, того самого Гартемана, который два года тому назад хотел взорвать поезд, на котором ехал Император Александр II из Крыма в Петербург.

По принятым правилам для Императорских поездов, когда идет Императорский поезд, то вслед за ним, или перед ним идет свитский поезд, причем иногда идет впереди Императорский поезд, а свитский сзади, а иногда наоборот, Императорский сзади, а свитский впереди (порядок поездов часто меняется). Так произошло и в данном случае.

Гартеман, о котором идет речь, нанял домик в самой Москве, там где дорога подходить к вокзалу (Московско-Курская ж. д.); из этого домика Гартеман провел мину к железной дороге как раз под насыпь; туда он поставил взрывчатую машину и из своего дома посредством электричества хотел взорвать Императорский поезд, когда он будет проходить мимо. По его сведениям, Императорский поезд должен был идти за свитским поездом, но случилось так, что как раз недалеко перед Москвой переменили, и поезд Императорский пошел впереди свитского. Поэтому Гартеман взорвал мину, но не тогда, когда проходил Императорский поезд, а когда проходил свитский поезд, причем мина взорвалась довольно поздно, так что хотя поезд и потерпел крушение, но сравнительно меньше, чем если бы мина была взорвана по середине поезда (т. е. когда поезд находился в середине этой мины). Несмотря на эту неудачу, все-таки держался слух, что Гартеман хочет снова делать покушение на нового Императора, поэтому Полянскому и дана была миссия убить Гартемана.

Этого Полянского я знал, когда он был еще офицером уланского полка, который стоял недалеко от Одессы.

Полянский часто появлялся в Одессе; он ухаживал за очень красивой и довольно известной актрисой Глебовой, так как я тогда был молод и не женат, то я знал всех более или менее выдающихся актрис, которые были в Одессе; в обществе актрис я и встречал этого Полянского.

В Париже Полянский увидел меня в первый раз, когда мы сидели вместе с ним на закрытой террасе Гранд-Отеля. Он завтракал; я тоже пришел завтракать. Он спросил меня, для чего я приехал? Я, конечно, дал ему очень уклончивый ответ. Потом мы встречались с ним на следующий день; на третий день он сделал мне знак, такой знак, который в нашем обществе «Святой Дружины» давался, чтобы узнавать друг друга. Я ему в свою очередь ответил знаком; тогда он подошел ко мне и спросил: «Вы вероятно приехали меня убить, в том случае, если я не убью Гартемана? Я должен Вас предупредить, что если я до сих пор не убил Гартемана, то только потому, что я был задержан. Вот завтра встанем в 5 часов утра и пойдем вместе; я Вам

докажу, что вполне от меня зависит убить Гартемана; я могу убить его каждый день, но только из Петербурга мне дан приказ, чтобы пока я этого не делал, впредь до распоряжения; вероятно, это произошло вследствие того, что ожидали вашего приезда.» Я сказал, что я ничего не знаю.

Утром мы с ним пошли. Я видел (это было в Quartier Latin), как Гартеман вышел, а два апаша или хулигана стояли около тех ворот, из которых он вышел; они последовали за ним, затем эти хулиганы подошли к Полянскому и начали делать ему сцену, что вот третий день они готовы завести с Гартеманом драку (их план был таков: завести с ним драку и во время драки его убить) и что они этого не делают только потому, что Полянский не разрешает. Затем они заявили, что, хотя Полянский всякий раз платит им, когда он им этого не разрешит, по сто франков, но им все это надоело и, если он им завтра не разрешит убить Гартемана, то мы, говорят, это дело бросим.

«Вот видите, сказал мне Полянский, – у меня все уже несколько дней готово, чтобы убить Гартемана, но я ожидаю, так как мне дано распоряжение из Петербурга этого не делать». Я спросил: «Кто же дал вам это распоряжение?» Он ответил, что распоряжение это передано через Зографо.

Этот Зографо был сыном бывшего когда-то посланника в Греции; он был другом детства Воронцова-Дашкова, и эти дружеские отношения сохранились между ними до настоящего времени. Зографо был отцом графини Орловой-Давыдовой (той самой Орловой-Давыдовой, муж которой один из самых богатых людей в России).

– Поедьте, – говорит мне Полянский, – в ресторан «Voisin», там будет Зографо, я, – говорит, – езжу туда каждый день. Мне Зографо сказал, что он ожидает что-то из Петербурга.

Я поехал в ресторан «Voisin». Там действительно был Зографо, я показал ему знак, он мне сейчас же ответил, и мы сели втроем за столик. Полянский говорит: «Вот я сегодня ездил с Сергеем Юльевичем, он убедился... Ведь я знаю, для чего он приехал. Он приехал, чтобы меня убить, если я не убью Гартемана. Я возил Сергея Юльевича, чтобы доказать ему, что тут недоразумение, что я не причем, потому что ведь Вы задерживаете?»

Зографо говорит: «Да, это действительно так; из Петербурга послан сюда генерал-адъютант Витгенштейн, чтобы все это дело ликвидировать».

Я сказал, что ждать Витгенштейна не буду, а сегодня же уезжаю обратно в Киев. И уехал.

При этом мне вспоминается следующее смешное событие, которое случилось, когда я находился в Париже и жил в Гранд-Отеле.

В это время приехал в Париж из Иваново-Вознесенска какой-то молодой купчина, который остановился тоже в Гранд-Отеле. Как только он приехал с поезда, сейчас же пошел завтракать, на завтраке порядочно нализался. После завтрака он пошел к себе в номер проспаться; затем пришел к обеду и на обеде совсем уже нализался. Его вынесли и на подъемной машине доставили в его номер, который был в третьем этаже. Доставив его в номер, раздели его, положили в постель; заперли номер на ключ, а ключ положили ему у дверей. (Гранд-Отель такая громадная гостиница, что там на приезжающих внимания не обращают.) Проходит один день, этот купчина из своего номера не выходит, другой – не выходит (а все время на его имя получают телеграммы из Иваново-Вознесенска); на третий день уже обращаются ко мне и говорят: «Здесь остановился ваш компатриот, он уже третий день не выходит из номера, как вы думаете, отчего это происходит?»

«Почему я, – говорю, – знаю». «А как вы посоветуете?» Я посоветовал войти в номер. Вошли. Он преспокойно спит. Когда мы вошли – проснулся и, обратясь ко мне, спрашивает (он по-французски совсем не говорил). «Давно, – говорит, – я здесь? Много спал? Теперь поздно?» «Да, говорю, – спите вы очень много, третьи сутки спите». «Да, я, – говорит, – несколько раз вставал. Встану, подойду к окну, смотрю – темно (а там в окнах сделаны такие ставни, что свет не проходит), подойду, – говорит, – посмотрю в окно, вижу все темно, опять ложусь. Эти три дня я несколько раз, – говорит, – вставал, есть хотелось; здесь у меня были купленные дорогой

конфеты, пирог – я все сожрал. Поем конфеты, пирог, запью водой и опять ложусь... Сколько время сплю?» «Да, – говорю, – третьи сутки так спите». «Ах, – говорит, – какая беда.»

Принесли ему телеграмму; оказывается, – жена требует его возвращения домой и ругательно ругает за то, что он не возвращается. Он спросил, когда отходить поезд? Ему сказали. Я взял ему комиссионера, тот отвез его на вокзал и отправил в Россию. Оказывается, он в Париже пробыл три дня, но все эти три дня спал пьяным в гостинице, потому что воображал, что это одна ночь, так как в гостинице были такие ставни, что совсем света не пропускали.

Когда я вернулся обратно в Киев, то вследствие этой глупой истории с Гартеманом, а также истории с содержателем конторы для найма, который, по видимому, также числился в этом обществе; и так как, кроме того, по всей России распространилось очень много слухов о существовании этого общества, и о том, что туда направились всякая дрянь, которая на этом желала сделать себе карьеру; это общество в самый короткий срок сделалось «притчей во языцех» – вот вследствие всего этого, я и почувствовал необходимость выйти из этого скверного, в конце концов, по меньшей мере смешного, если не грязного и гадкого дела. Поэтому я написал графу Воронцову-Дашкову письмо такого содержания: что вот тогда-то я написал письмо моему дяде, а мой дядя передал это письмо через него Государю, и, что это послужило основанием для образования общества «Святой Дружины», что эта «Святая Дружина» обратилась теперь в крайне короткий срок, в течение каких-нибудь полгода в самое по меньшей мере смешное, если не постыдное учреждение, что я быть в таком положении не могу; а с другой стороны, раз уже я дал присягу, то не считаю себя вправе выйти из этого общества, чтобы не поступить некорректно. Поэтому я предлагаю следующее: чтобы список всех членов, которые этому делу служат по долгу и чести, а не из-за каких-нибудь лицемерных видов, чтобы этот список всех членов, составляющих это общество, был опубликован в «Правительственном Вестнике» и других газетах.

А также, чтобы и цель общества была опубликована, так как в этом случае имена всех этих лиц станут известны анархистам и революционерам, то, конечно, эти последние направятся прежде всего на всех нас, а поэтому при этих условиях я уверен, что масса лиц, даже, вероятно, большинство – не пожелает участвовать в обществе и откажутся от того, чтобы их фамилии были опубликованы и, таким образом, общество это очистится от всех дурных элементов. Затем в письме я предупредил графа Воронцова-Дашкова, что буду ждать ответа месяц, а если через месяц ответа не получу, то буду считать себя выбывшим из общества.

Прошел месяц, я ответа не получил, а поэтому отослал ему все документы, которые у меня были по этому обществу, а также все знаки, шифры и т. д. Тем эта смешная история постольку, поскольку я в ней участвовал и кончилась.

Глава девятая. Моя служба в Киеве

Когда я переехал в Киев, то генерал-губернатором и командующим войсками был генерал-адъютант Дрентельн. Этот Дрентельн был очень почтенный человек; во время последней Турецкой войны он был начальником тыла армии. До него начальником тыла армии был генерал Каталей, а когда Каталей умер, то на его место был назначен Дрентельн, который раньше командовал войсками Киевского военного округа. После войны, вместо убитого Мезенцева, Дрентельн был назначен шефом жандармов, а когда явилась «диктатура сердца» Лорис-Меликова и III отделение было соединено с министерством Внутренних дел, то Дрентельна назначили командующим войсками в Одессе, а из Одессы он был переведен генерал-губернатором и командующим войсками в Киев, как раз за несколько месяцев до моего туда приезда.

Как он, так и его жена, Марья Александровна Дрентельн, старушка под 80 лет, которая жива и до настоящего времени, обладает совершенно свежей памятью, что бывает очень редко в такие лета – очень почтенные люди.

Дрентельн, хотя и не был боевым генералом, но в мирное время был очень хорошим, знающим свое дело генералом и держал Киевский военный округ в блестящем порядке.

У Дрентельна была одна дочь и один сын, который был в то время еще в юношеском возрасте. Его звали Сашей Дрентельн; он был в Киевском университете.

Дочь его была в то время совсем еще молодой девушкой, и она там же вышла замуж за офицера, который имел должность при штабе, за некоего Романенко, который ныне командует корпусом в Одессе. Сын же Дрентельна, окончив курс в университет, женился на дочери председателя судебной палаты – Поповой. Отец ее – человек очень богатый, по жене, которая была из купчих.

Затем после смерти Дрентельна они все переехали в Петербург, и молодой Дрентельн поступил в Преображенский полк, где он все время и находился. Ныне он состоит помощником начальника походной Канцелярии Его Величества; это один из самых близких людей к Государю. Я об этом упомянул потому, что, конечно, со временем Дрентельн будет один из самых близких сановников при Дворе, при Особе Государя. Этому способствуют следующие обстоятельства:

1. Государь сам служил в Преображенском полку и знал там раньше Дрентельна; 2. Государь знает, что Отец Его Александр III очень благоволил к отцу Дрентельна; 3. Дрентельн человек во всяком случае культурный, потому что все-таки он прошел университет и кончил курс очень хорошо; 4. Но едва ли не самое главное обстоятельство, которое дает ему возможность держаться твердо при дворе, это то, что он не имеет жены, а следовательно, благодаря этому избегаются такие обстоятельства, которые постоянно возбуждают различные мелкие интриги.

Когда отец Дрентельна был Киевским генерал-губернатором, то он был всеми уважаем, как русскими, так и иностранцами. Хотя он был очень жесток с иностранцами и для войск был суровым командиром, но, тем не менее, так как он был очень справедливым, безусловно честным и порядочным человеком, то умел внушать к себе большое уважение. Мне теперь часто приходится слышать от поляков и евреев о том, что когда Дрентельн был в Киеве генерал-губернатором, то – говорят поляки и евреи – мы на него постоянно жаловались, а теперь мы о нем постоянно вспоминаем и считаем, что то время было одно из лучших для нас, потому что хотя Дрентельн был относительно нас жесток, но в то же время он был крайне справедлив.

Я был почти что свидетелем смерти Дрентельна. Это произошло следующим образом. Я не помню, по какому случаю в Киев был парад войск, и вот Дрентельн верхом делал смотр войскам; он был сравнительно небольшого роста, чрезвычайно полный, почти совсем без шеи. Когда он производил смотр, то вдруг с ним сделался апоплексический удар, он свалился с лошади и умер. В то время, когда привезли Дрентельна к подъезду его дворца, я как раз выхо-

дил из своей квартиры; и вот я вижу, что везут Дрентельна. Я сейчас подбежал к экипажу и вижу, что его привезли два адъютанта; один адъютант – Трепов, нынешний генерал-губернатор Киевский (он занимает то место, которое тогда занимал Дрентельн) и другой адъютант Афона-сопуло, который ничем неизвестен, ничем не отличался, кроме своего крайне высокого роста.

Итак, я был свидетелем, как Дрентельна внесли в кабинет, я вошел вслед за несшими его (т. е. вслед за его телом) и присутствовал при первой панихиде.

Говоря о Дрентельне, я вспомнил следующий забавный эпизод, который случился в Киеве с номинальным редактором тамошней либеральной газеты – «Заря», присяжным поверенным Андреевским, в то время, когда я и Дрентельн жили там.

Действительным редактором этой либеральной газеты был присяжный поверенный из евреев – Куперник (дочь которого – довольно известная литераторша), а фиктивным редактором этой газеты «Заря» был, как я уже сказал, Андреевский, который писал в этой газете фельетоны.

Андреевский был чрезвычайно остроумный человек, но крайне неосновательный, забулдыга. Он женился на дочери антрепренера тамошней оперы, бывшего петербургского тенора Сетова; она была очень красива. Андреевский все время жаловался своим знакомым, говорил, что он женился на Сетовой совсем не потому, чтобы она ему особенно нравилась, а потому, что он думал, что отец ее Сетов имеет состояние и даст за своей дочерью большое приданое, а между тем, он решительно ничего не дал, кроме декораций 4 акта оперы Аида.

Вот этот самый Андреевский и писал в «Заре» воскресные фельетоны, причем всегда затрагивал кого-нибудь из Киевского общества.

В это время в Киеве жил очень почтенный артиллерийский полковник; у него была жена очень красивая, за которой постоянно кто-нибудь ухаживал и ухаживал с успехом. И вот тогда, между прочими ухаживателями, имевшими у ней успех, пользовался также успехом и князь Горчаков (о котором я уже говорил и который приезжал в Киев и некоторое время там жил).

Вот этот Андреевский начал писать роман, в котором изображал жену этого полковника, ее похождения и лиц, ухаживавших за ней, – между прочим и того ухаживателя, который именно в то время имел успех (чуть ли это не был князь Горчаков).

Этот роман совершенно вывел из терпения бедного мужа этой дамы. Полковник пошел к Дрентельну и пожаловался на Андреевского. Тогда Дрентельн приказал позвать к себе Андреевского (В то время расправа с журналистами была такая же, какая практикуется и ныне, во времена Столыпина, т. е., если какой-нибудь журналист напишет что-нибудь неприятное, то он призывается к начальнику печати. Начальник печати говорить ему: лучше прекратите, а если не прекратите, то мы с вами сделаем то-то и то-то и, в конце концов, вы провалитесь в тартарары.) и говорит ему:

– Правда, что вы пишете там в вашем романе, в фельетонах всевозможные гадости о дамах и дамах порядочных? Так вот, я вам приказываю, чтобы вы больше не смели писать, чтобы вы этот роман прекратили, а иначе я поступлю с вами, как вы этого и не ожидаете!

Тогда Андреевский и говорит Дрентельну:

– Ваше превосходительство, вы знаете – я всегда исполняю ваши приказания, и это ваше приказание я также исполню, только я вас прошу – будьте так добры, – позвольте, – говорит, – моему герою романа спокойно умереть. Я вам даю честное слово, что в следующем фельетоне он умрет и этим кончится весь роман.

Дрентельн засмеялся и этого Андреевского прогнал.

Вслед за Дрентельном генерал-губернатором был назначен Чертков, – который впоследствии занимал должность Варшавского генерал-губернатора. Чертков был совсем другой тип. Он был человеком из высшего общества, мало военным; как командующий – занимался войсками очень мало. Имел порядочное состояние, а также большие связи в Петербургской аристократии.

Женат он был на известной до настоящего времени Ольге Ивановне. Известна она тем, что была весьма забавной дамой и при том положительной красавицей. В настоящее время ей более 60-ти лет; между тем она до настоящего времени весьма франтится. Теперь она живет в Петербурге, а муж ее, Чертков, уже умер. Когда Чертков был губернатором в Воронеже, а потом наказным атаманом в Новороссийске, он влюбился в эту Ольгу Ивановну, которая была женой полицеймейстера, развел ее с мужем и женился на ней. Эта женитьба и была причиной, почему Чертков долгое время был не в особенном фаворе при дворе, потому что в то время к таким вещам, как «развод», относились при Дворе очень строго, совсем не так, как относятся к этому теперь.

Говорят, что Ольга Ивановна, – и это несомненный факт – еврейского происхождения. Но это, по моему мнению, нисколько не служит для нее каким-нибудь минусом. Она очень порядочная и довольно образованная женщина; чрезвычайно жизнерадостная. Всю жизнь свою она постоянно веселилась, имела постоянно много поклонников между адъютантами своего мужа.

От первого ее мужа, Верещагина, у нее было двое детей. Сын ее, Верещагин, служит в Государственной канцелярии и состоит уже гофмейстером. Затем дочь (Верещагина) уже девушку в довольно зрелом возрасте выдали замуж за прокурора Варшавской Судебной Палаты – Коваленского, того самого Коваленского, который был Директором Департамента Полиции и скоро будет 2 года тому назад, как он застрелился.

От Черткова было две дочери. Одна дочь за графом Толстым, а другая – за князем Гагариным. Обе они теперь сравнительно еще молодые женщины, т. е. от 30–40 лет.

Ольга же Ивановна несмотря на то, что она старуха, до сих пор еще играет роль в том смысле, что она женщина очень забавная, оригинальная и своими оригинальными выходками часто многих форсирует и вообще многих забавляет.

Чертков оставил пост Киевского генерал-губернатора в начале царствования Императора Александра III, вследствие сенаторской ревизии, сделанной в Киеве сенатором, а впоследствии членом Государственного Совета, известным Половцевым.

Я лично не думаю, чтобы Чертков, как генерал-губернатор или командующий войсками, был хуже других ординарных генерал-губернаторов и командующих войсками, которых так много среди этих лиц. Но, почему-то, он не понравился Императору Александру III.

Я думаю, что не понравился он Императору из-за своей жены и некоторого высокомерного тона, которого он всегда держался.

Во всяком случае несомненно, что как генерал-губернатор и командующий войсками Чертков был несравненно ниже Дрентельна и гораздо менее его авторитетен. Поэтому, когда он оставил пост генерал-губернатора и командующего войсками, то очень долго не получал никакого назначения и жил как бы в опале, в своем имении в Киевской губернии. Только при нынешнем Императоре Николае II, когда умер Варшавский генерал-губернатор граф Шувалов, его в качестве кандидата выдвинули на этот пост, и он его занял, пробыв в течение десяти лет вне всяких дел. Заняв этот пост, Чертков через два года умер.

Когда Чертков оставил пост Киевского генерал-губернатора, то его место занял Радецкий, очень видный герой последней Турецкой войны, тот самый Радецкий, который так долго держался на Шипке и известен своими постоянными донесениями: что «на Шипке все спокойно» (Шипка – это один из высоких хребтов Балканских гор). Эти свои донесения Радецкий посылал в то время, когда он каждый день со своим сравнительно небольшим отрядом обстреливался турецкими войсками.

Когда этот Радецкий приехал в Киев, то он был уже в значительной степени крамольный. Но, как военный человек, представлял собою авторитет; о гражданских же делах он не имел никакого понятия.

Скоро после моего приезда в Киев Вышнеградский, который был вице-председателем правления Юго-Западных дорог, был сделан министром финансов, а так как Блюх сам делом не занимался, то нужно было найти человека, который бы занимался делом Юго-Западных железных дорог в правлении, т. е. в сущности был бы председателем. На этот пост был приглашен управляющий Юго-Западных железных дорог Андреевский. Так как им не были вполне довольны потому, что Юго-Западные дороги все время приносили или дефицит, или давали очень мало дохода, то обратились вторично в министерство путей сообщения с просьбою утвердить меня управляющим Юго-Западными железными дорогами. На этот раз в виду того авторитета, который я приобрел на железных дорогах, министерство путей сообщения уже не сочло возможным отказать в моем утверждении на том основании, что я не инженер путей сообщения.

Итак, министерство меня утвердило, и я сделался управляющим Юго-Западными железными дорогами. Я был первым и единственным до настоящего времени управляющим одной из самых больших железных дорог, который не был инженером путей сообщения и вообще не был инженером, так что, если я понимал и понимаю несколько в железнодорожном деле, то это лишь потому, что я был хорошим математиком и практически этим делом занимался, служа на железных дорогах. Мне удалось во время моего пребывания управляющим Юго-Западными железными дорогами поставить эти дороги в совершенно твердое положение в финансовом отношении; акции этой дороги значительно повысились, и дорога в мое время начала давать регулярный дивиденд.

Я имел счастье вообще, где бы я ни служил, приглашать талантливых сотрудников, что, по моему мнению, составляет одно из самых главных и необходимых достоинств администраторов по крупным делам, а по государственным в особенности. Лица, которые не умеют выбирать людей, не имеют нюха к людям, который не могут оценить их способностей и недостатков, мне кажется, не могли бы быть хорошими администраторами и управлять большим делом. Что касается меня, то я могу сказать, что у меня этот нюх, может быть, природный, очень развит. Я всегда умел выбирать людей и, какую бы должность я ни занимал, и где бы я ни был, везде являлась крупная плеяда талантливых и способных работников. Так было на Юго-Западных жел. дорогах, особенно же это проявилось на более обширном поприще моей деятельности, т. е., когда я был министром финансов в течение 10½ лет. Все последующие министры финансов, бывшие после меня, как-то Плесске, Шипов, Коковцев – все это бывшие мои сотрудники, которых я, – так сказать, вытаскил. Также среди членов Государственного Совета есть целая серия членов Г. С., которые прежде были моими сотрудниками на различных поприщах. В настоящее время все главные посты министерства финансов – все заняты бывшими моими сотрудниками, а также это можно сказать и относительно частных обществ.

Главный банковый деятель в Петербурге настоящего времени Александр Иванович Вышнеградский – (сын бывшего министра финансов) был у меня начальником отделения кредитной канцелярии в то время, когда я был министром финансов, затем при мне он все время повышался, но потом оставил министерство финансов и ушел в частный банк, как он мне говорил, вследствие того, что не может ужиться с формализмом, введенным Владимиром Николаевичем Коковцевым. Теперь это один из самых выдающихся финансистов в банковском деле.

Затем еще один выдающийся финансист в банковской сфере, – еще сравнительно молодой человек, – Алексей Иванович Путилов, которого я застал в министерстве финансов, состоящим при юрисконсульте министерства Белюстин, тогда он только что окончил курс в университете. Затем Путилов был секретарем, потом директором канцелярии и, наконец, управляющим крестьянским и дворянским банками. Когда же я ушел из председателей совета министров, то он оставил службу и вышел в отставку. В настоящее время он состоит председателем правления Азиатского банка и является одним из самых влиятельных, скажу, модных финансистов в банковских сферах, не только у нас в Петербурге, но и за границей.

Наконец, также один из самых крупнейших в Петербурге банков, а именно Волжско-Камский банк, управляется Барком, который также был моим сотрудником. Когда он был еще совсем молодым человеком, только что окончившим учебное заведение – я его послал за границу в Берлин к Мендельсону – учиться банковскому делу.

Точно также и в течение моей службы на Юго-Зап. жел. дор. я подобрал и там целую плеяду выдающихся железнодорожных деятелей, из них теперь некоторые уже поумирали, а другие в последние годы потерпели погром, потому что среди них довольно много было поляков, а также некоторые из них были евреи. Например Абрагамсон и Погребинский – оба были из евреев, оба были инженеры путей сообщения и служили на дороге несколько десятков лет. Может возникнуть вопрос: почему именно на Юго-Зап. жел. дор. было довольно много поляков и евреев?

Но это объясняется очень просто: потому что вообще в юго-западном крае много евреев и поляков и, очевидно, они более дорожили местами в этом крае, где они имеют родственные и другие связи, нежели в таких местностях, которые им совсем незнакомы, и где они никаких связей не имеют. Несомненно, что все эти поляки и евреи, которые теперь должны были оставить службу вследствие этого нового черносотенного направления, все они с государственной точки зрения были не менее благонадежны, нежели русские. Таким образом увольнение их есть ничто иное, как дань безумному политическому направлению.

Кстати, как пример этого безумия, я хочу отметить следующий факт: на юго-зап. жел. дор. одна из самых больших станций – станция Одесса-Порт. Это громаднейшая станция, которая обнимает собою весь одесский порт. Когда я был начальником эксплуатации юго-зап. жел. дор., то я назначил начальником этой станции некоего Катульского, которого пригласил по данной мне рекомендации из служащих московско-курской дороги. Он все время служил начальником станции Одесса-Порт. Теперь, когда я несколько месяцев тому назад был в Одессе, так как там у меня живет больная сестра и я ездил к ней, – то ко мне пришел этот самый Катульский и, сказав мне, что он уже больше не состоит начальником станции, просил моего ходатайства о том, чтобы ему дали пенсию в большем размере, нежели это обыкновенно принято.

Я был очень удивлен, что он оставил службу, и Катульский объяснил мне, что его уволили, что причину увольнения он не знает, но подозревает, что случилось это вследствие того, что подумали, что он поляк. Когда я его спросил: „А что же, вы объяснили, кто вы такой?” Он ответил: „Да, я объяснил, что я не поляк, но до сих пор никакого внимания на это не обратили”.

Затем я от начальника дороги узнал, что Катульский был уволен в качестве поляка, потому что его фамилия кончается на «ский», так как одесский градоначальник Толмачев попросил, чтобы в Одессе были уволены все лица польского происхождения. После, когда управление написало министерству, что Катульский совсем не поляк, что он сын священника, а потому и не может быть поляком, то раз уже увольнение состоялось, министерство не пожелало взять его обратно и сознаться в том, как оно легкомысленно поступает, увольняя служащих только на основании того или другого созвучия в фамилиях.

Когда я сделался управляющим юго-зап. жел. дор., то я, главным образом, сосредоточил свое внимание на службе ремонта пути и зданий, именно на той части, которая требует чисто инженерных познаний. И вот в течение того времени, когда я был управляющим, я по строительной части приобрел некоторый навык, некоторый опыт. Среди моих служащих у меня было несколько инженеров путей сообщения более или менее молодых, силами и знаниями которых я располагал, они давали мне то, чего я не знал, т. е. различные знания чисто инженерного искусства, а я, со своей стороны, давал им те знания, которые вытекают из обширного железнодорожного опыта, а также и из знания математики и механики.

В числе этих инженеров при мне состоял инженер Демчинский, который теперь в России известен, как человек, пропагандирующий «грядковую культуру хлеба».

Затем при мне состоял очень способный молодой инженер Циглер, который впоследствии, когда я сделался директором департамента ж. д. дел, был взят мною чиновником особых поручений при департаменте железнодорожных дел. Потом, когда я уже был министром финансов, в последние годы, я его сделал Директором департамента железнодорожных дел.

А когда Владимир Николаевич Коковцев сделался министром финансов, так как он совсем не знает железнодорожного дела, – то при нем все эти последние годы Циглер играл очень большую роль, во всех железнодорожных делах, являясь руководителем Коковцева.

Этот в высокой степени достойнейший почтеннейший человек умер в прошлом году.

В качестве молодого инженера, состоящего при мне, был также инженер путей сообщения Абрагамсон. (Он состоял при мне уже после того, как я покинул юго-западную дорогу. Дорога эта была выкуплена в казну, и начальником дороги сделался Немшаев, тот самый Немшаев, который при мне, когда я был председателем Совета Министров, состоял министром путей сообщения, а затем снова вернулся на должность начальника жел. дор. Вот этого Абрагамсона я и сделал начальником службы ремонта пути и зданий).

В прошлом году министр путей сообщения Рухлов потребовал, чтобы Абрагамсон ушел, так как он еврей по происхождению, а вследствие этого его перевели начальником ремонта пути и зданий на Московско-Ярославско-Архангельскую жел. дор. Я совершенно не могу себе объяснить: почему Абрагамсон может быть начальником службы на дороге Моск. – Яросл. – Арханг., а не может быть начальником службы ремонта пути на Юго-Западн. жел. дор.?

Абрагамсон в течение всей своей службы на юго-зап. жел. дор. вел себя в высокой степени корректно, пользуясь любовью всех своих подчиненных, а по службе ремонта пути имеется масса подчиненных совершенно простых людей, т. е. сторожей, рабочих и всяких мастеровых. Никогда, ни в чем он не проявил своей неблагонадежности. Вообще Абрагамсон никогда никакой политикой не занимался и не занимается. Конечно, этот перевод сделан только потому, что совсем уволить его не позволяла совесть, а переведя его на меньшую Яросл. – Арханг. ж. дорогу, не без основания думают, что он там долго не уживется и сам подаст в отставку.

Этого Абрагамсона мне рекомендовал Чихачев, бывший директор Русского общества пароходства и торговли, потом морской министр, а ныне состоящий членом Государственного Совета.

Абрагамсон, как инженер, имел перед остальными русскими инженерами то преимущество, что окончив курс, и весьма успешно, в одной из высших инженерных школ в Германии, он затем держал выпускной экзамен на получение звания инженера путей сообщения у нас в институте путей сообщения, и таким образом он, если можно так выразиться, был инженером в квадрате.

Что касается Демчинского, то он не был важным инженером и мне оказывал очень мало пользы, взял же я его потому, что он очень меня об этом просил. Он был начальником дистанции на Московско-Курской жел. дор., там он увез у своего товарища жену, затем на ней женился и вследствие этой истории не мог уже больше оставаться служить на Московско-Курской жел. дор., поэтому он меня и просил дать ему какое-нибудь место у меня в Киеве.

Я дал Демчинскому место инженера, состоявшего при мне. По части инженерной он был очень слаб, но по части писания и различных проектов – он был очень талантлив. Вообще его натура крайне талантливая, но неуравновешенная и не имеющая серьезных основ в научных знаниях. Кроме того – он из числа тех людей, которые не могут ни на чем специализироваться и сосредоточиться. Так как его карьера довольно оригинальная и его натура представляет собою именно образец русских талантливых, но неустойчивых людей, то я скажу о нем несколько слов.

Будучи при мне в Киеве, Демчинский вдруг заявил мне, что вообще ему железнодорожное инженерное дело не нравится, что он хочет сделаться адвокатом, присяжным поверенным, так как он считает, что это самая лучшая карьера и что эта карьера более всего подходит к

его натуре. Поэтому он думает весной держать выпускной экзамен в Киевском университете на юридическом факультете. Я очень удивился этому и никак не мог понять: каким образом человек в 3–4 месяца может подготовиться, чтобы держать выпускной экзамен и получить звание кандидата юридических наук. Хотя я и усомнился в том, что он сможет осуществить это желание, но по его просьбе, я не беспокоил Демчинского в течение 3–4 месяцев, т. е. не давал ему никаких работ.

Оказывается, он действительно заперся у себя и начал заниматься и, выдержав очень порядочно экзамен на кандидата юридических наук, сделался адвокатом и оставил службу при мне (т. е. службу на юго-зап. жел. дор.). Прошло очень немного времени, я как-то с ним встретился и говорю: как вам нравится ваша новая деятельность? Он мне сказал, что его новая деятельность привела его к глубокому полному убеждению, что суды наши есть ничто иное, как учреждения бесправия (хотя это было в то время, когда наши суды были еще вполне независимыми учреждениями и представляли собою институт весьма почтенный. Теперь все наши суды изгажены таким проходимцем, каков нынешний министр юстиции Щегловитов). Зная характер Демчинского, я на его заявление о том, что наши суды есть учреждения бесправия, конечно, усмехнулся, так как прекрасно понимал, что просто Демчинскому его новое поприще уже надоело. Затем Демчинский переехал в Петербург. Переехав в Петербург, он вдруг заявил, что открывает фотоцинкографическое заведение и действительно он первый открыл в Петербурге фотоцинкографическое заведение, т. е. цинкографию (фотографирование на цинковых пластинках).

Демчинский говорил, что это изобретение принадлежит ему, может быть, что-нибудь подобное и было уже изобретено за границей, но, во всяком случае, он получил на этот способ привилегию и некоторое время занимался в Петербурге фотоцинкографией, имея свое фотоцинкографическое заведение. Затем, через самое короткое время он это фотоцинкографическое заведение и самый способ фотоцинкографирования продал за несколько десятков тысяч рублей и купил себе маленькое имение около станции Николаевской жел. дор. Торбино, поселившись там, он начал заниматься сельским хозяйством. Во время своего увлечения сельским хозяйством, Демчинский в один прекрасный день явился ко мне (я тогда был министром финансов) и начал уверять меня, что он открыл совершенно новый способ предугадывания погоды, что этот способ может сделать громаднейший переворот во всем сельском хозяйстве. И действительно, он начал писать по этому предмету в «Новом Времени», предугадывал погоду; писал о том, в какое время какая предстоит погода, и как должны в соответствии с этими предсказаниями поступать сельские хозяева. Первое время предугадывания погоды были чрезвычайно удачны, так что я со всех сторон слышал, что необходимо поддержать Демчинского, потому что несомненно он превосходно предугадывает погоду, что это может привести к совершеннейшему перевороту в русском сельском хозяйстве.

В этом смысле некоторые сельские хозяева, близкие Государю, докладывали Его Величеству. Признаться, я и сам был этим несколько увлечен, а поэтому просил у Государя, не соизволит ли он выдавать из средств государственных финансов Демчинскому от 10 до 15 тысяч рублей в год для издания Метеорологического журнала. Государь Император принял эту просьбу весьма милостиво именно потому, что ему уже несколько раз говорили о Демчинском, о том, что он действительно, превосходно предугадывает погоду.

Но впоследствии, когда Демчинский начал уже издавать свой журнал, то ученые люди стали относиться к его методу вычислений критически.

Когда же я пригласил к себе академика по метеорологии Рыкачева, то сначала и он был очень увлечен и давал мне в высшей степени одобрительные отзывы о Демчинском. Но через некоторое время Рыкачев, явившись ко мне, заявил, что вот он делал всякие исследования, разбирал самый метод Демчинского и находит, что метод его ни на чем не основан, что предугадывания его – вещь случайная и что он, Рыкачев, пришел ко мне каяться.

Эти отзывы Рыкачева, все его соображения, а также и ответы Демчинского – я передал Дмитрию Ивановичу Менделееву, нашему знаменитому ученому, которого у нас, когда он был жив, очень мало ценили; его не выбрали в академию наук и даже распускали инсинуации, что будто бы он, поддерживая в различных своих статьях и книгах промышленность и видя в ней всю будущность России, находится чуть ли не на откупе у некоторых промышленников, что, конечно, была злостная клевета. Но с тех пор, как несколько лет тому назад Менделеев умер – его имя у всех не сходит с языка, все говорят о нем как действительно о великом ученом. Вот в то время, когда Менделеев находился в таком положении, что он оставил профессуру, академия его игнорировала, во всех газетах над ним подсмеивались и делали на него различные нападки – я предоставил ему место управляющего палатой мер и весов (которая находится против технологического института). Он эту палату значительно улучшил, и теперь она является одним из самых почтенных ученых учреждений. Таким образом Менделеев был при жизни очень ценен только за границей; за границей он считался великим ученым, у нас же наоборот он почти игнорировался.

Итак, я просил Менделеева, чтобы он разобрался в этом метеорологическом споре. Через некоторое время после того, как я передал ему это дело, Менделеев пришел ко мне и сказал, что находит, что Рыкачев прав и что методы Демчинского не основаны на каких-нибудь твердых базисах, что его предсказания погоды совершенно случайны, что впоследствии и оказалось; все его предсказания погоды и его метеорологический журнал – все лопнуло. Но тогда же Менделеев сказал мне, что, тем не менее, ознакомившись с работой Демчинского, он находит, что все-таки это Богом одаренный человек, что это человек с громадным талантом, что до сих пор талант его никуда не может направиться, но что он думает, что может быть, если Демчинский проживет еще несколько десятков лет, то он может сделать какое-нибудь выдающееся открытие, потому что несомненно это человек крайне талантливый.

Когда вспыхнула война с Японией, Демчинский отправился на войну в качестве корреспондента нескольких газет и главным образом «Биржевых Ведомостей». За это он получал довольно порядочное вознаграждение; писал из действующей армии статьи весьма толковые и дельные, но неустойчивые. Сначала он несколько увлекался главнокомандующим Куропаткиным, а потом начал к нему относиться критически и даже несколько жестоко. Во время войны и после заключения мира в Портсмуте, как известно, в России вспыхнуло то, что называется революцией.

Тогда Демчинский начал издавать газеты, и так как у него средств не было и он был человеком такого рода, что часто занимал деньги и их не отдавал, поэтому вечно был запутан. За произведенные работы он часто не платил ни типографщикам, ни рабочим; происходило это не столько из дурных качеств его натуры, как вследствие его крайней легкомысленности. Так вот Демчинский издавал газеты крайне либеральные с большими нападками на правительство. Пока я был председателем совета министров, он выпадов против правительства не делал, когда же я ушел, то он начал делать весьма резкие выпады.

Но скоро товарищ министра внутренних дел Крыжановский понял, что в сущности Демчинский такой же революционер, как сам он, Крыжановский, что у него это является следствием или увлечения, или расчета сорвать с кого-нибудь несколько тысяч рублей. И вот Крыжановский, воспользовавшись этой слабостью Демчинского, сначала, вероятно, посредством денег устроил так, что он перестал издавать свои газеты и вообще перестал писать, а потом Крыжановский направил его на, так называемую, грядковую культуру хлеба. Демчинский начал ездить по России и проповедывать грядковую культуру хлеба.

Так как во время войны он был в Китае, то там и заимствовал этот способ культивирования хлебов. В Китае действительно хлеб сажают грядками, так как у нас, скажем, сажают капусту и овощи; поэтому в Китае все хлебные злаки чрезвычайной высоты; они в 3–4 раза выше, чем хлебные злаки у нас, так что в Китае они выше человеческого роста. Демчинский,

как талантливый человек, конечно, не мог не обратить на это внимания и не пожелать узнать: отчего это происходит.

Выяснив способ культивирования хлебов в Китае посредством грядок, он вздумал применять этот способ и в России. В настоящее время происходит распространение грядковой культуры, и на это, кажется, министерство внутренних дел дает средства, а Демчинский пропагандирует этот способ не только в России, но даже ездил пропагандировать его и за границу. Насколько этот способ может прочно привиться в России – я не берусь судить, но во всяком случае, основа его мысли правильна, ибо несомненно, этот способ культивирования хлебов дает в Китае громадные результаты, и вообще в Китае сельское хозяйство крайне развито. Есть сторонники этого способа культивирования хлебов, но многие этот способ критикуют. Я в это особенно не вникал, но мне кажется, что вообще грядковое культивирование хлеба может иметь большое применение, но только в хозяйствах крупных помещиков и едва ли у нас, при наших бедных крестьянских хозяйствах (из которых большинство занимается культурой хлеба), этот способ может иметь в настоящее время какое-либо значение и во всяком случае широкое распространение в крестьянском хозяйстве.

Но Демчинский по-видимому результатами своего пропагандирования чрезвычайно доволен. Еще вчера, хотя уже несколько лет я его не видел, я получил от него письмо из Москвы, в котором он пишет, что в течение нескольких лет был поглощен с головою этим делом (т. е. способом культивирования злаков), а потому у меня не бывал и не писал мне, но что теперь он в Москве успокоился и, так как его дело прочно поставлено и отлично идет, то ему, конечно, первым делом пришлось в голову поблагодарить меня, так как в своей жизни он всегда был всем мне обязан.

Когда я был управляющим юго-западных железных дорог, я был своим положением весьма доволен, потому что я получал очень большое содержание, гораздо больше, нежели я потом получал в качестве министра и председателя комитета министров. Будучи управляющим юго-зап. жел. дор., я был человеком совершенно самостоятельным, потому что правление, зная мой характер, в мои дела не вмешивалось и предоставляло мне вести дела совершенно самостоятельно... Таким образом я был сам по себе и нисколько не зависел ни от администрации, ни от кого-либо другого, имея громаднейшее дело на своих руках, потому что юго-зап. жел. дор. в это время были протяжением до 3000 верст.

Во время моего пребывания в Киеве я был свидетелем еврейских беспорядков. Как они возникли, с чего начались – этого я хорошо не припоминаю, но помню, что, узнав о беспорядках, я пошел по городу и видел, с одной стороны пьяную толпу, которая проходила по улицам, разбивая лавки и дома, в которых жили евреи (после тем же погромам подвергались и русские лавки), а с другой стороны, появились казаки, которые разгоняли всю эту толпу. Причем в это время, когда я был в Киеве, правительство не занималось науськиванием русского населения на евреев; происходило же это стихийно, помимо какого бы то ни было влияния правительственных агентов. Когда начинались беспорядки, то администрация справлялась с ними крайне энергично. Я помню, как казаки весьма сильно били толпу плетьюми. Говоря о еврейских беспорядках в Киеве, мне припоминаются также беспорядки, которые происходили в Одессе, и свидетелем которых я был. Когда я только что окончил курс в университете и поступил на одесскую жел. дор., то я жил в маленькой гостинице, которая называется Неаполь и стоит против греческой церкви. Генерал-губернатором в то время был граф Коцебу, старый человек, лет уже за 70. Я припоминаю, что когда начались эти стихийные беспорядки, то Коцебу ездил в это время верхом по городу и принимал самые энергичные меры, чтобы успокоить население; в это время комендантом города был генерал лейтенант Олухов; на моих глазах тогда были выведены войска, пехота ходила на толпу со штыками, и я видел как несколько раз люди из этой толпы были подняты на штыки.

Вообще правительство в то время смотрело на дело так, как и должно смотреть, а именно, что никаких беспорядков, никаких погромов против кого бы они ни были направлены – против русских или против евреев – государство терпеть не должно. И действительно, в то время расправлялись с беспорядками жестоко (как, впрочем, и надо с ними расправляться). Обычно являлись войска, который барабанным боем предупреждали толпу, чтобы она расходилась и, если толпа не уходила, то войско шло на толпу в штыки. Благодаря таким энергичным действиям со стороны правительства, беспорядки были сразу уничтожены. – Толпу приводили на различные площади, – как раз тогда ее привели на двор, находящийся перед греческою церковью, под окнами того номера гостиницы, где я жил, – и там в течение нескольких часов драли розгами этих буянов.

Служа на железной дороге, я в то же время состоял и чиновником особых поручений при генерал-губернаторе графе Коцебу (Как известно, впоследствии граф Коцебу был генерал-губернатором и командующим войсками в Варшаве, где и умер.).

И вот в это время, когда граф Коцебу жил в Одессе, он однажды заболел и довольно сильно; из Киева выписали доктора, известного профессора Меринга, который прописал графу Коцебу лекарство и между прочим рекомендовал ему следующий странный и оригинальный способ лечения.

Коцебу, как истый немец, привык распределять свой день по часам и минутам, и вот, в течение дня один час или полтора он катался со своею женою в коляске по городу. Когда граф Коцебу заболел и его начал лечить Меринг, то он очень настаивал, чтобы ему можно было эти час-полтора кататься. Профессор же Меринг находил катание это для графа Коцебу нездоровым до тех пор, пока у него не пройдут некоторые явления. И вот как компромисс, Меринг предписал ему следующее.

В генерал-губернаторском доме (в сущности, как я говорил, это целый дворец) есть большой крытый двор. Кучер с выездным лакеем запрягали коляску, как следует для выезда, коляска эта останавливалась на дворе, затем выходил граф Коцебу со своею женою, садился в коляску и положенное число времени (1–1½ часа) вместо того, чтобы ездить по городу они стояли во дворе в этой коляске, запряженной лошадьми, и это считалось катанием по городу. Когда впоследствии в Киеве, познакомившись с Мерингом, я спросил его: зачем это он велел так делать, то Меринг ответил, что 1) гр. Коцебу сам считал невозможным в этом отношении изменить свой образ жизни; 2) и он, Меринг, считает, что вообще, когда люди находятся в известных летах, то самое вредное для них изменять образ жизни; те люди, которые живут, как заведенные часы, обыкновенно живут гораздо дольше, нежели те, которые вдруг изменяют свой образ жизни, – очень часто случается, что, изменив свой образ жизни, они не выдерживают и умирают.

Когда я был в Киеве, то я там встречался с некоторыми лицами более или менее выдающимися, которые впоследствии оставили некоторые следы в дальнейших событиях России, вот о них то я и хочу сказать несколько слов.

В Киеве жило чрезвычайно почтенное семейство Юзефовичей; г. Юзефович был очень почтенный русский человек, направления крайне правого, но человек серьезный, много читавший и знавший. У него было 2 сына, один сын был впоследствии управляющим канцелярией у гр. Лорис-Меликова в то время, когда гр. Лорис-Меликов был диктатором в Петербурге, т. е. как говорили тогда, он был диктатором «сердца» (в сущности, он был диктатором «сердца Государя»). Официальный же пост, который он занимал, был пост министра внутренних дел, а также начальника верховной комиссии.

Другой сын – существует в настоящее время в Киеве, я уже о нем как-то раз упоминал, рассказывая о Гессе; это – ... так что только можно удивляться: как это у таких почтенных родителей могут быть такие негодные дети.

Теперь я хочу сказать несколько слов о Лорис-Меликове, так как боюсь, что в последующем изложении забуду о нем рассказать. Итак сейчас я припоминаю о нем следующее.

Будучи в Киеве управляющим юго-западных жел. дор., я написал весь (общий) устав российских жел. дор., который, в сущности говоря, стал потом законом и до сих пор регулирует всю деятельность жел. дор., т. е. собственно эксплуатацию жел. дор. Так вот, когда комиссия графа Баранова закончила свои занятия, то граф Баранов представил этот самый устав в Государственный совет, причем там явилась большая оппозиция этому уставу, в особенности его организационной части, потому что я проектировал в этом уставе совет по железнодорожным делам (который существует и в настоящее время, но я проектировал его на более автономных началах). Хотя совет, по моему проекту, и состоял при министерстве путей сообщения, но тем не менее министр путей сообщения не мог влиять на решение совета по железнодорожным делам. Я проектировал совет на началах автономных, чтобы министр путей сообщения являлся только председателем этого собрания. Вот это то и встретило большие возражения со стороны членов Государственного Совета.

Так как гр. Лорис-Меликов в то время был и министром внутренних дел и начальником верховной канцелярии и, как его тогда прозвал Катков, – «диктатором Государева сердца», то он конечно, играл громадную роль во всех государственных делах, а потому от него во многом зависело: будет ли принят устав жел. дор. в том виде, как я его проектировал, или же он будет изменен, а может быть, совет по железнодорожным делам и совсем не будет принят Государственным Советом.

В это время я вдруг получил телеграмму от гр. Лорис-Меликова (Когда я был мальчиком, то, может быть, и видел Лорис-Меликова в Тифлисе, но совершенно не помнил его. Старший же мой брат, драгун, который был потом контужен и умер от контузии, всю жизнь свою провел на Кавказе, был знаком с Лорис-Меликовым, и его Лорис-Меликов очень хорошо знал.), в которой он мне телеграфировал, что просит меня немедленно к нему приехать. Когда я приехал в Петербург, то дал ему об этом знать. Гр. Лорис-Меликов попросил меня на следующий день приехать к нему в Царское Село, где он жил, (так как в то время Император Александр II жил в Царском Селе, в Большом Дворце, а он жил во флигеле, который идет от дворца). Я приехал к Лорис-Меликову; он сначала был очень занят, а потом пригласил меня завтракать с ним, мы завтракали наедине. Вот он со мною с первого абзуга и начал такой разговор: «А скажи пожалуйста, душа мой, ты (Граф Лорис-Меликов, – как вообще все грузины и армяне, – всех знакомых людей, или людей, которых он считал близкими, называл на „ты“. А так как он знал отлично моего дядю, деда и брата, вообще все мое семейство, то он считал, что и меня он отлично знает.) составлял устав?»

– Да, – говорю, – я.

– Да, – говорит, – знаю, кто же другой. Ведь Баранов, почтенный человек, не мог же составить так; Анненков – тоже не мог... Да мне и сказали, что все это ты написал.

– Да, – говорю, – я.

– А скажи, пожалуйста, как ты думаешь, вот этот устав – против устава, в сущности, никто сильно и не возражает, а возражают против совета по железнодорожным делам, – скажи мне по совести, нужно, чтобы этот совет прошел или не нужно? Вот, – говорит, – министр путей сообщения Посьет рвет и мечет против этого совета, а почтенный Баранов настаивает на необходимости этого совета, вот ты мне по совести и скажи: нужно проводить этот совет, как ты думаешь?

Я ему говорю:

– Видите, граф, с одной стороны, в сущности, если министр путей сообщения порядочный человек, если он знает свое дело, то, конечно, совета не нужно, потому что это есть известный тормоз для деятельности министра, а с другой стороны – я вот с тех пор, как существуют у нас железные дороги, не видел и не помню ни одного министра путей сообщения, который

бы знал дело и который, действительно, был бы более или менее в деле авторитетен. Вот при таких условиях, конечно, лучше управляться коллегией, т. е. советом по железнодорожным делам, нежели министром путей сообщения.

Затем он спросил меня:

– А ты бы мог указать на кого-нибудь, как на министра путей сообщения?

Я ему указал на Ивана Григорьевича Дервиза, брата того Дервиза, о котором я говорил прежде. Он был в то время председателем правления Рязанско-Козловской жел. дор. Этот Дервиз кончил курс Правоведения и был очень толковым, умным и знающим человеком; он много служил на жел. дор., поэтому знал железнодорожное дело, так сказать, всю эту кухню министерства путей сообщения.

Но так как я не рассчитывал (и как оказалось впоследствии был совершенно прав), чтобы Лорис-Меликов мог провести Дервиза в министры путей сообщения, то и продолжал настаивать, чтобы граф провел этот железнодорожный устав непременно с советом железнодорож. дел, и чтобы совет этот провел так, как я его проектировал, т. е., чтобы права министра путей сообщения были этим советом ограничены, чтобы этот совет не был игрушкой в руках министра путей сообщения. Я так настойчиво несколько раз повторял ему это, что, очевидно, своею настойчивостью раздражил его, и Лорис-Меликов мне сказал:

– Что ты, душа мой, мне одно и то же толкуешь. Проведи да проводи, проводи да проводи... Тебе хорошо говорить, а ты думаешь это так же легко сделать, как сказать? А вот, что я тебе скажу: когда я был совсем молодым офицером лейб-гусарского полка, то на нас, на молодых офицеров, большое влияние имели фельдфебеля и унтер-офицеры, потому что без них молодой офицер ничего не может поделать...

Кроме того я вечно еще сидел на гауптвахте. И вот, как-то раз, когда один фельдфебель выдавал свою дочку замуж, то он пригласил на свадьбу молодых офицеров того эскадрона, в котором он был фельдфебелем. Мы пришли... я и еще несколько моих товарищей. Сначала была свадьба, потом был обед, а после обеда был бал... Начался бал полькой – так себе шла... потом кадрили, а затем мазурка... Вот мазурку никто не умел танцевать... кавалеры стоят как мумии... Тогда фельдфебель говорит: я, говорю их, этих писарей (большинство кавалеров на балу были писаря) сейчас выучу... Позвал писарей и говорит: дамы, чтобы танцевать мазурку – должны только бегать, а вы, говорит, чтобы танцевать мазурку должны так делать: ногами делайте, что хотите, а в голове такт держите – тогда и выйдет мазурка. Так вот (продолжал Лорис-Меликов) ты мне говоришь: сделай да сделай, ты болтаешь, болтаешь, а мне в голове надо такт держать, если я, – говорит, – не буду в голове такт держать, то пожалуй, меня Государь, – говорит, – выгонит.

В конце концов, этот устав прошел и совет по железнодорожным делам был принят, но прошел совет с различными изменениями, так что он далеко не в такой степени ограничивает власть министра путей сообщения, как это первоначально мною проектировалось.

Во время моего пребывания в Киеве там жила Великая Княгиня Александра Петровна, супруга Великого Князя Николая Николаевича (старшего), сестра принца Ольденбургского и мать великих князей (которые теперь играют роль) – Великого Князя Николая Николаевича (младшего) – главнокомандующего войсками петербургского военного округа и Великого Князя Петра Николаевича, который еще недавно был начальником военного инженерного ведомства и инспектором военных инженеров.

Великая Княгиня Александра Петровна не была особенно счастлива в браке. Имела двух сыновей, а затем с своим мужем не жила.

Великий Князь Николай Николаевич старший (его звали «старшим», в отличие от его сына тоже Николая Николаевича, которого зовут «младшим»), как известно жил с танцовщицей Числовой и от нее прижил дочь, которой была дана фамилия Николаевой; теперь она заму-

жем за князем Кантакузеном и в царской семье – по крайней мере Великий Князь Михаил Николаевич и вообще все Михайловичи – ее признают как бы за родственницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.